

ВИКРАМ СЕТ

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ!

ДОСТОЙНЫМ ЖЕНИХ

Книга 2

Большой роман (Аттикус)

Викрам Сет

Достойный жених. Книга 2

«Азбука-Аттикус»

1993

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)+84(5Инд)-44

Сет В.

Достойный жених. Книга 2 / В. Сет — «Азбука-Аттикус»,
1993 — (Большой роман (Аттикус))

ISBN 978-5-389-24438-2

Современный классик Викрам Сет – настоящий гражданин мира. Родился в Индии, учился в Оксфорде, а также в Стэнфордском университете в Калифорнии, где вместо диссертации по экономике написал свой первый роман «Золотые Ворота» об американских яппи – и это был роман в стихах; более того, от начала до конца написанный онегинской строфой. А через много лет работы вышел и «Достойный жених» – «эпопея, многофигурная, как романы Диккенса или Тrolлопа, и необъятная, как сама Индия» (San Francisco Chronicle), рекордная по многим показателям: самый длинный в истории английской литературы роман, какой удавалось опубликовать одним томом; переводы на три десятка языков и всемирный тираж, достигший 26 миллионов экземпляров. Действие происходит в вымышленном городе Брахмпур на берегу Ганга вскоре после обретения Индией независимости; госпожа Рупа Мера, выдав замуж старшую дочь Савиту, пытается найти достойного жениха для младшей дочери, студентки Латы, – а та, как девушка современная, имеет свое мнение на этот счет и склонна слушать не старших, а свое сердце. Теперь ей предстоит выбрать из трех ухажеров – сверстника-студента Кабира, знаменитого поэта Амита и Хареша, восходящей звезды обувного бизнеса... В 2020 году первый канал Би-би-си выпустил по роману мини-сериал, известный по-русски как «Подходящий жених»; постановщиком выступила Мира Наир («Ярмарка тщеславия», «Нью-Йорк, я люблю тебя»), а сценарий написал прославленный Эндрю Дэвис («Отверженные», «Война и мир», «Возвращение в Брайдсхед», «Нортэнгерское аббатство», «Разум и чувства»).

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)+84(5Инд)-44

ISBN 978-5-389-24438-2

© Сет В., 1993

© Азбука-Аттикус, 1993

Содержание

Часть десятая	10
Часть одиннадцатая	62
Часть двенадцатая	121
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Викрам Сет

Достойный жених. Кн. 2

Vikram Seth

A SUITABLE BOY

Copyright © 1993 by Vikram Seth

All rights reserved

Во внутреннем оформлении книги использованы материалы © SHUTTERSTOCK/
FOTODOM/ANTALOGYA

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© Е. И. Романова, перевод, 2023

© Л. Н. Высоцкий, перевод, 2023

© А. М. Олеар, перевод стихов, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Иностранка®

* * *

Викрам Сет – лучший писатель своего поколения, а «Достойный жених» – не просто один из длинейших романов за всю историю английской литературы, но и один из прекраснейших. Не пожалейте на него времени – и обретете друга на всю жизнь.

The Times

«Достойный жених» – это гимн жизни и любви, виртуозно исполненный на фоне только что получившей независимость Индии. Всем своим величием, безупречной достоверностью роман обязан не столько архивным исследованиям, сколько богатству воображения, инстинктивному знанию человеческого сердца, способного и к жестокости, и к доброте.

Observer

Необъятный и населенный множеством персонажей один другого обаятельнее, «Достойный жених» – это долгое, сладостное, бессонное паломничество к самой жизни. Роман Сета заслуживает того, чтобы вдохновить миллионы долгих счастливых браков и достойных читателей. Привольно раскинувшись на полторы тысячи страниц, книга озаряет Индию подобно солнцу и согревает ее своими ностальгическими лучами. Невозможно представить читателя, который останется равнодушным.

Guardian

Феномен, уникал, чудо классического повествования в современной оболочке... Трудно поверить, что Викрам Сет – это один человек: с авторитетностью и всезнанием целого комитета он пишет об индийской политике, медицине и юриспруденции, о психологии толпы, обычаях городских и деревенских, одежде, кухне, сельском хозяйстве, погребальных обрядах, крикете и даже о тончайших нюансах производства обуви.

Evening Standard

Викрам Сет вдохновлялся великими романами девятнадцатого века – «Война и мир», «Грозовой перевал», «Ярмарка тщеславия», – и «Достойный жених» не уступает им по глубине и охвату. Это поистине грандиозный труд.
Sunday Times

Скажем спасибо мистеру Сету за это широкоформатное полотно, воскрешающее в нашей памяти тот период, когда целый уклад жизни подошел к концу.
The Hindu

Роман монументальный и в то же время негромкий... Викрам Сет создал удивительнейший из гибридов – скромный шедевр.
Times Literary Supplement

В этой безмерно радующей читателя книге разворачивается неторопливая панорама полностью достоверной Индии. Каждая деталь хорошо знакома – и в то же время заново прорисована выдающимся художником.
Hindustan Times

Проза невероятного масштаба и достоверности.
Sunday Telegraph

Отдайтесь на волю этого странного, чарующего мира и приготовьтесь унести на крыльях истории. Никто другой из современных авторов не способен подарить читателям столько удовольствия.
Washington Post Book World

Безумно разнообразный, неизменно увлекательный, смешной и грустный одновременно – этот роман оборачивается самым настоящим путешествием в Индию.
Atlantic Monthly

Викрам Сет внушает читателю не просто восторг, а благоговейный трепет. Как будто слушаешь рагу в исполнении непревзойденного мастера.
New York Review of Books

Эпопея, многофигурная, как романы Диккенса или Тrolлопа, и необъятная, как сама Индия.
San Francisco Chronicle

Своим западным читателям Сет предлагает кусок жизни настолько толстый и многослойный, насколько вообще способен вписаться в полторы тысячи страниц, с бесконечным разнообразием любовно выписанных деталей.
New York Times Book Review

Роман окутывает вас тихими чарами, и вот вы уже не просто читаете эту книгу, не в силах оторваться, – вы ею дышите.
Newsweek

Редчайшая птица – литературный шедевр, в то же время приятный для чтения и без лишних претензий.
USA Today

Захватывающий роман, сторицей оправдывающий читательские ожидания.

Los Angeles Times

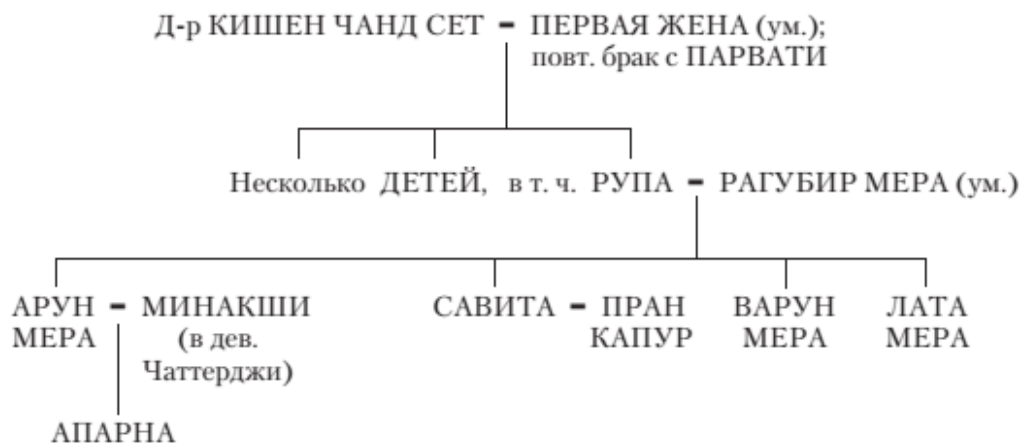
Яркая панорама Индии в середине века, населенная удивительными персонажами – теперь они останутся с вами навсегда, как старые друзья.

People

Огромный, да что там – исчерпывающий роман, который открывает удивительные глубины, а также бездну юмора и фантазии.

Chicago Tribune

МЕРЫ

КАПУРЫ

ХАНЫ

ЧАТТЕРДЖИ

Часть десятая

10.1

Через несколько дней после бури в Дебарии случился исход: ее покидало сразу несколько человек, причем каждый по своей причине. Все они направлялись в Салимпур, подокружной город, где находилась ближайшая железнодорожная станция нужной им ветки.

Рашид поехал за женой и двумя детьми – хотел привезти их в Дебариию и побыть с ними до возвращения в Брахмпур.

Ман его сопровождал, без особого, впрочем, на то желаяния. Много ли удовольствия может быть в таком путешествии? Приехать в деревню, где живут жена Рашида и ее отец, потом тащиться вместе обратно – причем она будет с ног до головы закрыта черной паранджой и разговаривать с ней нельзя, – постоянно чувствовать, как Рашиду неловко вести две беседы одновременно, да еще терпеть невыносимую жару... Однако учитель его пригласил, и отказываться было неудобно, да и уважительных поводов не нашлось. Возможно, Рашид тоже сделал это из вежливости, чтобы не бросать гостя одного. В самом деле, что он будет делать тут один? Эдак и с ума сойти недолго. Жизнь в Дебарии, полная неудобств и скуки, очень тяготила Мана.

Медведь и гуппи тоже доделали свои дела в деревне и поехали дальше.

У Нетаджи якобы нашлось «одно дельце в подокружном суде» – на самом деле он просто хотел потеряться в обществе чиновников местной администрации и мелких политиков.

Наконец, в Салимпур направлялся прославленный археолог Вилайят-сахиб, которого Ман так ни разу и не увидел. Он ехал в Брахмпур, а оттуда – домой в Дели. Причем из деревни

он отбыл в полном одиночестве на запряженной быком телеге, никому ничего не сказав и не дав возможности остальным по-дружески предложить ему местечко в повозке рикши.

«Его словно и не существует, – думал Ман, – он будто соблюдает пурду. Я о нем слышал, но никогда его не видел, совсем как женщин этой семьи. Они-то ведь должны существовать! Или нет? Быть может, все женщины – лишь пущенный кем-то слух?» На душе у Мана становилось все муторнее.

Нетаджи, бравый усатый молодец, предложил домчать Мана до Салимпур на «харлее».

– Зачем вам целый час трястись на рикше по такой-то жаре? – спросил он. – Вы ведь брахмпур-валла и привыкли к роскоши. Незачем вам плавить мозги на солнышке. К тому же я хотел с вами поговорить.

Ман согласился и теперь трясся по ухабистой проселочной дороге на мотоцикле: мозги его, может, и не плавилась, зато дребезжали.

Рашид предупредил Мана, что Нетаджи из любых ситуаций пытается извлечь личную выгоду, поэтому Ман не удивился обороту, который приняла их беседа.

– Ну как вам? Слышите меня хорошо? – спросил Нетаджи.

– О да.

– Я спрашиваю, как вам? Нравится?

– Очень. Где вы достали мотоцикл?

– Нет, я не про мотоцикл, а про нашу деревню! Нравится вам здесь?

– А почему нет?

– Раз «почему нет» – значит не нравится.

– Неправда, мне пришлось по душе ваши края!

– Это чем, интересно?

– Ну, здесь свежий воздух, – выкрутился Ман.

– А я вот терпеть не могу деревню! – прокричал Нетаджи.

– Что?

– Говорю, ненавижу деревню! Делать здесь нечего, никакой политики – скучно! Если я хотя бы пару раз в неделю не съезжу в Салимпур, меня начинает мутить.

– Мутить?

– Да. От местных деревенщин с души воротит. А самое ужасное – это хулиганье. Моаззам, например. Никакого уважения к чужой собственности... Держитесь крепче, не то свалитесь! Прижмитесь ко мне хорошенько!

– Ладно.

– Даже мотоцикл не могу уберечь от этой шпаны! Поставить его некуда. Стоит посреди двора – они его и ломают из вредности. Брахмпур – вот это я понимаю, вот это город!

– О, вы бывали в Брахмпуре?

– Конечно! – нетерпеливо ответил Нетаджи. – Знаете, что мне больше всего понравилось?

– Что? – спросил Ман.

– Можно питаться в отелях, а не дома!

– В отелях? – нахмурился Ман.

– Ну да, в маленьких отелях.

– Понятно.

– Так, сейчас будет плохой участок. Держитесь крепче! Я сброшу скорость. Так мы не упадем, даже если колесо проскользнет.

– Хорошо.

– Вы меня слышите?

– Прекрасно слышу.

– Мухи в глаза не летят?

– Нет, вы меня прикрываете.

После недолго молчания Нетаджи сказал:

– У вас, наверное, много связей.

– Связей?

– Ну да, связей, связей, вы же меня поняли.

– Э-э...

– Вы должны воспользоваться своими связями и помочь нам, – заявил Нетаджи. – Мне, например, нужна лицензия на торговлю керосином. Уверен, что сын министра по налогам и сборам запросто может такое устроить.

– Вообще-то, все подобные лицензии выдает другое министерство, – спокойно ответил Ман, даже не думая обижаться. – Гражданского снабжения, если не ошибаюсь.

– Да бросьте, вы наверняка можете подсобить. Уж я-то знаю, как у вас там все устроено.

– Нет, не могу, – честно сказал Ман. – Если заикнусь об этом отцу, он меня живьем съест.

– Ладно вам, я просто спросил. Вашего отца, между прочим, здесь уважают... Почему он не найдет вам хорошую работу?

– Работу?.. Погодите, а почему здесь уважают отца? Он же грозитя отобрать ваши земли, разве нет?

– Ну-у... – начал было Нетаджи и осекся.

Вероятно, не стоит рассказывать Ману, что местный чиновник-патвари блюдет интересы их семьи. Ни Нетаджи, ни все остальные пока не знали о визите Рашида к старику. Никому бы и в голову не пришло, что тот способен прийти к патвари и попросить его переписать бумаги на Качхеру.

– Нас провожал ваш сын? – спросил Ман.

– Да. Ему два годика с небольшим, и в последнее время он не в духе.

– Почему?

– Вернулся недавно от бабушки. Та его разбаловала, и теперь ему все на так, все не то.

Капризничает страшно!

– Может, из-за жары?

– Может, – согласился Нетаджи. – Вы когда-нибудь влюблялись?

– Что-что?

– Вы когда-нибудь влюблялись, говорю?

– О да, – ответил Ман. – Скажите, что это за здание мы миновали?

Через некоторое время они въехали в Салимпур. С остальными решено было встретиться возле магазина одежды и промтоваров. В базарный день узкие многолюдные улочки Салимпура были забиты под завязку. Торгаши всех видов и мастей, заклинатели змей с вялыми кобрами, лекари-шарлатаны, лудильщики, торговцы фруктами с корзинами манго и личи¹ на головах, кондитеры с засиженными мухами лотками, полными барфи², ладду³ и джалеби⁴, а также изрядное количество крестьян – не только Салимпура, но и ближайших деревень – заполнили весь центр города.

Стоял невероятный шум. Сквозь гвалт покупателей и крики торгашей доносилось блянье двух репродукторов: один транслировал передачи «Всеиндийского радио», другой –

---

¹ *Личи* китайское – плодовое дерево семейства сапиндовых, известное также как личи, лиджи, китайская слива. – *Здесь и далее примеч. перев.*

² *Барфи* – традиционный индийский десерт, как правило из кокосовой стружки, сгущенного и сухого молока, сливочного масла и сливок с кедровыми орехами и фундуком; барфи бывает кокосовым, молочным, ореховым и т. п.

³ *Ладду* – десерт из гороховой (нутовой) муки и топленого сливочного масла с орехами, кокосовой стружкой и сладкими специями: корицей, кардамоном и мускатным орехом.

⁴ *Джалеби* – десерт, популярный в Индии, на Ближнем Востоке и в северной Африке: нити из теста, приготовленного из пшеничной муки тонкого помола, жаренные во фритюре из гхи и политые сахарным сиропом. Может подаваться горячим или холодным.

музыку из фильмов, перемежаемую рекламой сиропа «Рахат-и-Рух» и масла для волос «На седьмом небе».

Электричество! Ман возликовал. Может, здесь даже будут вентиляторы.

Нетаджи, непрерывно бранясь и гудя в клаксон, с черепашьей скоростью продвигался сквозь толпу. За пятнадцать минут они не проехали и ста ярдов.

– Опоздают на поезд! – сказал он, имея в виду остальных, выехавших на полчаса позже и к тому же на рикше. Впрочем, поезд уже задерживался на три часа, так что вряд ли они могли на него опоздать.

Когда Нетаджи добрался до магазина, принадлежавшего его другу (увы, вентилятора там не оказалось), его одолела такая жуткая головная боль, что он лишь мимоходом представил Мана приятелю, после чего сразу лег на скамейку и закрыл глаза. Хозяин заказал им несколько чашек чая. К тому времени в магазин собралось уже несколько человек, регулярно приходивших сюда посплетничать о политике и всем на свете. Один читал газету на урду, второй – сосед-ювелир – методично и вдумчиво ковырял в носу. Вскоре прибыли Медведь и гуппи.

Поскольку здесь, помимо прочего, продавали и одежду, Ману захотелось узнать, как устроен магазин. Он обратил внимание на полное отсутствие покупателей.

– Почему никого нет? – спросил Ман хозяина.

– Так базарный день же. В магазины народ почти не заходит, – пояснил ювелир. – Разве кто неместный случайно забредет. Поэтому я и ушел из своей лавки. Вон моя дверь, я отсюда за ней присматриваю.

Затем он обратился к хозяину магазина:

– А что в Салимпуре сегодня делает ГПА Рудхии?

Нетаджи, лежавший на лавке неподвижно, как труп, вдруг подскочил, заслышав аббревиатуру ГПА. В Салимпуре был собственный глава подокружной администрации – мелкий поместный князек. А тут соседний князь пожаловал – ничего себе новости!

– Наверное, копаться в архивах приехал, – сказал хозяин магазина. – Я слышал, к нам должны кого-то откуда-то прислать, чтобы на них взглянуть.

– Осел! – воскликнул Нетаджи и без сил повалился обратно на лавку. – Архивы тут ни при чем. Наверное, думают, как сообщить местному населению – ну, о вступлении в силу Закона об отмене системы заминдари, когда его наконец примут.

На самом деле Нетаджи понятия не имел, что здесь делает ГПА, но решил во что бы то ни стало с ним встретиться.

Через пару минут в магазин заглянул тщедушный учитель, тоже приятель хозяина. Ехидно заметив, что у него, в отличие от некоторых, нет времени на праздную болтовню, он безразлично зыркнул на растянувшегося на лавке Нетаджи, озадаченно – на Мана и отбыл.

– А где гуппи? – вдруг спросил Медведь.

Никто не знал. Гуппи исчез. Несколько минут спустя его обнаружили на улице: он, разинув рот, любовался пузырьками с пилюлями и снадобьями престарелого лекаря-шарлатана, разложившего товар прямо посреди улицы. Вокруг собралась толпа, и все слушали шарлатанские рассказы о некоей мутной ядовито-зеленой жидкости в стеклянной бутылочке, которой тот потрясал над головой.

– Это чудодейственное зелье, истинную панацею, подарил мне Таджуддин, великий баба, небожитель. Двенадцать долгих лет он прожил в джунглях Нагпура и все это время ничего не ел – влагу получал из зеленых листьев, которые постоянно жевал, а вместо еды прижимал к животу камень. Мышцы его сгнили, кровь испарилась, плоть усохла. Он превратился в черный мешок с костями. И тогда Аллах сказал двум ангелам: «Летите к Таджуддину, передайте старику мой салам...»

Гуппи слушал этот бред с распахнутыми глазами и верил каждому слову: Медведю пришлось чуть ли не силой затащить его с улицы в магазин.

10.2

Когда приятели принялись за чай, пан⁵ и газеты, разговор пошел о политике, в частности – о недавних брахмпурских беспорядках. Главным объектом всеобщей ненависти стал министр внутренних дел Л. Н. Агарвал, чьи попытки оправдать преступные действия сил полиции, открывших огонь по толпе мусульман возле мечети Аламгири, получили широкую огласку в прессе. Этот же министр всячески поддерживал строительство – впрочем, он называл это реконструкцией – храма Шивы. Рифмованные речовки, популярные среди брахмпурских мусульман, добрались уже и до Салимпура. Местные с наслаждением скандировали:

Самп ка зэхар, инсан ки кхал:
Йе хей Л. Н. Агарвал!
Как змея с десятком жал,
Человек – Л. Агарвал!
Гхар ко лут кар кха гайа мал:
Хом министр Агарвал!
Всех ограбил, все сожрал
Наш министр Агарвал!

Вероятно, эти строки имели отношение к приказу о конфискации холодного оружия, в соответствии с которым полиция отбирала у людей не только топоры и копья, но даже обыкновенные кухонные ножи. Или, возможно, они отсылали к тому факту, что Л. Н. Агарвал, являясь членом Индуистской гильдии розничных торговцев, был главным сборщиком средств для партии Конгресс в штате Пурва-Прадеш. Его принадлежность к торговому сообществу банья высмеивалась в следующей речовке:

Л. Н. Агарвал, вапас джао,
баньи ки дукаан чалао!
Агарвал, вали отсюда
И торгуй своей посудой!

Отчего-то не все присутствующие понимали, что громогласный смех, сотрясший стены магазина на последних строках, едва ли уместен: друзья, в конце концов, собрались именно в лавке, и Ман, будучи кхатри, имел непосредственное отношение к торговле.

Резко отличаясь этим от Л. Н. Агарвала, Махеш Капур, даром что индуист, был известен уважительным отношением ко всем религиям (кроме собственной, как порой сетовала его супруга), в связи с чем осведомленные мусульмане держали его в большом почете. Вот почему, когда Ман и Рашид только познакомились, учитель сразу проникся теплыми чувствами к ученику. Сейчас он сказал Ману:

– Если бы не такие всенародные лидеры, как Неру, и не такие политики, как твой отец, на уровне штатов, положение мусульман в Индии было бы еще плачевней.

Ман лишь пожал плечами: ему не очень-то хотелось слушать похвалы в адрес отца.

Рашид подивился, что Мана как будто совсем не тронули его слова. Вероятно, дело в формулировке? Он сказал «положение мусульман», а не «наше положение» – отнюдь не

---

⁵ *Пан* – индийская жвачка для дезинфекции полости рта, в которую добавляют гашеную известь, пряности, семена горчицы, тертый орех арековой (бетелевой) пальмы, мед, лимон, ментол и даже сусальное серебро; также популярна как стимулирующее средство.

потому, что не чувствовал себя частью сообщества, просто он привык мыслить условными, почти абстрактными категориями, даже когда речь заходила о столь близких его сердцу темах. Смотреть на мир как можно более объективно давно вошло у него в привычку, но в последние дни (после разговора с отцом на крыше) мир этот вызывал у Рашида все более отчетливое отвращение. Собственным коварством – или, быть может, нечистоплотностью – он тоже не гордился, но другого выхода у него не было. Заподозри патвари, что Рашид действует по собственной воле, не заручившись поддержкой семьи, ничто не помогло бы Качхеру отстоять право на возделывание своего клочка земли.

– Я вам скажу, что думаю по этому поводу, – заявил Нетаджи тоном истинного вождя (прозвище обязывало как-никак). – Мы должны действовать сообща, единым фронтом. Вместе работать во имя общего блага. Только мы можем изменить сложившееся положение. Прежние лидеры дискредитированы, и теперь нам нужна молодежь – молодые ребята, как... каких много вокруг... способные взять все в свои руки. Деятели, а не мечтатели. Люди из простого народа, уважаемые члены общества. Да, все уважают моего отца, раньше он действительно имел связи, я этого не отрицаю. Но его время, как все вы наверняка согласитесь, уже на исходе. Недостаточно...

Увы, никто так и не узнал, каких действий, по его мнению, было недостаточно. Неподалеку остановилась повозка с репродукторами, рекламировавшая масло для волос «Седьмое небо». Минуту было тихо, а потом загремела такая оглушительная музыка, что всем присутствующим пришлось зажать уши. Бедный Нетаджи прямо позеленел от боли и стиснул ладонями голову, после чего все вывалились на улицу, дабы прекратить окаянный шум. Однако в это самое мгновение Нетаджи заметил в толпе высокого молодого человека в «сола топи», пробковом шлеме: лицо незнакомое и какое-то бесхарактерное. ГПА Рудхии – а это в самом деле был он, чутье никогда не подводило Нетаджи – недовольно взглянул на источник шума, но двое полицейских поспешно повели его прочь, в направлении вокзала.

Когда эти головы (два тюрбана по бокам, шлем посередине) замелькали в толпе и исчезли, Нетаджи в панике схватился за усы: добыча уходит!

– На вокзал, на вокзал! – завопил он, начисто забыв о головной боли, да так громко, что даже оглушительные мелодии из репродукторов не смогли заглушить его крик. – Поезд, поезд, вы же все опоздаете! Хватайте сумки и бежим! Скорей! Скорей!

Все это прозвучало весьма убедительно: никто даже не усомнился в правоте Нетаджи. Десять минут спустя, проталкиваясь сквозь толпу, потев и вопя, бранясь и слыша брань в ответ, делегация из Дебарии прибыла на вокзал. Там они узнали, что поезд прибудет только через час.

Медведь раздраженно взглянул на Нетаджи:

– И зачем ты нас поторопил?!

Глазки Нетаджи нервно забегали по перрону. Вдруг его лицо расплылось в улыбке.

Медведь нахмурился. Склонив голову набок, он посмотрел на Нетаджи и повторил вопрос:

– Зачем, а?

– Что? Что ты сказал? – рассеянно переспросил Нетаджи. В дальнем конце перрона, рядом с будкой начальника станции, он заметил заветный пробковый шлем.

Медведь, досадуя на Нетаджи и на самого себя, отвернулся.

Предвкушая новое полезное знакомство, Нетаджи схватил Мана за грудки и в буквальном смысле слова потащил его за собой. Ман от неожиданности и потрясения даже не стал сопротивляться.

Нетаджи без всякого стеснения подошел напрямик к молодому ГПА и с апломбом заговорил:

– ГПА-сахиб, очень рад познакомиться. Не покривив душой, скажу, что это огромная честь для меня!

Из-под полей «сола топи» показалось озадаченное и недовольное лицо чиновника с маленьким безвольным подбородком.

– Да? – сказал ГПА. – Чем могу помочь?

На хинди он говорил вполне сносно, но с бенгальской интонацией.

Нетаджи продолжал:

– Ну что вы, ГПА-сахиб, вопрос следует ставить иначе: чем вам могу помочь я? Вы ведь гость в нашем техсиле⁶. Я – сын заминдара из Дебарии, меня зовут Тахир Ахмед Хан. Все здесь меня знают. Тахир Ахмед Хан, запомните. Я из Конгресса, занимаюсь делами молодежи.

– Понятно. Рад познакомиться, – безрадостно ответил ГПА.

Такой прием не обескуражил Нетаджи. Тот мигом извлек из рукава козырную карту:

– А это мой добрый друг, Ман Капур, – эффектно произнес он, подталкивая угрюмого Мана вперед.

– Хорошо, – столь же равнодушно произнес ГПА, потом медленно нахмурился и сказал: – Кажется, мы где-то встречались...

– Так это же сын Махеша Капура, нашего министра по налогам и сборам! – с нескрываемым, прямо-таки агрессивным раболепием воскликнул Нетаджи.

ГПА удивился. Потом вновь сосредоточенно нахмурил лоб.

– Ах да! Нас познакомили около года назад, на приеме в доме вашего отца, – уже добродушнее проговорил он по-английски (таким образом исключая Нетаджи из разговора). – У вас ведь дом неподалеку от Рудхии, если не ошибаюсь? Рядом с городом то есть.

– Да, у отца там ферма. – Ман вдруг вспомнил про отцовскую просьбу. – Вы мне напомнили: надо будет на днях туда навеститься.

– А что вы здесь делаете? – спросил ГПА.

– Да так, ничего особенного. Приехал погостить к другу. – Помедлив, Ман добавил: – Он на другом конце перрона стоит.

ГПА вяло улыбнулся:

– Что ж, я сегодня как раз собираюсь в Рудхию. Если хотите посетить ферму отца и не боитесь тряской поездки на джипе, приглашаю составить мне компанию. Я приехал отстреливать волков, хотя, должен признать, никакой подготовки у меня нет, да и должной сноровки тоже. Но положение обязывает: народ должен видеть, что я самолично взялся за устранение угрозы.

Глаза Мана вспыхнули.

– Охота на волков?! Вы серьезно?

– Разумеется, серьезно, – ответил ГПА. – Начинаем завтра утром. Вы любите охоту? Не желаете присоединиться?

– Еще как люблю! И желаю! – с жаром воскликнул Ман. – Но у меня с собой только курта-паджама.

– Это нестрашно, мы вас принарядим, если понадобится, – сказал ГПА. – Да и вообще это не светское мероприятие. Будем отстреливать волков-людоедов, открывших охоту на жителей моего подокруга.

– Что ж, я поговорю с другом. – Ману пришло в голову, что он получил сразу три подарка судьбы: возможность заняться интересным делом, отвертеться от неприятной поездки и вдобавок исполнить сыновний долг. Он обратил на нежданного благодетеля самый дружеский взгляд и сказал: – Сейчас вернусь. Простите, вы, кажется, не назвали свое имя...

– Ох, и правда, виноват! Меня зовут Сандип Лахири, – сказал ГПА, тепло пожимая ему руку и не обращая никакого внимания на обиженного и негодующего Нетаджи.

---

⁶ *Техсил* – единица административного деления, состоит из города и нескольких прилегающих к нему деревень.

10.3

Рашид ничуть не расстроился, что Ман не поедет с ним в деревню к жене, и был рад, что его непутевый ученик так загорелся визитом на отцовскую ферму.

ГПА тоже был рад – все-таки вдвоем охотиться на волков куда веселее. Они с Маном договорились встретиться через пару часов. Закончив дела на салимпурском вокзале – связанные с транспортировкой препаратов в рамках программы вакцинации местного населения, – Сандип Лахири присел на диванчик в будке начальника станции и достал из сумки роман «Говардс-Энд» Форстера⁷. Он еще читал, когда пришел Ман, и они сразу отправились в путь.

Поездка на джипе в южном направлении в самом деле оказалась очень тряской – и пыльной. Впереди сидели водитель и полицейский, сзади – Ман и Сандип Лахири. Они почти не разговаривали.

– А ведь полезная штука! – в какой-то момент сказал Сандип, сняв пробковый шлем и окидывая его восхищенным взглядом. – Я не верил, что он спасает от солнца, пока не начал тут работать. Думал, это просто очередной бессмысленный атрибут униформы пукка-сахиба.

Еще через какое-то время он сообщил Ману несколько демографических подробностей о своем подокруге: сколько в нем проживает мусульман, индусов и так далее, каково их процентное соотношение. Цифры эти моментально вылетели у Мана из головы.

Время от времени Сандип Лахири осторожно высказывал гладкие, хорошо сформулированные соображения на ту или иную тему. Ману это пришлось по душе.

Вечером, когда они ужинали в бунгало Сандипа, Ман проникся к нему еще большим уважением. Главу подокружной администрации ничуть не смущало, что перед ним сын министра: он без обиняков рассказывал о том, как местные политики ставят ему палки в колеса. Поскольку он был облечен не только административной, но и судебной властью (до разделения полномочий в штате Пурва-Прадеш еще не дошли), работы на него свалилось больше, чем в состоянии выполнить простой смертный. Вдобавок регулярно возникали непредвиденные дела: то волки, то эпидемия, а то какой-нибудь влиятельный чиновник нагрывает, и почему-то именно ГПА должен всюду его сопровождать. Как ни странно, больше всего проблем ему создавал даже не местный ЧЗС⁸, а депутат Законодательного совета, живший в этих краях и полагавший их своей вотчиной.

Этот господин (как узнал Ман за стаканчиком нимбу-пани с джином) почему-то считал ГПА своим соперником в борьбе за власть. Пока ГПА был покладист и советовался с ним по любому вопросу, он помалкивал. Но стоило Сандипу проявить самостоятельность, как он моментально ставил его на место.

– Беда в том, – сказал Сандип Лахири, печально взглянув на гостя, – что этот Джжа – член Конгресса, председатель Законодательного совета и друг главного министра. Причем он не упускает возможности напомнить мне об этом. Периодически он замечает, что я вдвое младше его, а он, стало быть, – носитель «мудрости народа». Что ж... Безусловно, в чем-то он прав. В течение восемнадцати месяцев после назначения на должность нам вверят судьбы полумиллиона человек – мы занимаемся и доходными статьями бюджета, и уголовными делами, не говоря уже об охране закона и порядка, заботе об общем благополучии подокруга... По сути, мы этим людям как отец и мать. Неудивительно, что я его раздражаю, – зеленый юнец с полугодовальным

---

⁷ «Говардс-Энд» (1910) – роман английского писателя Эдварда Моргана Форстера (1879–1970), близкого к «блумсберийскому кружку» (Вирджиния Вулф, Бертран Расселл, Джон Мейнард Кейнс и др.).

⁸ ЧЗС – член законодательного собрания.

опытом работы в другом районе, только-только закончивший практику в Доме Меткалфа⁹. Еще нимбу-пани?

– С удовольствием.

– Знаете, закон вашего отца завалит нас работой, – чуть позже заметил Сандип Лахири. – Но это к лучшему, наверное, – добавил он нерешительно. – О, сейчас будут новости. – Он подошел к буфету, на котором стояло большое радио в полированном деревянном корпусе со множеством круглых белых ручек.

Сандип включил радио. Медленно загорелся большой зеленый световой индикатор, и комнату заполнил мужской голос – устат Маджид Хан исполнял рагу. Недовольно поморщившись, Сандип Лахири убавил громкость.

– Ничего не поделаешь, – сказал он, – приходится это слушать. Такова цена за свежие новости, и я плачу ее каждый день. Почему они не поставят что-нибудь приятное, Моцарта или Бетховена?

Ман, который слышал западную классическую музыку только пару раз в жизни (и вовсе не нашел ее приятной), сказал:

– Ну, не знаю. Наверное, народ не оценит.

– Вы так думаете? – спросил Сандип. – А мне кажется, большинству понравится. Хорошая музыка есть хорошая музыка. Требуется немного натренировать слух, только и всего. Ну, и чтобы кто-то приобщал людей к прекрасному.

Ман пожал плечами.

– Как бы то ни было, – сказал Сандип Лахири, – я уверен, что от этих кошмарных звуков народ тоже не получает никакого удовольствия. Им подавай песни из кинофильмов, а «Всеиндийское радио» такое крутить не станет. Даже не знаю, что я тут делал бы без Би-би-си.

Как будто ответ на его слова, из радио донеслось несколько коротких гудков, и явно индийский голос с явно британским флером объявил:

– Вы слушаете «Всеиндийское радио»... Программу новостей ведет Мохит Бос.

10.4

Следующим утром они отправились на охоту.

Пастухи гнали по дороге скот. Увидев мчавшийся на них белый джип, животные в страхе разбежались, причем водитель зачем-то секунд двадцать непрерывно давил на клаксон, чем вконец всех распугал. Но вот джип умчался прочь, оставив за собой облако пыли. Пастушки разинули рты и восторженно закашляли: они сразу узнали джип ГПА, единственный автомобиль на здешних дорогах. Водитель гордо задирал нос, чувствуя себя не иначе как королем автострады, хотя на автостраду эта проселочная дорога не тянула. Пока что грунт под колесами казался вполне плотным, но с приходом муссонов здесь наверняка будет не проехать.

Сандип одолжил Ману пару шорт защитного цвета, сорочку и шляпу. У двери со стороны Мана стояла винтовка, которая хранилась в бунгало ГПА. Вчера Сандип (с явным неудовольствием) произвел из нее пробный выстрел, но больше стрелять ему не хотелось. Ман вызвался делать это за него.

С друзьями из Варанаси он не раз охотился на нильгау и оленей, диких кабанов и – однажды и безуспешно – на леопарда. Занятие это ему очень нравилось. На волков, впрочем, он никогда не охотился и особенностей этого вида охоты не знал. Наверное, с ними должны пойти

---

⁹ Дом Меткалфа в Дели – административное здание, где во времена Британской Индии заседали верхняя и нижняя палаты Имперского Законодательного совета, а позднее – парламент Индии. Назван так в честь Чарльза Меткалфа (1785–1846), губернатора Агры, генерал-губернатора Бенгалии и лейтенант-губернатора Северо-Западных провинций Индии.

загонщики? Сандип, похоже, тоже ничего в этом не смыслил. Ман решил разузнать побольше о самой проблеме.

– Разве волки не боятся людей? – спросил он.

– Вот и я думал, что боятся, – ответил Сандип. – В этих лесах не так много волков осталось, и местным не разрешают их отстреливать без веской причины. Но я видел детей, покусанных волками, и даже останки детей, которых волки загрызли и съели. Это поистине страшно. Местные в ужасе. Возможно, они слегка преувеличивают, но полицейские видели волчьи следы и прочее. Словом, это точно волки безобразничают, а не леопарды, гиены или другие хищники.

Они ехали по холмистой местности, покрытой чахлым кустарником и каменистыми россыпями. Становилось жарко. Время от времени им попадались совсем бедные и захудалые деревушки – те, что были ближе к городу, не оставляли такого гнетущего впечатления. В какой-то момент они остановились спросить у местных, не проезжали ли мимо другие охотники.

– Да, сахиб, – ответил беловолосый мужчина средних лет, потрясенно тараща глаза на ГПА. – Проезжала машина и еще один джип.

– В вашу деревню тоже волки повадились? – спросил его Сандип.

Беловолосый покачал головой из стороны в сторону.

– Да, сахиб. – Он нахмурил лоб, что-то припоминая. – Жена Баччана Сингха спала на улице с сынком, вот его-то волк и утащил. Мы погнались за ним с фонарями и палками, да поздно. Потом нашли тельце в поле, обглоданное. Сахиб, умоляю, спасите нас от этой напасти, вы нам как отец родной, на вас вся надежда! Мы и спать перестали: внутри жарко, а снаружи опасно!

– Когда это случилось? – сочувственно спросил его ГПА.

– В прошлом месяце, сахиб, в новолуние.

– На следующий день после новолуния, – поправил его другой местный.

Когда они сели обратно в машину, Сандип сказал:

– Как это все прискорбно – и для людей, и для волков.

– Прискорбно... для волков? – не понял Ман.

– Ну да, – ответил Сандип, снимая шлем и отирая лоб. – Сейчас тут бесплодная пустыня, а раньше был лес – мадука, сал и прочие деревья, – и в нем водилась всякая живность, на которую охотились волки. А потом деревья стали вырубать. Сперва для военных целей, а потом, после войны, уже нелегально. Лесники закрывали на все глаза – подозреваю, им приплачивали сами местные жители, которым нужны были земли для полей и огородов. Волки вынуждены сбиваться в стаи на крошечных территориях, кормиться им нечем – вот они и звереют. Летом хуже всего: засуха, есть нечего, ни крабов сухопутных, ни лягушек, ни другой мелкой живности. Тогда они начинают охотиться на деревенских коз. А если не могут добыть коз, нападают на детей.

– Нельзя ли заново посадить леса?

– Это должны быть земли, неиспользуемые в сельском хозяйстве. С политической точки зрения – да и с человеческой, чего уж там, – иначе просто нельзя. Джха с меня шкуру снимет, если я об этом заикнусь. Да и потом, такая мера даст результат не сразу, а местные требуют прекратить этот ужас прямо сейчас.

Вдруг он похлопал водителя по плечу. Тот вздрогнул, обернулся и, не сбавляя скорости, вопросительно посмотрел на ГПА.

– Перестаньте, пожалуйста, сигналить, – обратился к нему ГПА на хинди.

После короткой паузы он вернулся к беседе с Маном:

– Статистика, знаете ли, наводит ужас. За последние семь лет каждое лето – начиная с февраля и заканчивая июнем, когда приходят муссоны, – в районе ближайших тридцати деревень волки убивают больше дюжины детей и примерно столько же остаются калеками на всю жизнь. Все эти годы чиновники только и делали, что писали письма, судили да рядили, пыта-

лись что-то придумать, – но в основном все решения остаются на бумаге. Однажды привязали к дереву за пределами деревни, где до этого задрали ребенка, несколько коз – будто это могло что-то изменить... – Он пожал плечами, нахмурился и вздохнул; Ману подумалось, что маленький подбородок придает Сандипу несколько сварливый вид. – Словом, в этом году я решил принять меры. К счастью, ОМ меня поддержал, помог подключить полицию и так далее. У них есть пара хороших стрелков, да не с простыми пистолетами, а с винтовками. Неделю назад мы узнали, что в этом краю объявилась стая волков-людоедов, и... Ах, да вот и они! – воскликнул он, показывая пальцем на дерево рядом со старым заброшенным сераем – стоянкой для путешественников, – у самой дороги примерно в фарлонге¹⁰ от них.

Вокруг припаркованных под деревом джипа и автомобиля толпились люди, в большинстве своем местные жители. Джип ГПА с ревом и визгом остановился, обдав всех облаком пыли.

Хотя ГПА был самым неопытным среди собравшихся чиновников и полицейских и едва ли мог правильно организовать охоту, Ман заметил, что все они обращаются к нему крайне почтительно и полагаются на его мнение, даже когда никакого мнения у него нет. В конце концов Сандип всплеснул руками и, вежливо досадуя, сказал:

– Ладно, давайте больше не будем тратить время на разговоры. Загонщики и стрелки, говорите, уже на месте, рядом с оврагом? Вот и славно. Но промедление меня совсем не радует. Вы, – он указал на двух чиновников из лесного департамента, пятерых их помощников, инспектора, двух стрелков из полиции и обычных полицейских, – топтались здесь целый час, ждали нас, а мы топчемся уже полчаса – разговариваем. Надо было лучше спланировать наш приезд, но что уж теперь. Не будем терять время. С каждой минутой становится все жарче. Господин Прашант, говорите, три дня назад вы обошли все окрестности и составили подробный план? Что ж, считайте, ваш план одобрен, не нужно спрашивать моего позволения по каждому вопросу. Говорите нам, куда идти, а мы будем вас слушаться. Представьте, что вы здесь ОМ¹¹.

Господин Прашант, лесничий, побледнел от ужаса при этой мысли, как будто Сандип позволил себе грязно пошутить про Бога.

– Что ж, вперед! Убивать убийц, – объявил Сандип, оскалился и принял почти свирепый вид.

10.5

Джипы и легковой автомобиль свернули с главной дороги на проселочную, оставив местных жителей позади. Они миновали еще одну деревню и выехали на открытую местность: те же каменистые россыпи, скалы и чахлый кустарник, перемежаемые пахотными землями и редкими деревьями: огненными, баньянами и мадуками. Скалы копили тепло уже несколько месяцев, и сейчас все вокруг начинало мерцать в утреннем солнце. Даже в полдевятого утра было жарко. Джип катил вперед, прыгая на ухабах, а Ман позевывал и глазел по сторонам. Он был счастлив.

Машины остановились возле большого баньяна на берегу высохшего ручья. Там загонщики, вооруженные дубинками латхи, копьями и парой примитивных барабанов, сидели, жевали табак, фальшиво пели и обсуждали, на что потратят две рупии, которые им обещали за сегодняшнюю работу. Несколько раз они уточняли у господина Прашанта, как именно следует вести облаву. Народ подобрался разный, всех возрастов и размеров, но каждый хотел пригодиться и надеялся выгнать из лесу пару-тройку людоедов. За последнюю неделю этих волков видели уже несколько раз – они охотились парами или небольшими стаями, иногда по четыре

---

¹⁰ *Фарлонг* – мера длины, равен 200,2 м.

¹¹ *ОМ* – окружной магистрат.

особи в стае, и прятались в длинном овраге, куда уходило русло высохшего ручья. Скорее всего, там они отсиживались и сейчас.

Наконец загонщики двинулись по полям и грядам к дальнему концу оврага и скрылись из виду. Оттуда они должны были пойти обратно уже по оврагу и, если повезет, выгнать волков прямо на охотников.

Джипы, взметая клубы пыли, поехали к ближнему концу оврага. Однако выходов из оврага – равно как и входов в него – было несколько, и на каждый поставили по стрелку. Дальше начиналась открытая местность: ярдов двести пустоши, а потом иссохшие сельскохозяйственные поля и небольшие рощицы.

Господин Прашант изо всех сил пытался исполнять приказ Сандипа Лахири – забыть о присутствии великого, достославного, дважды рожденного чиновника ИАС¹². Он натянул тряпичную кепку, покрутил ее на голове, набрался храбрости и наконец сообщил людям, где они должны сидеть и что делать. Сандипа и Мана попросили занять позицию возле самого узкого и крутого выхода; по мнению Прашанта, волки вряд ли выберут этот неудобный путь – здесь не разбежишься. Полицейских стрелков и наемных профессиональных охотников тоже рассадили по местам, в скудной и знойной тени небольших деревьев. Все стали ждать облавы. В воздухе не было ни ветерка.

Сандип, плохо переносивший жару, почти ничего не говорил. Ман тихонько напевал себе под нос строки из газели, которую пела Саида-бай. Как ни странно, о Саиде он совсем не думал – и даже не замечал, что поет. В хладнокровном предвкушении он время от времени отирал пот со лба, прикладывался к фляге с водой или проверял запас патронов. Вряд ли, конечно, удастся сделать больше полудюжины выстрелов, прикинул Ман. Погладив отполированный деревянный приклад винтовки, он пару раз вскинул ее на плечо и прицелился в кусты и заросли на дне оврага, из которых мог выскочить волк.

Прошло больше получаса. Пот тек по лицам и телам, однако воздух был сухой, и влага быстро испарялась, почти не доставляя неудобств – не то что в сезон дождей. Вокруг жужжали мухи, то и дело садясь на голые ноги, руки и лица, и где-то в поле на кустике зизифуса пронзительно верещала цикада. Наконец издалека донесся едва различимый барабанный бой; криков пока было не слышно. Сандип с любопытством поглядывал на Мана, заинтересованный не его действиями, а скорее выражением лица. Ман показался ему жизнерадостным и легкомысленным человеком, но сейчас взгляд у него был решительный и сосредоточенный, он словно приговаривал в приятном предвкушении: сейчас из тех зарослей выскочит волк, и я поймаю его в прицел и буду вести, пока он не достигнет вон того места на тропинке и не окажется как на ладони, тут-то я и спущу курок; пуля полетит точно в цель, а зверь рухнет замертво, и дело мое будет сделано – хорошее, благородное дело.

Действительно, примерно такие мысли и крутились у Мана в голове. Что же до мыслей самого Сандипа, от жары они путались и расплзались. Его вовсе не радовала охота и необходимость убивать зверей, но он понимал, что другого выхода пока нет. Главное, чтобы эти меры принесли пользу и хотя бы немного помогли местным жителям. Только на прошлой неделе он посетил местную больницу, где лежал покалеченный волками семилетний мальчик. Он спал на койке, и Сандип попросил его не будить, но перед глазами до сих пор стояли умоляющие лица родителей. Они как будто верили, что он способен облегчить их участь, отменить постигшее их несчастье. Помимо глубоких ран на руках и верхней части туловища, у мальчика была травмирована шея, и врачи говорили, что он никогда не сможет ходить.

Сандипу не сиделось на месте. Он встал, потянулся и посмотрел на небогатую летнюю растительность на дне оврага и совсем уж чахлые кустики снаружи. Издалека слышались крики загонщиков. Ман как будто тоже погрузился в раздумья.

---

¹² ИАС – Индийская административная служба.

Вдруг – гораздо раньше, чем они ожидали, – волк, взрослый серый волк, крупнее немецкой овчарки и куда более быстрый, вылетел из главного выхода, вокруг которого разместили много стрелков, и помчался прочь по пустоши и полям прямо к рожице слева. Охотники успели послать ему вслед несколько запоздалых выстрелов.

С позиции Мана и Сандипа волка не было видно, но по крикам и выстрелам они поняли: что-то случилось. Ман увидел лишь, как что-то серое мелькнуло по невспаханной запекшейся корке поля и скрылось среди деревьев. Перед лицом смерти зверь двигался стремительно и отчаянно.

«Ах ты черт, ушел! Ничего, следующий не уйдет», – зло подумал Ман.

Минуто-другую со всех сторон летели недовольные и рассерженные крики, потом все вновь погрузилось в тишину. Только где-то в лесу завела свою оглашенную навязчивую песню ястребиная кукушка. Ее тройные крики мешались с воплями и барабанным боем с другой стороны: загонщики быстро продвигались по оврагу, выдворяя наружу тех, кто там прятался. К этому времени Ман уже слышал треск кустов, которые они ломали дубинками и копьями.

Вдруг из оврага в панике вылетело еще одно серое пятно, поменьше. На сей раз оно неслось в сторону выхода, где засел Ман. Машинально вскинув винтовку (от волнения он не стал ждать, когда волк окажется в нужном месте) и собираясь выстрелить, он вдруг потрясенно пробормотал:

– Да это же лиса!

Лиса, ведать не ведая, что ее пощадил, вне себя от страха рванула через поле, держа серый хвост с черным кончиком параллельно земле. Ман засмеялся.

Однако в следующий миг смех застрял у него в глотке. Загонщики были примерно в сотне ярдов от выхода из оврага, когда огромный волк, серый, потрепанный, с прижатыми к голове ушами, выскочил из укрытия и слегка неровными стремительными прыжками рванул вверх по склону к тому месту, где сидели Ман и Сандип. Ман вскинул винтовку, но прицелиться не смог. Зверь мчался прямо на них: огромная серая морда с темными изогнутыми бровями дышала лютой ненавистью, вселяя животный ужас.

Внезапно зверь почувал их присутствие и соскочил в сторону, на тропу, где Ман и надеялся его подстрелить. Не думая о собственном чудесном избавлении и не обращая никакого внимания на опешившего Сандипа, он вновь вскинул винтовку и стал целиться, чтобы подстрелить зверя ровно в том месте, которое он приметил изначально. Волк уже появился в прицеле его винтовки.

Ровно в тот миг, когда Ман собирался спустить курок, он увидел впереди двух стрелков. Они сидели на невысокой гряде прямо напротив, причем появились там недавно и по собственной воле – их никто туда не сажал. Они целились в волка и тоже собирались стрелять.

«Бред!» – мелькнуло в голове у Мана.

– Не стрелять! Не стрелять! – проорал он.

Один из стрелков все равно выстрелил – и промазал. Пуля срикошетила от валуна на склоне в двух футах от Мана и улетела прочь.

– Не стрелять! Не стрелять, чертовы идиоты! – завопил Ман.

Огромный волк, однажды уже сменив направление движения, не стал делать этого вновь. Теми же неровными, стремительными прыжками он выбрался из оврага и кинулся к лесу, взметая тяжелыми лапами клубы пыли. На миг он скрылся за невысоким валом на краю пустоши, а когда выскочил на открытую местность, несколько стрелков, размещенных у других выходов, попытались-таки пустить пулю в его удаляющийся силуэт. Шансов у них, конечно, не было. Волк, так же как его предшественник и лиса, в считанные секунды достиг леса и спрятался там от человеческой напасти.

Загонщики добрались до выхода из оврага; облава подошла к концу. Мана охватило даже не разочарование, а жгучий гнев. Дрожащими руками он разрядил винтовку, подошел к горестрелкам и схватил одного из них за грудки.

Тот был выше и, вероятно, сильнее Мана, но лицо у него было виноватое и напуганное. Ман отпустил его и какое-то время молча стоял, часто, напряженно и сердито дыша, – выпускал пар. Потом наконец заговорил. Сначала он хотел спросить, на кого эти ослы охотились – на людей или на волков, но в последний миг все же сдержался и прорычал почти как зверь:

– Вас поставили у другого выхода. Никто не велел вам залезать на грядку и палить, откуда взбредет в голову. Могли пострадать люди! Даже вы сами!

Стрелок молчал. Он знал, что они с напарником совершили глупую, непростительную ошибку. Они угрюмо переглянулись и пожалы плечами.

Внезапно Мана захлестнула волна разочарования. Покачав головой, он отвернулся и пошел прочь, туда, где оставил винтовку и флягу с водой. Сандип и остальные собрались под деревом обсудить облаву. ГПА обмахивался пробковым шлемом. Вид у него по-прежнему был слегка ошалелый.

– Вся загвоздка, – говорил кто-то, – вон в том лесочке. Он находится слишком близко к выходам. Если б не он, можно было набрать еще десяток стрелков и расставить их широким полукругом... допустим, вон там... и там...

– Мы их хотя бы припугнули, уже хорошо, – перебил его второй. – На следующей неделе опять поохотимся. Всего два волка... Я надеялся, их тут поболее будет. – Он достал из кармана печенье и отправил в рот.

– По-твоему, они такие глупые – будут ждать, пока ты соизволишь вернуться на следующей неделе?

– Мы слишком поздно начали, – сказал третий. – Раннее утро – лучшее время для охоты.

Ман стоял в сторонке, борясь с переполняющими его чувствами: он был на взводе и без сил одновременно.

Глотнув воды, он посмотрел на винтовку, из которой не сделал сегодня ни единого выстрела. Он чувствовал себя изможденным, расстроенным и преданным судьбой. Нет уж, к этому бессмысленному посмертному разбору полетов он не присоединится. Тем более никто не умер.

10.6

Днем Ману сообщили хорошую новость. Один из гостей Сандипа рассказал, что его коллега в Рудхии видел наваба-сахиба с двумя сыновьями – те решили несколько дней провести в форте Байтар.

Сердце Мана весело затрепыхалось в груди. Безрадостные пейзажи отцовской фермы моментально вылетели из головы, а на смену им пришли фантазии о настоящей охоте (на лошадях) в имении Байтар и – самое восхитительное! – новости от Фироза о Саиде-бай. О радость предвкушения! Ман собрал свои немногочисленные вещи, попросил у Сандипа пару книжек – дабы чем-то скрасить невеселое пребывание в Дебарии, – пошел на станцию и сел на ближайший поезд, медленно и с многочисленными остановками ползший до Байтара.

«Интересно, доставил ли Фироз мое послание лично, – гадал Ман. – Наверняка доставил! И тогда он мне поведаст, что сказала Саида-бай, когда прочитала письмо – то есть *мое* письмо – и узнала, как Даг-сахиб, доведенный до отчаянья разлукой и неумением писать на урду, придумал сделать своим переводчиком, писцом и посыльным самого навабаду!»¹³ И понравилась ли ей отсылка к стихам Дага:

---

¹³ *Навабзада* – сын наваба (*хинди*).

О ты – та, кто обидит,
Чтоб тут же спросить удивленно:
„Мой дорогой,
Скажи, что с тобою сегодня?“»

На станции Байтар он сошел и на рикше поехал к форту. Поскольку он был в помятой одежде (которая в душном и тесном вагоне помялась еще сильнее) и небрит, рикша-валла окинул его придирчивым взглядом и спросил:

– С кем-то встречаетесь?

– Да, – весело ответил Ман, не сочтя его вопрос за наглость. – С навабом-сахибом!

Рикша-валла оценил его чувство юмора и посмеялся:

– Хорошо, хорошо!

Через несколько минут он спросил:

– Как вам наш Байтар?

Ман ответил, особо не раздумывая:

– Славный городок. Вроде бы.

Рикша-валла продолжал:

– Был славным, пока кинотеатр не построили. А теперь на экране одни девицы – поют, пляшут, вертятся по-всякому, любовь со всеми крутят и прочее. – Он резко вывернул руль, чтобы не угодить в яму на дороге. – И город наш стал еще лучше.

Рикша-валла продолжал:

– Хорош он и добродетелями, и непотребствами – всем хорош! Байтар, Байтар, Байтар, Байтар! – пыхтел он, крутя педали в такт. – Вон то здание с зеленой табличкой – больница. Ничем не хуже районной больницы в Рудхии, между прочим. Построил ее не то отец, не то дед нынешнего наваба-сахиба. А это вот Лал-Котхи, тут у прапрадеда наваба-сахиба был охотничий домик, вокруг которого целый город и вырос. А это... – тут они повернули за угол и увидели впереди, на вершине небольшого холма, массивную желтую крепость, возвышавшуюся над беспорядочной россыпью беленых домиков, – это и есть форт Байтар.

Ман восхищенно уставился на великолепное здание.

– Но Пандитджи хочет его забрать и отдать беднякам, – сказал рикша-валла. – Когда отменят систему заминдари.

Не стоит и говорить, что у пандита Неру в далеком Дели не было таких планов: ему хватало и других забот. Да и законопроект об отмене системы заминдари в Пурва-Прадеш (которому оставалось обзавестись одной лишь президентской подписью, чтобы стать полноценным законом) не подразумевал отчуждения у заминдаров фортов, резиденций и даже земель, если эти земли возделывали сами заминдари. Но Ман не стал спорить.

– Что вы надеетесь получить после принятия закона? – спросил он рикша-валлу.

– Я? Ничего! Совсем ничего. По крайней мере, от форта мне точно ничего не достанется. Хотя оно, конечно, было бы неплохо – получить комнатку. А лучше две, тогда я смог бы сдавать одну какому-нибудь другому бедолаге и жить на его кровные. Ну а коли не дадут ничего, так я и дальше буду крутить педали своей повозки днем и спать в ней ночью.

– А как вы живете в сезон дождей? – спросил Ман.

– Да как-то живу... То там укроюсь, то сям. Аллах меня не бросает, Аллах не бросает. И никогда не бросит.

– Наваба-сахиба любят в этих краях?

– Любят? Да он нам как солнце и луна вместе взятые! – воскликнул рикша-валла. – И юные навабзады тоже, особенно чхоте-сахиб¹⁴. Уж до чего славный характер! И красавцы все – как на подбор! Вы бы их видели вместе: старый наваб-сахиб, а по бокам от него сыновья. Как вице-король¹⁵ и его приближенные.

– Если народ так их любит, почему хотят отобрать у них земли и владения?

– А что тут такого? – удивился рикша-валла. – Людям всегда землю подавай. В моей родной деревне, например, где живут моя жена и родные, мы много лет гнули спину на земле, еще со времен дяди моего отца. Но мы по-прежнему платим деньги за аренду этих земель навабу-сахибу – точнее, его кровопийце мунши¹⁶. С какой стати мы должны платить? Нет, вы мне скажите, с какой стати? Мы пятьдесят лет поливали эту землю своим потом, значит это наша земля, так я считаю.

Когда они подъехали к огромным, окованным медью деревянным воротам в стене форта Байтар, рикша-валла запросил плату вдвое больше обычной. Ман хотел поспорить – поездка явно не могла стоить так дорого, – но в конце концов пожалел рикша-валлу и раскошелился: достал из кармана курты нужную сумму и еще четыре анны сверху.

Рикша-валла укатил прочь, окончательно уверившись, что Ман – немного сумасшедший. Наверное, он и впрямь решил, что будет встречаться с навабом-сахибом. Бедолага!..

10.7

Привратник сперва тоже пришел к такому выводу и велел Ману убираться восвояси. Он описал внешность Мана мунши, и тот отдал соответствующее распоряжение.

Ман от потрясения потерял дар речи, потом нацарапал несколько слов на клочке бумаги и сказал:

– Не желаю я разговаривать ни с каким мунши, передайте вот это навабу-сахибу, бурре-сахибу¹⁷ или чхоте-сахибу. Да поживей!

Привратник, увидев, что записка на английском, на сей раз пригласил Мана пройти за ним, но сумку у него не взял. Они миновали внутренние ворота и приблизились к главному зданию форта – огромному четырехэтажному дому со дворами на двух этажах и башнями наверху.

Мана оставили во дворе, вымощенном серым камнем. Привратник взлетел по лестнице и снова исчез. Был разгар дня, и мощный двор превратился в настоящую печку. Ман осмотрелся по сторонам: нигде ни души. Ни Фироза, ни Имтиаза, ни привратника... Тут он заметил движение в окне наверху: оттуда его разглядывал какой-то седой, коренастый и мордастый мужичок среднего возраста с длинными моржовыми усами.

Через пару минут к Ману вновь подошел привратник:

– Мунши хочет знать, чего вам надо?

Ман сердито ответил:

– Я же велел передать записку чхоте-сахибу, а не мунши!

– Но наваба-сахиба и сыновей нет дома.

– Нет дома? Когда они уехали? – растерялся Ман.

– Их не было всю неделю, – ответил привратник.

– Что ж, передай своему охламону-мунши, что я друг навабзады и проведу здесь ночь. – Эхо его рассерженного голоса разнеслось по двору.

---

¹⁴ Чхоте – младший (хинди).

¹⁵ Вице-король – генерал-губернатор Индии при англичанах.

¹⁶ Мунши – что-то среднее между помощником, секретарем и управляющим.

¹⁷ Бурре – старший (хинди).

Мунши тут же слетел вниз. Несмотря на жару, поверх курты на нем было еще и бунди. Своего раздражения он не скрывал: день подходил к концу, и ему не терпелось скорей прыгнуть на велосипед и покатить домой, в Байтар. А тут какой-то небритый незнакомец требует, чтобы его поселили в форте! Как это понимать?!

– Да? – сказал мунши, пряча в карман очки для чтения. Он оглядел Мана с головы до ног и лизнул кончик моржовых усов. – Чем могу быть полезен? – спросил он на вежливом хинди. Однако за покладистым тоном и обходительностью Ман услышал стремительное движение шестеренок: мунши строил расчеты и прогнозы.

– Для начала можете спасти меня из этого пекла и распорядиться, чтобы приготовили комнату, нагрели воды для бритья и накрыли на стол, – ответил Ман. – Я с утра жарился на охоте, потом жарился в поезде и очень устал, однако вы уже полчаса гоняете меня туда-сюда, вдобавок этот человек мне сказал, что Фироз уехал – вернее, что его тут вовсе не было. Ну?! – воскликнул он, поскольку мунши до сих пор не предпринял попыток ему помочь.

– Быть может, у сахиба есть для меня письмо с разъяснениями от наваба-сахиба? Или от одного из его сыновей? – спросил мунши. – Я, увы, не знаком с сахибом лично, а без каких-либо разъяснений и распоряжений от хозяина... Сожалею...

– Сожалейте сколько душе угодно, – оборвал его Ман. – Меня зовут Ман Капур, я друг Фироза и Имтиаза. Мне немедленно нужно принять ванну, и я не намерен ждать, пока вы одумаетесь.

Властный тон гостя немного напугал мунши, однако он не шелохнулся и продолжал примирительно улыбаться, прекрасно понимая, какая на нем лежит ответственность. Эдак кто угодно может войти с улицы, зная, что господ нет дома, – представиться другом семьи, показать записку на английском и, пустив пыль в глаза слугам, обманом проникнуть в форт.

– Прошу прощения, – вкрадчиво проговорил мунши, – помилуйте, но...

– Слушайте, – перебил его Ман. – Фироз, возможно, не рассказывал вам обо мне, зато мне про вас много чего говорили. – (Мунши забеспокоился: чхоте-сахиб действительно его недолюбливал.) – Кроме того, наваб-сахиб наверняка не раз упоминал в разговоре моего отца. Они давние друзья.

– И как же зовут отца сахиба? – со снисходительным безразличием осведомился мунши, ожидая в худшем случае услышать имя какого-нибудь мелкого помещика.

– Махеш Капур.

– Махеш Капур! – Язык мунши тотчас забегал по усам, а сам он ошарашенно вытаращил глаза. Как такое возможно?! – Министр по налогам и сборам? – слегка дрожащим голосом уточнил он.

– Да. Министр по налогам и сборам, – кивнул Ман. – Ну, где тут уборная?

Мунши перевел взгляд с Мана на его сумку, затем на привратника и вновь на Мана. Никакого удостоверения личности он так и не получил. Может, попросить гостя предоставить какое-нибудь доказательство, любое, необязательно письмо от наваба-сахиба?.. И навлечь на себя еще больший гнев... Вот так задачка! Судя по голосу и грамотной речи, этот неряха в самом деле образован, и если он – сын министра по налогам и сборам, главного автора законопроекта, который неизбежно будет принят и в конце концов лишит семью наваба – и косвенным образом самого мунши – всех полей, лесов и пустошей... В таком случае это очень, очень важный гость, а он, мунши, так скверно и негостеприимно его встретил... Нет, хватит об этом думать. Как кружится голова!

Когда головокружение унялось, мунши подобострастно сложил вместе две ладони, ответил Ману поклон и, вместо того чтобы велеть привратнику забрать у гостя сумку, подхватил ее сам. Он робко засмеялся, как бы дивясь своей глупости:

– Хузур¹⁸, да что же вы сразу так не сказали? Я приехал бы на станцию вас встречать, привез бы вас сюда на джипе. Ах, хузур, добро пожаловать, добро пожаловать в дом вашего друга! Только скажите, что вам нужно, все будет моментально исполнено. Сын Махеша Капура... Сын Махеша Капура, подумать только! Ваше благородное присутствие так меня потрясло, что разум мой совсем помутился: я ведь даже стакана воды вам не предложил! Ай-яй-яй!.. Хузур должен жить в комнате чхоте-сахиба, – продолжал с замиранием сердца раболепствовать мунши, – это чудесная комната, с видом на поля и лес, где чхоте-сахиб любит охотиться. Кажется, хузур упомянул, что утром побывал на охоте? Завтра же утром организую хузuru охоту! На нильгау, оленей, диких кабанов; быть может, даже леопард попадется... Угодно ли хузuru поохотиться? Ружей у нас в достатке, лошадей тоже, если хузур изволит прокатиться верхом. А библиотека у нас не хуже, чем в Брахмпуре. Отец наваба-сахиба всегда заказывал по два экземпляра каждой книги, никогда не жалел на это денег. Кроме того, хузuru обязательно нужно взглянуть на город. С разрешения хузура я лично распоряжусь, чтобы вам провели экскурсию, показали больницу, Лал-Котхи и памятники. Чем еще может порадовать хузура бедный мунши? Желаете промочить горло после утомительной поездки? Я немедленно принесу вам миндального шербета с шафраном. Он прекрасно освежает и придает сил. И пусть хузур соберет мне всю одежду, которую нужно постирать. В гостевых комнатах есть сменная одежда, я велю сейчас же принести вам два комплекта. Приставлю к хузuru личного слугу: через десять минут он принесет вам горячей воды для бритья и будет ожидать дальнейших распоряжений милостивого господина.

– Хорошо. Прекрасно, – сказал Ман. – Где уборная?

10.8

Через некоторое время – когда Ман побрился, помылся и отдохнул – приставленный к нему молодой слуга по имени Варис повел гостя осматривать форт. Этот молодой человек разительно отличался от старика, который обслуживал Мана в брахмпурском доме Байтаров, – и, конечно, от мунши.

Лет двадцати с небольшим, крепкий, высокий, красивый, очень доброжелательный (каким и полагается быть слуге, который пользуется всецелым доверием хозяина и оттого уверен в себе), всей душой преданный навабу-сахибу и его детям, особенно Фирозу, Варис сперва показал Ману небольшую выцветшую фотографию в серебряной рамке, стоявшую на письменном столе Фироза. На ней была запечатлена вся семья: наваб-сахиб, его жена (которой на время фотосъемки позволили выйти с женской половины дома, разумеется), Зайнаб, Имтиаз и Фироз. Мальчикам было лет по пять; Фироз очень внимательно смотрел в камеру, склонив голову набок под углом в сорок пять градусов.

«Как странно, – подумал Ман, – я приехал сюда впервые, но форт мне показывает не Фироз, а чужой человек».

Форт казался бесконечным. Сначала Мана поразило величие этой постройки, а потом – запустение, в котором пребывало все вокруг. Они снова и снова взбирались по крутым лестницам, покуда не вышли на крышу с зубцами, бойницами и четырьмя квадратными башнями, каждая с пустым флагштоком. На улице почти стемнело. Во все стороны от форта тянулись безмятежные поля и леса, а город Байтар затянуло легкой дымкой от домашних очагов. Ману захотелось влезть на башню, но у Вариса не оказалось с собой ключей. Он рассказал, что в одной из башен недавно поселилась сова и в последнее время она громко ухает по ночам, а один раз среди бела дня устроила налет на заброшенную часть женской половины.

¹⁸ Хузур – мой господин (урду).

– Я пристрелю харамзаду сегодня же ночью, если прикажете, – храбро вызвался Варис. – Не хочу, чтобы она потревожила ваш сон.

– О нет-нет, в этом нет необходимости, – заверил его Ман. – Меня ничем не разбудишь.

– А вон там, внизу, библиотека, – сказал Варис, показывая пальцем на комнаты с окнами из толстого зеленоватого стекла. – Говорят, одна из лучших частных библиотек Индии. Шкафы с книгами занимают два этажа, и днем свет льется через это стекло. Сейчас в форте никто не живет, поэтому мы не зажигаем свет. А когда наваб-сахиб здесь, он большую часть времени проводит в библиотеке. Все дела он доверяет этому ублюдку мунши. Так, здесь скользко, осторожней – сюда стекает дождевая вода.

Ман вскоре заметил, что Варис без всякого стеснения использует в речи слово «харамзада» – ублюдок. На самом деле он и в разговоре с сыновьями наваба-сахиба позволял себе ввернуть крепкое словцо. То была неотъемлемая часть его доброжелательной неотесанности. Однако с навабом-сахибом он держался предельно вежливо и почтительно, лишней раз рта не раскрывал, а если и раскрывал, то внимательнейшим образом следил за языком.

Знакомясь с новыми людьми, Варис всегда ощущал либо инстинктивную настороженность, либо, напротив, легкость – и, руководствуясь этим наитием, выстраивал общение с человеком. В случае с Маном он понял, что в самоцензуре нет нужды.

– А чем вам не угодил мунши? – спросил Ман, заметив, что Варис тоже его недолюбливает.

– Да вор он, – без обиняков заявил Варис.

Ему было больно думать о том, что мунши прикарманивает изрядную долю всех законных доходов наваба-сахиба, причем делает это при любой возможности: утверждает, что продал дешевле и купил дороже, чем на самом деле, придумывает нужды на пустом месте (деньги-то выделены – а работы никакой не делается), регулярно врет в отчетах, что освободил тех или иных крестьян-арендаторов от арендной платы.

– Кроме того, – продолжал Варис, – он угнетает и притесняет народ. И еще он каястха!

– А что в этом плохого? – спросил Ман. Каястхи, хоть и индуисты, испокон веков работали писарями и секретарями у мусульман, часто умея писать на урду и персидском лучше, чем сами мусульмане.

– Ой, вы не подумайте, – спохватился Варис, вспомнив, что Ман индуист, – я ничего против индусов вроде вас не имею. Только против каястхов. Отец нынешнего мунши тоже работал здесь мунши при отце наваба-сахиба и пытался ободрать его как липку. Только старик был отнюдь не липка: сразу понял, что к чему.

– А нынешний наваб-сахиб? – спросил Ман.

– Слишком добросердечный, слишком благодетельный и благочестивый. На нас он никогда толком не злится – и той крошечной толики гнева, которую он себе позволяет, всегда бывает достаточно. А на мунши злись не злись – он попресмыкается пять минут, а потом опять за старое.

– Ну а вы? Вы чтите Бога?

– Не особенно, – удивленно ответил Варис. – Политика мне ближе, чем религия. Я тут слежу за порядком, у меня даже пистолет есть. И лицензия на ношение оружия. В нашем городе живет один человек – подлый, жалкий, никчемный человечиска, приживала, которого наваб-сахиб выучил на свои деньги, – так вот он вечно пакостит навабу-сахибу и навабзадам: заводит фиктивные дела, пытается доказать, что форт – это имущество эвакуированных, что наваб-сахиб – пакистанец и так далее. Если эта свинья станет депутатом Заксобрания, нам несдобровать. Он конгресс-валла и всем дал понять, что собирается выдвинуть свою кандидатуру от нашего округа. Надеюсь, наваб-сахиб сам выдвинется в качестве независимого кандидата – или позволит мне выступить за него! Уж я-то размажу этого ублюдка по стенке.

Ман восхитился его верностью и твердостью убеждений; складывалось впечатление, что честь и благоденствие дома Байтаров целиком лежат на плечах этого славного человека.

Чуть позже Ман спустился ужинать в столовую. Его поразило, что там не было ни дорогих ковров, ни длинного стола из тика, ни резного буфета, зато на стене висело четыре портрета маслом: по два с обеих сторон от стола.

На одном был запечатлен бравый прапрадед наваба-сахиба: на коне, с мечом и зеленым плюмажем на шлеме. Он погиб в битве с англичанами за Салимпур. На той же стене висел портрет его сына, которому британцы разрешили унаследовать собственность отца и который впоследствии посвятил жизнь науке и меценатству. Он не сидел на коне, а просто стоял в полном княжеском облачении. Взгляд у него был умиротворенный, даже отрешенный – а у его отца надменно-молодцеватый. На противоположной стене – старший против старшего, младший против младшего – разместились портреты королевы Виктории и короля Эдуарда VII. Виктория была изображена сидящей. Она смотрела куда-то в сторону; крошечная круглая корона на голове подчеркивала угрюмую дебелость ее облика. На ней было длинное темно-синее платье, манто с оторочкой из меха горноста, а в руках – скипетр. Ее дородного удалого сына запечатлели без короны, но тоже со скипетром, на темном фоне, в красном мундире с темно-серым кушаком, горностаевой мантии и бархатном плаще, ошетилившемся золотыми галунами и кистями. Веселости на его лице было куда больше, чем у матушки, а вот надменности не хватало. Ман, ужинавший в полном одиночестве, по очереди разглядывал портреты в перерывах между блюдами – острыми и чересчур пряными, на его вкус.

После ужина он вернулся в свою комнату. По какой-то причине краны и смыв в уборной не работали, но всюду стояли ведра и медные чайники с водой – их оказалось достаточно для его нужд. После нескольких дней без каких-либо удобств в деревне и скромных удобств в бунгало ГПА эта мраморная уборная в комнате Фироза показалась Ману верхом роскоши и комфорта, пусть воду и приходилось лить самому. Кроме ванной, душа и двух раковин, здесь был один европейский унитаз и один индийский. На первом красовалось следующее «четверостишие»:

Дж. Б. Нортон и сыновья
Инженеры-сантехники
Олд-корт-хаус-корнер
Калькутта

На последнем была надпись попроще:

Патент Нортона
Модель «Хинду»
Совмещенный туалет
Калькутта

В процессе пользования последним Ман гадал: интересно, какой-нибудь гость в этом оплоте Мусульманской лиги сидел вот так же, глядя на возмутительные строки и негодую, что какой-то британец, толком не разобравшись, отнес сие общеиндийское культурное достояние к наследию другой, противоборствующей религии?

10.9

На следующее утро Ман встретил мунши, когда тот въезжал на своем велосипеде в ворота форта; они обменялись несколькими словами. Мунши желал знать, все ли устраивает Мана: еда, комната, поведение Вариса? Он извинился за неотесанность слуги: «Что же делать, госпо-

дин, если кругом одни деревенщины!» Ман сообщил, что планирует посмотреть город в компании этого самого деревенщины, и мунши неодобрительно и нервно облизнул усы.

Потом он просиял и сообщил Ману, что завтра же устроит ему охоту.

Варис собрал обед, предложил Ману несколько головных уборов на выбор, и они отправились гулять по городу. Слуга рассказывал ему про все полезные нововведения, появившиеся в Байтаре со времен героического прапрадеда наваба-сахиба, и грубо бранился на зевак, глазевших на сахиба в белой сорочке и белых штанах. Во второй половине дня они вернулись в форт. Привратник строго сказал Варису:

– Мунши велел тебе вернуться к трем. На кухне закончились дрова. Он взбешен. Сидит с техсилдаром в большом кабинете и говорит, что ты должен немедленно подойти и отчитаться.

Варис поморщился, сообразив, что ему светит взбучка. Мунши всегда бывал раздражителен в это время суток; его поведение чем-то напоминало жизненный цикл возбудителя малярии. Ман тут же вызвался помочь:

– Давайте я пойду с вами и все ему объясню.

– Нет-нет, Ман-сахиб, не беспокойтесь! Каждый день в половине пятого шершень жалит харамзаду в причинное место. Это пустяки.

– Да мне не трудно.

– Вы славный человек, Ман-сахиб. Не забывайте меня, пожалуйста, когда уедете домой.

– Конечно не забуду. Ну, идемте, послушаем, что вам хочет сказать этот мунши.

Они прошли через раскаленный мощный двор и поднялись по лестнице в большой кабинет. Мунши сидел не за массивным письменным столом в углу (за ним, очевидно, работал наваб-сахиб), а на полу, за деревянным, инкрустированным медью напольным столиком. Кулаком левой руки он подпирал свой подбородок и серо-белые моржовые усы, с отвращением глядя на престарелую женщину, явно очень бедную, в драном сари, которая стояла перед ним и пролиwała слезы.

Рядом с мунши стоял разъяренный техсилдар.

– С какой стати мы должны выслушивать всяких старух, которые обманом проникают в стены форта? – сварливо говорил мунши. Он пока не заметил подошедших Вариса и Мана: те замерли за дверью, услышав его повышенный голос.

– Мне больше ничего не оставалось, – всхлипнула старуха. – Аллах знает, я пыталась с вами поговорить – прошу, муншиджи, услышьте мои мольбы! Наша семья уже много поколений служит этому дому...

Мунши ее оборвал:

– Хороша служба! Твой сын хотел внести свое имя в поземельную книгу, мол, он все эти годы арендовал нашу землю! На что он рассчитывал? Прибрать к рукам чужое? Да, мы преподали ему урок, что тут удивительного?

– Но ведь это правда... Он в самом деле работал на этой земле...

– Что? Ты пришла поспорить со мной о том, что правда, а что нет? Мне-то известно, сколько правды в словах таких, как ты. – В его мягком голосе послышались резкие нотки. Мунши мог раздавить старуху, как букашку, – он отлично это понимал и не скрывал, что ему приятно сознавать собственное превосходство.

Старуха затряслась.

– Он ошибся. Ему не следовало так поступать. Но, муншиджи, что у нас есть, кроме этой земли? Мы умрем с голоду, если вы ее отберете. Ваши люди его избили, он усвоил урок. Простите его – и меня простите, дуреху, что родила такого нерадивого сына, умоляю вас! На коленях прошу!

– Ступай, – отрезал мунши. – Довольно с меня твоей болтовни. У тебя есть хижина. Ступай и кали зерно. Или торгуй своим иссохшим телом, мне все равно. И передай своему сыну, чтоб поискал себе другое поле.

Старуха беспомощно зарыдала.

– Вон отсюда! Или ты не только тупая, но и глухая?

– Нет у вас ничего святого, – запрочитала женщина, всхлипывая и рыдая, – ничего человеческого. Когда-нибудь настанет час расплаты. Господь взвесит ваши поступки и скажет...

– Что? – Мунши вскочил и уставился в морщинистое лицо старухи с заплаканными глазами и перекошенным ртом. – Что? Что ты сказала? А я еще думал вас помиловать, но теперь-то я знаю, что должен делать. Мой долг – гнать таких людей с земли наваба-сахиба! Вы годами пользовались его добротой и щедростью! – Он обратился к техсилдару: – Гоните взащей старую ведьму. Вышвырните ее из форта и скажите своим людям, чтобы к вечеру духу ее не было в нашей деревне. Это научит ее и ее неблагодарного сына...

Он умолк на полуслове и уставился перед собой – не в наигранном страхе, а в самом настоящем, непритворном ужасе. Рот его раскрылся и захлопнулся, он часто задышал, не издавая при этом ни звука, и кончиком языка потянулся к усам.

Прямо на него шел белый от ярости Ман. Он двигался по прямой, не глядя по сторонам, точно заводной робот, и в глазах его горела жажда крови.

Техсилдар, старуха, слуга, сам мунши – никто не смел пошевелиться. Ман схватил мунши за жирную щетинистую шею и принялся трясти. Яростно, изо всей дурной силы, почти не замечая страха в его глазах. Оскаленное, ощерившееся лицо Мана вселяло ужас. Мунши сдавленно охнул и вскинул руки к шее. Техсилдар сделал шаг вперед – всего один. Внезапно Ман отпустил мунши, и тот рухнул прямо на свой столик.

Минуту никто ничего не говорил. Мунши охал и кашлял. Ман не мог поверить в содеянное.

Почему слова мунши пробудили в нем такую ярость, вызвали такую несоразмерную реакцию? Надо было просто наорать на подлеца и припугнуть его Божьей карой! Ман помотал головой. Варис и техсилдар одновременно двинулись вперед: один к Ману, второй к мунши. Старуха в ужасе разинула рот и тихо залепетала себе под нос: «Ай, Алла! Ай, Алла!»

– Сахиб! Сахиб! – прохрипел мунши, наконец обретя дар речи. – Хузур ведь понимает, что я просто пошутил... Так уж привык с этими... я же не хотел... славная женщина... ничего ей не будет... и поле останется ее сыну, кому же еще... Пусть хузур не думает... – Слезы покатались по его щекам.

– Я уезжаю, – отрезал Ман. – Найдите мне рикшу. – Он сознавал, что еще чуть-чуть – и он убил бы этого человека.

Живучий мунши вдруг подскочил и бросился в ноги Ману, принялся гладить их руками и бодать лбом. Растянувшись на полу, задыхаясь и не стыдясь подчиненных, он завыл:

– Нет-нет, хузур, умоляю, заклинаю, не губите меня! Это была шутка, просто я так выразился, пошутил неудачно, что вы, никто такое всерьез не говорит, отцом и матерью клянусь!

– Не губить вас? – ошарашенно переспросил Ман.

– У вас же завтра охота! – выдохнул мунши.

Он прекрасно сознавал, что над ним висит двойная угроза. Отец Мана – Махеш Капур. Такой неприятный случай не поможет дому Байтаров заручиться расположением министра. Вдобавок Ман дружит с Фирозом, а нрав у юноши вспыльчивый... Отец его любит и иногда даже прислушивается к нему. Страшно подумать, что будет, если наваб-сахиб (привыкший считать, что можно властвовать ласково и милосердно) узнает, как мунши угрожал несчастной старухе.

– Охота? – недоуменно переспросил Ман.

– И одежда ваша еще в стирке...

Ман с отвращением отвернулся. Он велел Варису идти с ним, вернулся в свою комнату, сгреб все вещи в сумку и покинул стены форта. Кликнули рикшу. Варис хотел проводить его на станцию, но Ман ему не позволил.

Напоследок Варис сказал:

– Я выслал навабу-сахибу немного дичи. Узнайте, пожалуйста, получил ли он ее? И передайте горячий привет этому старику, Гуляму Русулу, который здесь работал.

10.10

– Ну, выкладывай, – сказал Рашид своей четырехлетней дочери Мехер, когда они сидели на чарпое¹⁹ во дворе дома его тестя, – что нового ты узнала, чему научилась?

Мехер, сидевшая на коленях у папы, тут же выдала свой вариант алфавита урду:

– Алиф-бе-те-се-хе-че-дал-бари-йе!

Рашид остался недоволен.

– Очень уж сокращенная у тебя версия получилась. – Он заметил, что во время его пребывания в Брахмпуре образованием Мехер никто не занимался. – Ну же, Мехер, ты ведь умная девочка, ты способна на большее.

Хотя она действительно была умной девочкой, никакого особого интереса к алфавиту она не продемонстрировала: лишь добавила к своему списку пару-тройку букв.

Мехер была рада видеть отца, но поначалу – когда вчера вечером он вошел в дом, пробыв в отъезде несколько месяцев, – очень его стеснялась. Матери пришлось долго ее уговаривать и даже подкупить пирожным, чтобы она согласилась поприветствовать Рашида. Наконец девочка неохотно протянула:

– Адаб арз, чача-джан.

Мать очень тихо поправила ее:

– Не чача-джан, а абба-джан²⁰.

Мамины слова вызвали у Мехер новый приступ застенчивости. Впрочем, Рашид быстро вернул себе расположение дочери, и теперь та всю болтала с папой, как будто и не расставалась с ним на долгие месяцы.

– Что продается в вашем деревенском магазинчике? – спросил Рашид, надеясь, что Мехер проявит бóльшую подкованность в более практических вопросах.

– Сладости, соленья, мыло, масло, – ответила дочка.

Рашида удовлетворил этот ответ. Он покачал Мехер на колене, попросил поцелуй и тут же его получил.

Чуть позже из дома вышел тесть Рашида – добрый здоровяк с коротко подстриженной седой бородой. В деревне его называли Хаджи-сахибом – за то, что лет тридцать назад он совершил паломничество в Мекку.

Увидев, что зять и внучка до сих пор празднично болтают во дворе и даже не думают собираться, он сказал:

– Абдур Рашид, солнце все выше. Если хотите выехать сегодня, то вам пора. – Он помолчал. – Не забудь за каждой едой брать себе по большой ложке масла гхи из этой банки. Я всегда слежу, чтобы Мехер ела гхи, поэтому у нее такая здоровая кожа и глазки блестят, как бриллианты.

Хаджи-сахиб наклонился к внучке, взял ее на руки и обнял. Мехер, сообразив, что они с сестричкой, матерью и отцом уезжают в Дебарию, крепко прильнула к своему нане и вытащила у него из кармана монетку в четыре анны.

– И ты с нами поезжай, нана, – потребовала она.

– Что ты там нашла? – всполошился Рашид. – Положи обратно! Скверная, скверная привычка... – Он покачал головой.

---

¹⁹ Чартой – традиционная плетеная скамья, нередко используется в качестве уличной кровати.

²⁰ Чача – дядя (хинди). Абба – отец (урду).

Однако Мехер умоляюще взглянула на нану, и тот позволил ей оставить добытое незаконным путем. Ему было грустно расставаться с родными, но что поделать? Он ушел в дом за дочерью и малышкой.

Наконец из дома показалась жена Рашида. Она была в черной парандже с тонкой сеткой на лице, а в руках держала младенца. Мехер подбежала к матери, потянула ее за подол паранджи и попросила дать ей ребеночка.

– Не сейчас, Муния спит. Попозже, – мягко ответила ей мать.

– Подкрепитесь перед отъездом. Или хотя бы выпейте по стаканчику шербета, – сказал Хаджи-сахиб, который несколько минут назад всех поторапливал.

– Хаджи-сахиб, нам пора, – сказал Рашид. – Еще ведь за город нужно успеть.

– Тогда я провожу вас на станцию.

– Не нужно, мы не хотим вас беспокоить, – сказал Рашид.

Старик медленно кивнул, и вдруг на его серьезное лицо легла тень не просто озабоченности, а тревоги.

– Рашид, я волнуюсь... – начал он и умолк.

Рашид, глубоко уважавший тестя, вчера излил ему душу и рассказал про визит к патвари, однако не это стало причиной волнений старика.

– Прошу вас, не тревожьтесь, Хаджи-сахиб, – сказал Рашид.

Лицо его тоже мимолетно омрачила боль, но потом он занялся сумками, жестянками и прочим багажом, а через несколько минут они отправились в путь – по дороге, что вела за пределы деревни. Автобус, который шел в город и на станцию, останавливался возле маленькой чайной на деревенской окраине. Здесь уже собралась небольшая толпа путников и толпа побольше – провожающие.

Автобус с грохотом и лязгом остановился рядом с ними.

Хаджи-сахиб со слезами обнял сперва дочь, а потом и зятя. Когда он обнимал Мехер, та нахмурилась и пальчиком провела по его щеке, ловя слезу. Ее младшая сестра все это время крепко спала, хоть ее и перекладывали с одной руки на другую.

Все засуетились и начали садиться в автобус, кроме двух пассажирок – молодой женщины в оранжевом сари и девочки лет восьми, очевидно ее дочери.

Молодая обнимала женщину постарше, вероятно свою мать, к которой приезжала в гости (или старшую сестру). При этом она рыдала в голос. Обе неистово, даже несколько театрально обнимали друг друга, выли и причитали. Молодая горестно охнула и воскликнула:

– А помнишь, как я однажды упала и разбила коленку!..

Вторая провыла:

– Ты мое солнышко, кровинушка ты моя!..

Маленькая девочка в пыльно-розовом сари и с розовой лентой на косичке закатила глаза. Ей было невыносимо скучно.

– Ты меня кормила, растила, ты все мне давала, все... – не унималась молодая женщина.

– Ненаглядная ты моя, как же я тут без вас!.. Ох, боже мой, боже мой!

Спектакль длился несколько минут, причем женщинам не было никакого дела до неистово сигналившего водителя. Уехать без них он не мог – остальные пассажиры ему не позволили бы (хотя зрелище изрядно наскучило и им).

– Что происходит? – тихим обеспокоенным голосом спросила жена Рашида.

– Ничего-ничего. Они же индуски.

Наконец молодая женщина и ее дочь сели в автобус. Первая выглянула в окно и продолжала рыдать. Чихая и кряхтя, автобус тронулся с места. В считанные секунды женщина успокоилась, замолчала и переключила внимание на ладду: разломала его пополам и дала одну половинку дочери, а вторую съела сама.

10.11

Автобус был неисправен и раз в несколько минут останавливался. Принадлежал он гончару, который решил самым неожиданным и удивительным образом сменить профессию – настолько удивительным, что остальные местные представители его ремесла и касты принялись всячески его травить и унижать, пока не сообразили, как удобно стало добираться до станции. Гончар был и водителем, и механиком: он кормил свой автобус, подливал ему различные жидкости, ставил диагнозы по чихам и ложным предсмертным хрипам – словом, всеми правдами и неправдами гнал по дороге эту тушу. Облака сизого дыма поднимались над двигателем, масло текло, вонь паленой резины была в нос, когда водитель жал на тормоза; пару раз спускали шины. Разбитое дорожное покрытие – поставленные на попа кирпичи – было все в ямах, а про амортизаторы эта развалюха либо никогда не слышала, либо давно забыла. Каждые несколько минут Рашид чудом избегал кастрации. Коленями он то и дело утыкался в спину другому пассажиру, потому что у сиденья впереди не было спинки.

Впрочем, постоянные клиенты гончара ни на что не жаловались. Такая поездка была на порядок быстрее и удобнее, чем два часа трястись до города на телеге. Когда автобус в очередной раз совершал непредвиденную остановку, кондуктор высовывался в окно и осматривал колеса. Потом на улицу выскакивал еще один человек с кусачками в руках и нырял под автобус. Порой они останавливались только затем, чтобы водитель мог перекинуться парой слов со встречными знакомыми. Он совершенно не стеснялся при необходимости задействовать своих пассажиров. Когда надо было завести автобус с толкача, он оборачивался и на певучем местном диалекте вопил на весь салон:

– *Арэ, ду-чар джане утари ацу! Дхакка лагау!*²¹

А когда автобус должен был вот-вот завестись, он подбадривал остальных таким боевым кличем:

– *Ай джао бхайя, ай джао! Чало хо!*²²

Особенно водитель гордился табличками и предупреждениями (на стандартном хинди), размещенными в салоне автобуса. Над его сиденьем, к примеру, было написано: «Очень важная персона», а еще: «Не разговаривать с водителем во время движения». Над дверью красовалось объявление: «Высадка пассажиров разрешена только после полной остановки транспортного средства». Вдоль одного из бортов кроваво-красной краской было выведено: «Запрещается провозить заряженное огнестрельное оружие и садиться в автобус в нетрезвом виде». Коз провозить, видимо, не запрещалось, в автобусе их ехало сразу несколько.

На полпути к станции автобус остановился возле очередного чайного киоска, и вошел слепой мужчина. Лицо его с маленьким вздернутым носом было покрыто наростами, напоминающими цветную капусту. Он передвигался с помощью трости, которой нащупывал себе путь. Слепой издали узнавал нужный ему автобус по характерным звукам, которые тот издавал, а людей узнавал по голосам. Он явно любил поговорить. Одну штанину он засучил выше колена, а другую оставил как есть. Возведя очи горе, он вдруг беспечно и фальшиво заголосил:

О Ты, Кто Дал Нам Все,
Спаси от нищеты!
Уж лучше смерть пошли,
Чем бедности несчастья.

²¹ Ну-ка, двое, живо на улицу! Подтолкне-о-ом! (*хинди*) За перевод фраз с хинди и бенгальского переводчики выражают благодарность коллективу кафедры индийской филологии СПбГУ.

²² Давай, братец, дава-а-ай! Погна-и-и-и! (*хинди*)

Распевая эту и подобные ей песенки, он стал ходить по автобусу, выпрашивая мелочь и укоряя скупцов стихами соответствующего содержания. Рашид был одним из самых щедрых благодетелей, и слепой сразу же узнал его по голосу.

– Что? – вскричал он. – Ты провел у тестя всего две ночи? Стыд-позор! Надо больше времени проводить с женой, ты ж молодой еще, прыткий! А кто это плачет? Не твой ли ребенок? И не твоя ли жена сидит рядом? Ах, жена Абдура Рашида, если ты сидишь в этом автобусе, прости несчастному его неразумные речи и прими его благословение! Да пошлет вам Господь еще множество сыновей с такими же могучими глотками! Подайте на пропитание... Подайте... Господь вознаграждает щедрых... – И он двинулся дальше по проходу.

Мать Мехер густо покраснела под паранджой, потом вдруг захихикала, а через минуту заплакала. Рашид ласково положил руку ей на плечо.

Попрошайка вышел на конечной – у железнодорожной станции.

– Мир всем вам, – сказал он на прощанье. – Здоровья и счастливого пути всем, кто путешествует Индийскими железными дорогами.

Рашид выяснил, что поезд задерживается всего на несколько минут, и расстроился. Он хотел взять рикшу и съездить на могилу старшего брата: кладбище находилось в получасе езды от этого небольшого городка. Именно на этой станции его брат и погиб три года назад, упав под поезд. Прежде чем весть дошла до семьи, жители города позаботились о том, чтобы предать земле его изувеченные останки.

Был уже почти полдень, стояла невыносимая жара. Они не просидели на перроне и нескольких минут, когда жена Рашида вдруг задрожала всем телом. Рашид молча взял ее за руку и тихо произнес:

– Понимаю, ты расстроена. Я тоже хотел его навестить. В следующий раз обязательно навестим. Сегодня не успели. Поверь, мы не успели бы: поезд скоро прибудет. Да и куда мы поедем с такой поклажей?

Малышка, которую уложили на импровизированную кроватку из сумок, продолжала крепко спать. Мехер тоже устала и задремала. Глядя на них, Рашид начал клевать носом.

Его жена ничего не говорила, только тихо стонала. Сердце бешено колотилось в ее груди, и взгляд у нее был немного ошалелый.

– Ты вспоминаешь бхайю²³, да? – спросил он.

Жена вновь безутешно заплакала и затряслась. Рашид ощутил в затылке какое-то странное давление. Он взглянул на ее лицо, красивое даже сквозь тонкую завесу (наверное, Рашид просто знал, что оно красивое), и заговорил опять, не выпуская ее ладони и глядя ее по лбу:

– Не плачь... Не плачь, разбудишь Мехер и малышку. Скоро мы покинем это неприятное место. К чему горевать, к чему убиваться, если ничего уже не поделаешь... Знаешь, тебе, наверное, голову напекло. Сними чачван²⁴, пусть твое лицо овеет ветерок... Если бы мы поехали, пришлось бы торопиться, а то и на поезд опоздали бы... И еще целую ночь провели бы в этом ужасном городе. В следующий раз мы найдем время, обещаю. Это я виноват, надо было выйти из дома на час раньше. Как знать, может, тогда я сам не выдержал бы горя... Да еще автобус без конца останавливался, столько времени потеряли. А теперь времени нет, поверь мне, бхабхи...

Он назвал ее как раньше – невесткой, женой брата. Ведь она действительно была женой его брата, а Мехер – их дочерью. Рашид женился, потому что такова была предсмертная воля его матери. Она не могла допустить, чтобы ее внучка осталась без отца, а невестка (которую она искренне любила) без мужа.

---

²³ Старший брат (*хинди*).

²⁴ *Чачван* – сетка из конского волоса, прикрывающая лицо мусульманки при ношении паранджи.

«Позаботься о ней, – сказала она Рашиду. – Она хорошая женщина и станет тебе доброй женой».

Рашид заверил мать, что исполнит ее волю, и сдержал это трудное, ко многому обязывающее обещание.

10.12

Глубокоуважаемый мауляна²⁵ Абдур Рашид-сахиб!

По долгом размышлении, без ведома моей сестры и опекунши я все-таки берусь за перо. Я решила, что Вы захотите узнать, как у меня обстоят дела с арабским в Ваше отсутствие. Обстоят они хорошо. Я занимаюсь каждый день. Поначалу сестра пыталась навязать мне другого учителя на время Вашей отлучки – старика, который только бубнит себе под нос, кашляет и даже не пытается исправлять мои ошибки. Но я была так недовольна, что Саида-апа в конце концов отказалась от него. Вы никогда не прощали мне ошибок, а я тут же кидалась в слезы и думала, что ни на что не гожусь. Но и слезы мои не могли Вас разжалобить: Вы не упрощали мне задачу, когда я наконец приходила в себя. Теперь-то я понимаю, что Ваш подход к обучению был самый верный, и скучаю по нашим урокам: на них я должна была трудиться не покладая рук.

Сейчас я почти все время провожу в хлопотах по дому. Апа не в духе – думаю, ее злит новый музыкант, который без души играет на саранги. Поэтому я даже боюсь ее спрашивать, нельзя ли мне заняться чем-то новым и интересным. Вы мне советовали не увлекаться романами, но я больше ничего не могу придумать – только за книгой и коротаю время. Еще я каждый день читаю Коран и выписываю из него отрывки. Приведу для примера несколько цитат из суры, которую сейчас читаю. Постараюсь проставить все огласовки, чтобы Вы увидели мой прогресс в каллиграфии. Боюсь только, что никакого прогресса нет. Без вас мои навыки каллиграфии в лучшем случае стоят на месте.

«Неужели они не видели над собой птиц, которые в полете простирают и складывают крылья? Никто не удерживает их, кроме Милостивого. Воистину Он видит всякую вещь».

«Скажи: „Как вы думаете, кто одарит вас родниковой водой, если ваша вода уйдет под землю?“»²⁶

Попугай, который за день до Вашего отъезда немного захворал, уже начал произносить некоторые слова. С радостью сообщаю, что Саида-апа очень его полюбила.

Надеюсь, Вы скоро вернетесь: мне не хватает Вашей критики и наставлений. Также надеюсь, что Вы пребываете в добром здравии и хорошем настроении. Письмо посылаю через Биббо, она обещала его отправить и сказала, что этого адреса будет достаточно. Молюсь, чтобы мое послание дошло.

С глубочайшим уважением и наилучшими пожеланиями,
Ваша ученица Тасним

Рашид дважды и очень медленно прочитал это письмо, сидя на берегу озера у школы. Вернувшись в Дебарю, он обнаружил, что Ман приехал раньше, чем ожидалось, и они вместе пошли на озеро: Рашид хотел убедиться, что у его гостя все хорошо. Судя по тому, как бодро тот сейчас плыл сюда с противоположного берега, все было неплохо.

---

²⁵ *Мауляна* (араб. покровитель, защитник) – исламский религиозный титул.

²⁶ Коран, сура 67, аяты 19, 30. Перев. Э. Кулиева.

Рашид очень удивился, получив письмо от Тасним. Оно лежало на столе в отцовском доме. Он с интересом прочитал цитаты и сразу понял, что это выдержки из суры «Власть». Как это похоже на Тасним – выбрать самые мягкие и красивые строки из суры, в которой описываются вечные муки и адское пламя.

Каллиграфия Тасним не пострадала, даже наоборот. Свои старания она оценила скромно и справедливо. Однако что-то в ее письме – помимо того, что оно было послано тайком от Саиды-бай, – встревожило Рашида. Почему-то он снова подумал о матери Мехер, которая в эту минуту сидела в доме его отца и, наверное, обмахивала веером ребенка. Бедная женщина при всей ее доброте и красоте с трудом могла написать даже собственное имя. И вновь Рашиду пришла в голову мысль: будь на то его воля, выбрал бы он сам такую спутницу жизни?

10.13

Ман тихо засмеялся и тут же закашлялся. Рашид посмотрел на него. Он чихнул.

– Скорее высуши волосы, – посоветовал Рашид. – Простудишься же! Не говори потом, что я не предупредил. Не сушить волосы после плавания – верный способ простудиться. Летние простуды самые противные. Голос у тебя какой-то странный. Кстати, ты сильно загорел с тех пор, как я тебя видел в последний раз.

Ману подумалось, что голос у него мог осипнуть от пыли, которой он надышался в поездке, – кричать он особо не кричал, даже на стрелков и на мунши. Вернувшись из Байтара, он, чтобы немного проветрить голову, сразу отправился на озеро и несколько раз проплыл от одного берега до другого. А когда вышел, то обнаружил на берегу Рашида, который читал письмо. Рядом стояла небольшая коробочка – видимо, конфет.

– Голос у меня испортился от бесконечных занятий урду, – пошутил Ман. – Столько гортанных звуков надо произносить – «гхаф», «кхей» и прочее, – вот связки и не выдержали.

– Хватит оправдываться, – с досадой произнес Рашид, – это не поможет тебе отвертеться от учебы. Между прочим, за все время твоего пребывания в деревне ты проучился не больше четырех часов.

– Неправда! Я целыми днями только и делаю, что твержу алфавит – и так и сяк, и задом наперед – да черчу в воздухе буквы. Кстати, я даже во время плавания мысленно рисовал их в воздухе: плыву брасом – вывожу «каф», плыву на спине – «нун»...

– Ты на небо хочешь попасть? – оборвал его Рашид.

– Не понял?

– Есть в твоих словах хоть чуточка правды?

– Ни чуточки! – засмеялся Ман.

– Ну и что же ты скажешь, когда отправишься наверх и предстанешь перед Богом?

– А, ясно... Видишь ли, у меня в голове все наоборот: верх стал низом, низ – верхом. А рай для меня везде, даже на нашей бренной земле. Ну, что скажешь?

Рашид не любил несерьезных разговоров на серьезные темы. И он не считал, что рай находится на земле, – Брахмпур уж точно на рай не тянул, а Дебария и дремучая (в прямом и переносном смысле) родная деревня его жены – давно.

– Какой-то у тебя встревоженный вид, – заметил Ман. – Надеюсь, я тебя не обидел?

Рашид немного поразмыслил.

– Вообще-то нет. Я расстраиваюсь из-за учебы Мехер.

– Твоей дочки?

– Да. Моей старшей дочери. Девочка она умная – вечером я вас познакомлю, – но таких школ в деревне ее матери нет. – Он показал рукой на школу-медресе. – Она вырастет неграмотной, если ничего не предпринять. Я пытаюсь давать ей какие-то азы, когда приезжаю, но потом я на несколько месяцев пропадаю в Брахмпуре, и невежественная среда берет свое.

Рашиду казалось очень странным, что он полюбил Мехер, как родную дочь. Вероятно, это объяснялось именно тем, что изначально Мехер – дочка брата – была для него исключительно объектом любви, а не ответственности. Даже когда год назад она стала называть его «абба», а не «чача», часть этого прежнего отношения к малышке осталась: он дядя, а значит, ему можно приезжать и баловать ее подарками и вниманием. Рашид с ужасом вспомнил, что Мехер тогда было столько же, сколько сейчас малышке. Быть может, ее мать подумала о том же, когда на станции чувства взяли над ней верх и она расплакалась.

Рашид думал о жене с нежностью, но без намека на страсть. Она тоже не испытывала к нему никакого влечения, его присутствие внушало ей лишь покой. Она жила ради детей и чтילה память первого мужа.

«Это моя жизнь, – думал Рашид, – единственная моя жизнь, другой не будет. Если б все сложилось иначе, мы оба еще могли быть счастливы...»

Поначалу его тревожила мысль даже о том, чтобы пробыть с ней наедине хотя бы час. Со временем он привык к коротким визитам, которые наносил жене среди ночи, когда остальные мужчины спали на улице. Однако, исполняя супружеский долг, Рашид гадал, о чем сейчас думает его жена. Иногда ему казалось, что она на грани слез. Полюбила ли она его после рождения малышки? Может быть. Однако женщины в деревне ее отца – жены ее старших братьев – часто бывали весьма жестоки и дразнили друг друга, поэтому она не могла выражать свои чувства открыто, даже если бы там было что выражать.

Рашид хотел снова развернуть письмо от Тасним, но вдруг замер и спросил Мана:

– Как дела на ферме твоего отца?

– На ферме моего отца?

– Да.

– Ну... нормально, думаю. В это время года там ничего особо не происходит.

– Разве ты не туда ездил?

– Нет. Не совсем.

– Не совсем?..

– Ну, то есть нет. Я хотел заехать на ферму, но меня отвлекли.

– И чем же ты занимался?

– В основном – зверел, – ответил Ман. – И пытался убивать волков.

Рашид нахмурился, однако не стал спрашивать дальше.

– Ты, как всегда, несерьезен.

– Что там за цветы? – спросил Ман, меняя тему.

Рашид взглянул на дальний берег водоема:

– Фиолетовые?

– Да. Как они называются?

– Садабахар – то есть «вечнозеленые». Потому что у них круглый год весна. Они очень живучие, избавиться от них непросто. По мне, они очень красивые, но растут иногда в самых неприглядных местах... – Он помолчал. – Некоторые называют их «бихайя» – бесстыжие.

Одна мысль привела к другой, и Рашид надолго погрузился в раздумья.

– О чем думаешь? – наконец спросил Ман.

– О матери, – ответил Рашид и, помолчав еще немного, продолжил: – Я ее очень любил, благослови Господь ее душу. Женщина она была благочестивая и образованная, любила нас с братом всей душой, лишь жалела иногда, что не смогла родить дочку. Может, поэтому... в общем, только она и поддержала мое желание учиться. Хотела, чтобы я выбился в люди и что-то сделал для этого места. – Последние слова Рашид произнес с горечью, почти презрительно. – Но из-за любви к матери я вынужден был связать себя обязательствами... Что же до отца, то ему в этой жизни ничего не нужно, кроме земли и денег. Даже дома я вынужден держать язык за зубами. Баба при всем его благочестии многое понимает – куда больше, чем кажется

на первый взгляд. А отец презирает все, что мне дорого. В последнее время в доме многое поменялось, и мы стали ладить еще хуже.

Ман догадался, что Рашид имеет в виду появление второй жены. А тот пылко и гневливо продолжал:

– Ты только оглядись по сторонам! И вспомни историю. Ничего не меняется. Старики оберегают свою власть и свои убеждения, то есть грешат вовсю, а молодым не оставляют права ни на ошибку, ни на помыслы о каких-либо переменах. Потом, слава богу, они умирают и больше не могут вредить миру. Но к тому времени мы, молодые, стареем – и так по кругу. В соседней деревушке дела обстоят еще хуже. – Рашид показал пальцем на близнеца Дебарии, деревню под названием Сагал. – Там народ еще более благочестивый – и, конечно, зашоренный. Я тебя познакомлю с единственным достойным человеком во всей деревне. Как раз к нему шел, когда увидел, как ты тут испытываешь судьбу, плавая в одиночестве. Ты увидишь, до чего его довели односельчане, – по их мнению, он, разумеется, просто навлек на себя гнев Божий.

Ман потрясенно слушал эти речи. До поступления в Брахмпурский университет Рашид получил традиционное религиозное образование, и Ман знал, как тверда его вера в Аллаха и Коран, слово Божие, переданное людям через пророка. Настолько тверда, что Рашид даже не стал прерывать разучивание суры из Корана с Тасним, когда его вызвала к себе Саида-бай. Однако созданный Господом мир, его неустроенность и несправедливость явно возмущали Рашида. Что же до старика, то его Рашид уже упоминал, когда они впервые обходили окрестности, но тогда Ман был не настроен смотреть на разнообразные мучения деревенских жителей.

– Ты всегда так серьезно к этому относишься? – спросил Ман.

– Отнюдь, – ответил Рашид, криво усмехаясь. – Отнюдь. В юности я думал только о себе и больше всего любил помахать кулаками. Ну да я тебе уже об этом рассказывал, верно? Как и свойственно ребенку, я смотрел по сторонам и подмечал закономерности. Деда моего в округе очень уважали: люди часто приходили к нему за советом, просили разрешать их споры. Порой он делал это при помощи кулаков. И конечно, я пришел к выводу, что человека чтут и уважают именно за крепкие кулаки. Поэтому тоже начал пускать их в ход. – Рашид умолк на минуту, поднял глаза на медресе, а потом продолжал: – В школе я вечно со всеми дрался. Находил себе жертву и избивал. Мог запросто подойти к какому-нибудь мальчишке на дороге или в поле и залепить ему пощечину – просто так, без причины.

Ман засмеялся:

– Да, помню, ты рассказывал.

– Ничего смешного тут нет, – сказал Рашид. – И моим родителям тоже было не до смеха. Мать почти никогда не поднимала на меня руку – хотя пару раз было дело. Зато отец регулярно меня поколачивал. Баба – самый уважаемый человек в деревне – очень меня любил и нередко спасал от побоев. Я был его любимчиком. Помню, он не пропускал ни одной молитвы. Поэтому я тоже исправно совершал намазы, хотя учился хуже некуда. После драк отец жаловался на меня деду. Помню, однажды тот в наказание велел мне присесть сто раз, зажав уши. Рядом стояли мои приятели, и я сказал, что не стану этого делать. Может, мне и сошло бы это с рук, но мимо проходил отец, и он был так потрясен моим ослушанием и дерзостью, что прямо при всех ударил меня кулаком по лицу, очень сильно. Я заплакал от боли и стыда, а потом решил убежать из дома. И далеко убежал, между прочим, до манговой рощи за молотильней на краю деревни, но потом кого-то послали вернуть меня домой.

Ман завороченно слушал, словно то была очередная байка гуппи.

– Это случилось еще до того, как ты сбежал к Медведю? – уточнил он.

– Да, – ответил Рашид. Осведомленность Мана его немного покорила. – Потом я начал потихоньку прозревать. Кажется, это случилось в семинарии Варанаси, куда я уехал учиться. Ты наверняка о ней слышал, она знаменита на всю страну и пользуется большим почетом в академических кругах, но это ужасное место. Поначалу меня не принимали из-за плохих оценок,

однако я сумел здорово подтянуть учебу: за год вошел в тройку лучших учеников, а в классе у нас было шестьдесят мальчишек. Я даже драться перестал! Из-за условий, в которых мы жили, я заинтересовался политикой и стал организовывать студенческие митинги. Мы боролись с несправедливостью и жестоким обращением в семинарии. Наверное, тогда я впервые заинтересовался реформами, но социалистом еще не стал. Мои бывшие школьные приятели только дивились этим переменам – и, наверное, истовость моих убеждений немного их пугала. Один из них стал дакойтом. Теперь они слушают мои речи о переменах и благоустройстве деревни и считают меня сумасшедшим. Но Аллах знает: здесь есть чем заняться. Вот только времени на нас у Него нет, сколько ни совершай намазы. Что же до законов... – Рашид встал. – Идем. Уже поздно, а мне еще надо кое-кого проведать. Если я не вернусь в Дебарию до захода солнца, придется совершать намаз вместе со старейшинами этой деревни – теми еще ханжами. – Сагал в его глазах явно был рассадником несправедливости и беззакония.

– Ладно, – сказал Ман. Ему стало любопытно, кому же Рашид хочет нанести визит. – Возьмешь меня с собой?

10.14

На подходе к хижине старика Рашид немного рассказал Ману о его жизни:

– Ему лет шестьдесят, он из очень богатой семьи. У него было много детей, но почти все они умерли, кроме двух дочерей, которые сейчас по очереди за ним ухаживают. Он славный человек, никогда никому дурного не делал... И у него много братьев, они все обеспеченные, причем богатство нажили нечестным путем, купаются в деньгах и нарожали детей, а родного брата довели до такой плачевной жизни. – Рашид умолк, затем добавил: – Знаешь, люди судачат, что это проделки джинна. Джинны ведь злые создания, но часто ищут компании добрых людей. В общем...

Рашид резко замолчал. По узкой улице им навстречу шел высокий, почтенного вида старик. Они поздоровались: старик доброжелательно, Рашид угрюмо.

– Это как раз один из братьев, – несколько мгновений спустя пояснил он Ману, – один из тех, кто обманом лишил его доли семейного состояния. Местные уважают этого проходимца. Когда имам в отъезде, он часто руководит молением в мечети. Мне с ним даже здороваться неприятно.

Они вошли в тесный двор, и их взору предстало странное зрелище.

К колышку в земле неподалеку от кормушки были привязаны два тощих бычка. Козел лежал на чарпое рядом с маленьким ребенком, над красивым лицом которого вились мухи. Забор порос травой; к нему была приставлена метла из веток. Прямо на гостей смотрела серьезным взглядом хорошенькая девочка лет восьми в красной одежде, державшая за крыло дохлую ворону с единственным мутным глазом. Ведро, разбитый глиняный горшок, каменная плита, скалка для измельчения специй и еще несколько предметов смутного предназначения в беспорядке валялись по двору, будто никому не было до них дела.

На крыльце полуразвалившейся двухкомнатной тростниковой хижины стоял продавленный чарпой, а на нем, на грязных лохмотьях в зеленую клетку, лежал старик: худое изнуренное лицо и тело, впалые глаза, седая щетина, торчащие кости. Руки его были скручены артритом и походили на клешни, тонкие иссохшие ноги тоже скрутило. Казалось, ему лет девяносто и он при смерти. Однако говорил он громко и ясно. Заметив гостей, он спросил (поскольку видел очень плохо):

– Кто? Кто это?

– Это я, Рашид, – громко ответил Рашид, зная, что и на ухо старик туговат.

– Кто?

– Рашид.

– А, здравствуй! Когда приехал?

– Да вот только что, жену в деревню перевез. – Рашиду не хотелось говорить, что из Брахмпуре он вернулся довольно давно, а к нему пришел только сейчас.

Старик обдумал его слова и спросил:

– Кто это с тобой?

– Один бабú из Брахмпуре, – ответил Рашид. – Из хорошей семьи.

Ман не знал, как отнестись к этому краткому описанию своей персоны, но решил, что «бабú» – уважительное обращение к мужчине в здешних краях.

Старик немного подался вперед, потом со вздохом лег обратно.

– Как там в Брахмпуре?

Рашид кивнул Ману.

– Все еще жарко, – ответил тот, не зная, какого ответа от него ждут.

– Отвернись-ка вон к той стене, – тихо велел Рашид Ману.

Ман без вопросов повиновался, но не сразу, поэтому успел краем глаза увидеть хорошенькое светлое лицо молодой женщины в желтом сари, которая поспешно скрылась за квадратным столбом, подпирающим крышу крыльца. На руках она держала того самого ребенка, что спал на чарпое. Из своего импровизированного укрытия женщина, соблюдавшая пурду, присоединилась к разговору. Девочка в красном куда-то забросила ворону и отправилась играть с мамой и братиком за столб.

– Это была его младшая дочь, – пояснил Рашид.

– Очень красивая, – ответил Ман. Рашид бросил на него строгий взгляд.

– Да вы присядьте на чарпой, прогоните козла, – гостеприимно обратилась к ним женщина.

– Хорошо, – кивнул Рашид.

С того места, куда они сели, Ман мог то и дело поглядывать украдкой на молодую женщину с детьми, – конечно, делал он это только тогда, когда Рашид отворачивался. Бедный Ман так давно был лишен общения со слабым полом, что теперь его сердце замирало, стоило ему хоть краешком глаза увидеть ее лицо.

– Как он? – спросил Рашид женщину.

– Ну вы же видите. Худшее впереди. Врачи отказываются его лечить. Муж говорит, надо просто обеспечить ему покой, выполнять его просьбы – больше все равно ничего не поделать. – Голос у нее был бойкий и жизнерадостный.

Они стали обсуждать старика, как будто его здесь не было.

Потом тот вдруг вышел из забытья и крикнул:

– Бабú!

– Да? – откликнулся Ман, вероятно, слишком тихо.

– Что сказать, бабú, я болен уже двадцать два года... И двенадцать из них прикован к постели. Я такой калека, что даже сесть не могу. Скорей бы уж Господь меня забрал. У меня было шесть детей и шесть дочерей... – (Мана потрясла эта формулировка), – а осталось только две дочки. Жена умерла три года назад. Никогда не болей, бабú. Такой судьбы никому не пожелаешь. Я и ем здесь, и сплю, и моюсь, и говорю, и молюсь, и плачу, и испражняюсь. За что Господь так меня покарал?

Ман взглянул на Рашида. Вид у него был сокрушенный, раздавленный.

– Рашид! – вскричал старик.

– Да, пхупха-джан.

– Ее мать, – он кивнул на свою дочку, – заботилась о твоём отце, когда он болел. А сейчас он меня даже не навещает – с тех самых пор, как у тебя появилась мачеха. Раньше, бывало, иду я мимо их дома... двенадцать лет тому назад... а они меня на чай зовут. Потом навещали часто. А теперь только ты и приходишь. Я слышал, Вилайят-сахиб приезжал, но ко мне не зашел.

- Вилайят-сахиб ни к кому не заходит, пхупха-джан.
- Что ты сказал?
- Говорю, он ни к кому не заходит.
- Ну да. А отец твой? Ты не обижайся, я ж не тебя ругаю.
- Конечно-конечно, я понимаю, – сказал Рашид. – Отец не прав. Я не говорю, что он прав. – Он медленно покачал головой и опустил глаза. Потом добавил: – И я не обижаюсь. Надо всегда прямо говорить, что думаешь. Прости, что так вышло. Я всегда готов тебя выслушать. Это правильно.
- Зайди ко мне еще разок перед отъездом... Как у тебя дела в Брахмпуре?
- Очень хорошо, – заверил его Рашид, пусть это и не вполне соответствовало истине. – Я даю уроки, на жизнь мне хватает. Я в хорошей форме. Вот, принес тебе гостинец – конфеты.
- Конфеты?
- Да, сладости. Передам их ей. – Женщине Рашид сказал: – Они желудку не навредят, легко перевариваются, но больше одной-двух за раз не давайте. – Он вновь обратился к старику: – Ну, я пошел, пхупха-джан.
- Добрый ты человек!
- В Сагале нетрудно заслужить это звание, – заметил Рашид.
- Старик посмеялся и наконец выдал:
- Да уж!
- Рашид встал и направился к выходу, Ман пошел за ним.
- Дочь старика со сдержанным теплом сказала им вслед:
- То, что вы делаете, возвращает нам веру в добрых людей.
- Когда они вышли со двора, Ман услышал, как Рашид пробурчал себе под нос:
- А то, что делают с вами добрые люди, заставляет меня усомниться в Боге.

10.15

Покидая Сагал, они прошли мимо небольшой площади перед мечетью. Там собрались и стояли, беседуя друг с другом, человек десять старейшин, в основном бородатых, включая того мужчину, которого они встретили по дороге к дому старика. Рашид узнал в толпе еще двух его братьев, но в сумерках не разглядел выражения их лиц. А все они, как вскоре выяснилось, смотрели прямо на него и настроены были враждебно. Несколько секунд они молча оглядывали его с ног до головы, и Ман, в белых штанах и сорочке, тоже попал под их внимательный осмотр.

- Пришел, значит, – слегка насмешливым тоном произнес один из старейшин.
- Пришел, – ответил Рашид прохладным тоном, даже не использовав подобающего уважительного обращения к человеку, который с ним заговорил.
- Смотрю, не очень торопился.
- Да, кое-какие дела требуют времени.
- То есть ты сидел и тратил дневное время на пустую болтовню, вместо того чтобы пойти в мечеть и совершить намаз, – сказал другой старейшина (тот, которого они недавно встретили на улице).

Вообще-то так оно и было: Рашид увлекся беседой со стариком и даже не услышал вечерний зов муэдзина.

- Да, – сердито ответил он, – вы совершенно правы.

Рашида вывело из себя, что эти люди накинулись на него без всякой причины, лишь из желания его позлить да понасмешничать. Плевать они хотели, посещает ли он мечеть. «Они просто мне завидуют, – подумал Рашид, – потому что я молод и уже кое-чего добился в жизни. Их пугают мои убеждения – за коммуниста меня приняли. А больше всего их раздражает моя связь с человеком, чье жалкое существование служит им вечным упреком».

Высокий кряжистый мужчина воззрился на Рашида.

– Кого ты с собой привел? – спросил он, указав на Мана. – Может, соблаговолишь нас познакомить? Тогда мы сможем узнать, с кем водит дружбу наш мауляна-сахиб, и сделать выводы.

Из-за оранжевой курты, в которой Ман был в день приезда, по деревне прошел слух, что он индуистский святой.

– Не вижу смысла, – ответил Рашид. – Он мой друг, вот и все. Друзей я знакомлю с друзьями.

Ман хотел сделать шаг вперед и встать рядом с Рашидом, но тот жестом осадил его и велел не лезть на рожон.

– Изволит ли мауляна-сахиб совершить завтра утренний намаз в мечети Дебарии? Как мы поняли, сахиб утром любит поспать подольше и на жертвы идти не готов, – сказал кряжистый.

– Я сам решаю, когда мне совершать намазы! – запальчиво ответил Рашид.

– Вот, значит, какую манеру взял, – сказал еще кто-то.

– Слушайте, – прошипел доведенный до белого каления Рашид, – если кто-то хочет обсудить мои манеры, пусть приходит ко мне домой – там мы поговорим и решим, у кого манеры лучше. Что же касается того, кто живет более праведной жизнью и у кого вера крепче, так это обществу прекрасно известно. Да что обществу! Даже дети знают о сомнительном образе жизни некоторых особо пунктуальных и набожных господ. – Он обвел рукой стоявших полукругом бородачей. – Если б была на свете справедливость, даже суды...

– Слушать надо не общество, не детей и не судей, а одного только Всевышнего! – закричал какой-то старик, грозя Рашиду пальцем.

– С этим утверждением я бы поспорил, – резко возразил ему Рашид.

– Иблис²⁷ тоже спорил, прежде чем был низвергнут с небес!

– Как и остальные ангелы, – в ярости ответил Рашид, – и вообще все остальные!

– Считаете себя ангелом, мауляна-сахиб? – ядовито спросил его старик.

– А вы считаете меня Иблисом? – заорал Рашид.

Вдруг он понял, что пора заканчивать: спор зашел слишком далеко. Все-таки нельзя так разговаривать со старшими, какими бы ханжами, завистниками и зашоренными ретроградами они ни были. Еще он подумал, как может выглядеть эта сцена в глазах Мана, в каком дурном свете он выставляет перед учеником себя и свою религию.

И опять эта пульсирующая, распирающая боль в голове... Он шагнул вперед – на пути у него стояло несколько человек, – и люди расступились.

– Уже поздно, – сказал Рашид. – Простите. Нам нужно идти. Что ж, еще увидимся... Тогда и поговорим. – Он прошел сквозь разомкнутый полукруг, Ман двинулся следом.

– Похоже, мы и «кхуда хафиз» от него не услышим, – язвительно бросил кто-то им в спину.

– Да, кхуда хафиз, храни Господь и вас, – сердито пробормотал Рашид, не оборачиваясь.

10.16

Хотя Дебариию и Сагал разделяла по меньшей мере миля, слухи и молва распространялись между ними так, как если бы это была одна деревня, то есть моментально. Жители Сагала приносили в Дебариию зерно на прокалку, жители Дебариии ходили на почту в Сагал, дети учились в одном медресе, люди ходили друг к другу в гости или встречались на полях, – словом, две деревни оплели такие прочные пути дружбы и вражды, информации и дезинформации,

---

²⁷ *Иблис* – в исламе имя джинна, который был приближен к Богу и побывал среди ангелов, но был низвергнут с небес из-за гордыни.

исторических корней и новых брачных союзов, что из них сформировалась единая сеть для быстрого распространения сплетен.

В Сагале практически не было индусов высших каст. В Дебарии жило несколько браминов, и они тоже стали частью этой сети, поскольку состояли в добрых отношениях с лучшими мусульманскими семьями (такими, как семья Рашида, например) и иногда заглядывали к ним в гости. Они испытывали особую гордость по поводу того, что внутренняя вражда между членами одного сообщества в их деревне была куда более жестокой и непримиримой, чем вражда между двумя противоборствующими сообществами. В некоторых окрестных деревнях – особенно там, где еще помнили столкновения мусульман и индусов в ходе Раздела Индии²⁸, – все обстояло иначе.

Тем утром Мячик – такое прозвище носил один из землевладельцев-браминов – как раз решил заскочить на чай к отцу Рашида.

Ман сидел на чарпое во дворе дома и играл с Мехер. Рядом бродил Моаззам – Мехер то и дело приводила его в восхищение, и тогда он изумленно всплескивал руками над ее головкой. Тут же отирался и голодный Мистер Крекер.

На другом чарпое сидели и разговаривали Рашид с отцом – до последнего дошли слухи о размолвке сына со старейшинами Сагала.

– Что же, по-твоему, намаз совершать не нужно? – спросил отец.

– Нужно-нужно, – ответил Рашид. – Да, увы, в последние дни я иногда пропускал молитву, потому что у меня были важные обязанности. И в автобусе молитвенный коврик не разложишь. Отчасти, признаю, дело в моей лени, но если бы кто-то действительно волновался за меня, хотел меня образумить и проявить участие, он отвел бы меня в сторонку и спокойно расспросил – или поговорил с тобой, абба, – а не насмеялся бы надо мной на глазах у всех. – Рашид умолк и пылко добавил: – Кроме того, я считаю, что жизнь человека важнее намазов!

– Как это понимать? – резко спросил его отец. Он заметил проходившего мимо Качхеру и окликнул его: – Эй, Качхеру, сходи-ка в лавку бани и принеси мне супари²⁹ для пана, а то мой закончился. Да, да, все как обычно... А, Мячик сюда ковыляет – небось хочет все вызнать про твоего приятеля-индуса. Да, жизнь человека – это важно, но разговаривать так со старейшинами деревни нельзя. Ты о моей чести хоть подумал? А о своей репутации?

Рашид проводил Качхеру взглядом.

– Ладно, я понял. Прости меня, пожалуйста, я был неправ.

Пропустив его неискренние извинения мимо ушей, отец широко улыбнулся гостю, обнажив красные от бетеля зубы:

– Добро пожаловать, Тивариджи, проходи!

– Здравствуйтесь, здравствуйтесь, – сказал Мячик. – Что так оживленно обсуждают отец с сыном?

– Ничего, – одновременно ответили отец с сыном.

– А, ну ладно. Вообще мы давненько хотели вас навестить, но, сам понимаешь, жатва и все такое... Не до того было. А потом нам сказали, что ваш гость на несколько дней уехал из деревни, и мы решили дожидаться его возвращения.

– Стало быть, ты пришел к Капуру-сахибу, а не ко мне? – спросил хозяин дома.

Мячик яростно замотал головой:

– Что ты такое говоришь, Хан-сахиб! Нашей дружбе уже десятки лет, да и с Рашидом нечасто удается поболтать, он ведь теперь большую часть года проводит в Брахмпуре – ума набирается.

---

²⁸ Раздел Британской Индии (август 1947 года) – процесс разделения бывшей британской колонии Британская Индия на независимые государства Пакистан и Индийский Союз, сопровождавшийся крупными кровопролитными столкновениями, в которых погибло около миллиона человек, и массовыми миграциями населения.

²⁹ Супари – орех бетелевой пальмы (хинди).

– Ясно, – с ехидцей произнес отец Рашида. – Что ж, выпей с нами чаю, раз пришел. Я позову друга Рашида, и мы все поболтаем. Кто еще сюда идет? Рашид, попроси заварить на всех чаю.

Мячик вдруг встревожился.

– Нет-нет!.. – замахал он руками, словно отбиваясь от осинового роя. – Не надо чаю, что ты!

– Да ты не переживай, Тивариджи, мы тебя не отравим – все вместе будем пить. Даже Капур-сахиб с нами выпьет.

– Он пьет с вами чай? – спросил Тивари.

– Ну да. И ест тоже с нами.

Мячик на какое-то время умолк, переваривая услышанное. Наконец он выдал:

– Да я ведь только что попил – за завтраком. И порядком объелся, знаешь ли. Взгляни на меня – я должен быть осторожнее. Твое гостеприимство не знает границ, но...

– Уж не хочешь ли ты сказать, Тивариджи, что ждал другого угощения? Почему ты отказываешься с нами есть? Думаешь, мы отравим твою душу и тело?

– О, нет-нет, нет, просто такому недостойному клопу, как я, не пристало лакомиться со стола королей. Хе-хе-хе!

Мячик затрясся от смеха, довольный своим остроумным наблюдением, и даже отец Рашида невольно улыбнулся. Он решил больше не давить на гостя. Остальные брамины всегда прямо говорили о правилах касты, запрещающих им принимать пищу с не браминами, а Мячик почему-то стеснялся и юлил.

Запах печенья и чая привлек Мистера Крекера.

– А ну кыш, не то изжарю тебя в гхи! – пригрозил ему Моаззам, встопорщив свои волосы-колючки. – Он жуткий проглот, – пояснил он Ману.

Мистер Крекер продолжал молча на них глазеть.

Мехер предложила ему два печенья, и он, точно зомби, подошел и моментально их проглотил.

Рашид порадовался щедрости дочери, но поведение Мистера Крекера ему не нравилось.

– Он целыми днями только ест да срет, ест да срет, – сказал он Ману. – Больше ничего не делает, в этом весь смысл его существования. Ему семь лет, а он ни слова прочесть не может! Что тут поделаешь? Деревня дает о себе знать. Люди считают его забавным, смеются, а ему только этого и надо.

Мистер Крекер, слопав угощение и возжелав продемонстрировать другие свои навыки, приложил ладони к ушам и заголосил, изображая зов муэдзина:

– Ааие Лалла е лалла алала! Халла о халла!

– Ах ты тварь! – крикнул Моаззам и хотел уже отвесить ему оплеуху, но Ман его удержал.

Моаззам, вновь плененный часами Мана, сказал:

– Следите за моими руками!

– Только не давай ему часы, – посоветовал Рашид. – Я тебя уже предостерегал. И фонарик не давай. Он все разбирает, пытается понять, как оно устроено, – только подход у него не слишком научный. Однажды он разбил мои часы кирпичом. Незаметно стащил из сумки, когда я отвернулся. К счастью, сам механизм не пострадал, но стекло, стрелки, завод – все было разбито вдребезги. Двадцать рупий за ремонт отдал!

Моаззам уже увлекся другим делом: пересчитывал и щекотал пальчики Мехер, а та восторженно хохотала.

– Порой он говорит удивительные вещи, такую наблюдательность и вдумчивость проявляет, – сказал Рашид. – Я каждый раз поражаюсь. Беда в том, что родители его избаловали, никакой дисциплины ему не привили и теперь он совсем отбил от рук. Иногда даже крадет у них деньги и убегает в Салимпур. Что он там делает – никто не знает. Через несколько дней он возвращается. Такой умный, такой любящий мальчик... Жаль, плохо кончит.

Моаззам все слышал и посмеялся:

– А вот и нет! Это ты плохо кончишь. Восемь, девять, десять, десять, девять, восемь – не дергайся! – семь, шесть. Давай сюда амулет, а то уже давно с ним играешь.

Заметив, что к дому идут гости, он вручил Мехер ее прадеду, вышедшему из дома, и убежал на них поглазеть (а при случае – надерзить им).

– Вот шалопай! – воскликнул Ман.

– Шалопай? – удивился Баба́. – Да он ворюга и бандит! А ведь всего двенадцать лет от роду!

Ман улыбнулся.

– Он сломал вентилятор вон той веялки, которая приводится в движение велосипедом. Он не шалопай, а хулиган, – продолжал Баба́, качая Мехер на руках (весьма энергично для человека его почтенного возраста). – Теперь он вырос, ему подавай всякие вкусности, – продолжал Баба́, бросая неодобрительный взгляд в спину Моаззама. – Каждый день ворует дома рис, дал, что под руку попадет, а потом продает их банье³⁰ и на вырученные деньги лопаёт виноград и гранаты в Салимпуре!

Ман рассмеялся.

Вдруг дед что-то вспомнил:

– Рашид!

– Да, Баба́?

– Где твоя вторая дочь?

– В доме, с матерью. Та ее кормит, кажется.

– Очень слабый младенец. Не моей породы. Надо поить ее буйволиным молоком, тогда будет здоровой и крепкой. Она улыбается как старуха.

– Многие младенцы так улыбаются, Баба́, – сказал Рашид.

– Вот это, я понимаю, здоровая девочка. Смотри, как у нее щечки сияют.

В открытый двор вошли двое, тоже деревенские брамины. Перед ними шествовал Моаззам, а позади шагал Качхеру. Баба́ пошел поздороваться; Рашид и Ман отнесли свой чарпой в дальний конец двора, где сидели отец Рашида с Мячиком: встреча превращалась в собрание.

Вскоре к числу участников присоединился и Нетаджи. С ним был Камар – тот учитель с сардоническим лицом, который ненадолго заглядывал в салимпурскую лавку. Сегодня они вместе ходили в медресе побеседовать с другими учителями.

10.17

Все поприветствовали друг друга. Кто-то здоровался с бóльшим радушием, кто-то – с меньшим: Камар, к примеру, был не рад оказаться среди браминов, и приветствие его носило дежурный характер, хотя последние подтянувшиеся – Баджпай (с отметкой из пасты сандалового дерева на лбу) и его сын Кишор-бабу́ – были очень хорошими людьми. Они, в свою очередь, были не рады видеть другого брамина – интригана Тивари по прозвищу Мячик, который больше всего на свете любил настраивать людей друг против друга.

Кишор-бабу́ был застенчивый и трепетный юноша. Он сказал Ману, что счастлив наконец-то с ним познакомиться, и взял обе его ладони в свои руки. Потом он попытался поднять Мехер, но та не далась и убежала к дедушке, который осматривал орехи бетеля, принесенные Качхеру из лавки баньи. Нетаджи ушел за третьим чарпоем.

Баджпай поймал правую руку Мана и принялся внимательно ее разглядывать.

– Вижу одну жену... Достаток... Что же до линии ума...

– ...то она начисто отсутствует, – с улыбкой закончил за него Ман.

---

³⁰ *Банья* – наиболее влиятельная торгово-финансовая каста в Индии и Непале.

– Линия жизни неидеальна, – ободряюще сказал ему Баджпай.

Ман засмеялся.

Камар наблюдал за происходящим с нескрываемым отвращением. Ох уж эти жалкие, суеверные индусы!

Баджпай продолжал:

– Вас у родителей было четверо, но выжили только трое.

Ман перестал смеяться, и рука его окаменела.

– Я угадал?

– Да.

– Кто скончался? – спросил Баджпай, внимательно и ласково глядя в лицо Ману.

– Лучше вы мне скажите.

– Вроде бы младший.

Ман облегченно выдохнул:

– Нет, младший – это я. Умер третий, ему и года не исполнилось.

– Какой бред, какой бред! – презрительно воскликнул Камар. Он был человек принципов и не терпел шарлатанства ни в каком виде.

– Ну что вы, учитель-сахиб, не говорите так, – спокойно проговорил Кишор-бабú. – Тут все по науке – и хиромантия, и астрология. Как иначе вы объясните расположение звезд?

– Ну да, вас послушать, так у вас все по науке, – сказал Камар. – Даже кастовая система. Даже поклонение лингаму и прочие гадости. А еще вы поете бхаджаны этому развратнику, вруну и вору Кришне³¹.

Если Камар напрашивался на ссору, он ее не получил. Ман изумленно поглядел на него, но не стал вмешиваться. Ему было интересно послушать Баджпая и Кишора-бабú. Глазки Тивари быстро бегали по лицам всех участников разговора.

Кишор-бабú медленно и вдумчиво произнес:

– Видишь ли, Камар-бхай, тут какое дело. Мы поклоняемся не этим образам. Они служат нам лишь опорными точками для концентрации ума. Вот скажи мне, почему вы поворачиваетесь в сторону Мекки, когда молитесь? Никто ведь не считает, что вы поклоняетесь камню. Мы не называем бога Кришну такими словами. Для нас он – инкарнация самого Вишну³². Даже меня в каком-то смысле назвали в честь бога Кришны.

Камар фыркнул:

– Ой, вот только не надо рассказывать, что простые салимпурские индусы, которые каждое утро совершают пуджу перед своими четырехрукими богинями и богами со слоновьей головой, считают эти образы опорными точками для концентрации. Они просто-напросто поклоняются идолам, вот и все.

Кишор-бабú вздохнул.

– Ах, простолюдины! – многозначительно произнес он, как будто эти слова все объясняли. Он был известным поборником кастовости.

Рашид счел необходимым вступить за индуистское меньшинство:

– Как бы то ни было, людей нужно судить по делам, а не по тому, кому они поклоняются.

– Неужели, мауляна-сахиб? – ехидно переспросил его Камар. – Значит, вам все равно, кому или чему человек поклоняется? А вы что думаете об этом, Капур-сахиб? – с вызовом обратился он к Ману.

Ман задумался, но ничего не ответил. Он посмотрел на Мехер и еще двух детей, которые пытались, взявшись за руки, обнять шершавый и морщинистый ствол нима.

---

³¹ Бог Кришна в священных писаниях индуизма (Пураны, «Махабхарата», «Харивамша») предстает в различных образах: игривого озорника, беззаботного пастушка, искушенного любовника, героя-воина и т. п.

³² *Вишну* – в индуизме один из богов триады Тримурти (Вишну, Шива, Брахма), хранитель мироздания.

– Или у вас нет никакого мнения на этот счет, Капур-сахиб? – не унимался Камар, полагая, что в чужой деревне с него и взятки гладки.

На лице Кишора-бабу́ начало отражаться недовольство. Ни Баба́, ни его сыновья никогда не позволяли себе подобных теологических склок. Им, как хозяевам, следовало вмешаться и прекратить спор, пока он не зашел слишком далеко. Кишор-бабу́ чувствовал, что Ману тоже неприятен допрос Камара и он вот-вот вспылит.

Однако на сей раз Ман сдержался. Все еще рассматривая дерево и лишь пару раз обратив взгляд на Камара, он произнес:

– Я предпочитаю вовсе об этом не думать. Жизнь и так слишком сложна. Однако мне ясно, учитель-сахиб: тому, кто пытается увильнуть от ответа на ваш вопрос, вы спуску не дадите. И сейчас вы не уйметесь, покуда не заставите меня отнестись к вашим словам серьезно.

– Не считаю это недостатком, – бесцеремонно заявил Камар. Он быстро составил мнение о характере Мана и решил, что с ним можно не считаться.

– Вот мои мысли по этому поводу, – проговорил Ман в той же необычайно сдержанной манере. – То, что Кишор-бабу́ родился в семье индуистов, а вы, учитель-сахиб, в семье мусульман, – дело случая. Не сомневаюсь, если бы вас поменяли местами сразу после, или до рождения, или даже до зачатия, вы бы сейчас восхваляли Кришнаджи, а он – пророка. Что же до меня, учитель-сахиб, то я и сам недостойн похвалы, и возносить хвалу никому не хочу – а уж тем более поклоняться.

– Что? – воинственно вмешался в разговор Мячик. – Даже таким святым, как Рамджап-баба? Даже священной Ганге при полной луне на великом празднике Пул Мела? – расплывался он все сильнее. – Даже Ведам? Даже... Богу?

– Бог... – вздохнул Ман. – Бог – это слишком большая и сложная тема для таких, как я. Думаю, и Ему нет до меня особого дела.

– Но разве вы никогда не ощущаете Его присутствия? – спросил Кишор-бабу́, озабоченно подаваясь вперед. – Не чувствуете своей связи с Ним?

– Раз уж вы спросили, – сказал Ман, – то я ощущаю связь с Ним прямо сейчас. И Он велит мне прекратить эти пустые споры и выпить чаю, пока тот не остыл.

Все, кроме Мячика, Камара и Рашида, улыбнулись. Рашид по-прежнему сетовал на непрошибаемое легкомыслие своего ученика; Камар досадовал, что его так мелко и глупо провели, а Мячик расстроился, что ему не дали натравить друг на друга участников спора. Зато гармония была восстановлена, и собравшиеся разбились на несколько небольших групп.

Отец Рашида, Мячик и Баджпай стали обсуждать, что будет, если закон об отмене системы заминдари вступит в силу. Его уже подписал президент, но конституционность закона оспорили в Высоком суде Брахмпуре. Рашиду было неловко обсуждать эту тему, и он спросил Камара об изменениях в учебной программе медресе. Кишор-бабу́, Ман и Нетаджи образовали третью группу, однако их беседа их странным образом расщепилась и текла сразу в двух направлениях: Кишор-бабу́ мягко, но настойчиво расспрашивал Мана о его взглядах на ненасилие, а Нетаджи хотел разузнать все про охоту на волков. Баба́ ушел играть с любимой правнучкой, которую Моаззам катал на закорках от хлева до голубятни и обратно.

В тени хлева, прислонившись к стене, сидел Качхеру. Он думал о своем и благостно поглядывал на игравших во дворе детей. Разговоры собравшихся его не интересовали. Хотя он всегда был готов услужить хозяевам, сейчас он радовался, что никому ничего от него не нужно и можно спокойно выкурить две бири подряд.

10.18

Шли дни. Жара нарастала. Дождей больше не было. Огромное небо день за днем оставалось прискорбно голубым. Раз или два над бесконечным лоскутным одеялом долины появлялись облачка, но они были белоснежные и быстро уплывали.

Ман потихоньку привыкал к своему изгнанию. На первых порах он никак не мог найти себе места. Жара стояла невыносимая, плоский мир бескрайних полей дезориентировал его, и он сходил с ума от скуки. Богом забытый в этом богом забытом месте, Ман мечтал поскорее уехать домой. К такой жизни, считал он, невозможно привыкнуть. Тоска по комфорту и внешним стимулам росла и набирала обороты. Однако время шло, что-то менялось или не менялось – по воле Неба, других людей или календаря, – и Ман начал приспосабливаться. Его поразила мысль, что отец, наверное, так же привыкал к тюремному заточению, только границы дней Мана определяли не утренняя переключка и отбой, а зов муэдзина и «час пыли», когда по вечерам скот возвращался домой по узким деревенским улочкам.

Даже его злость на отца потихоньку утихла; слишком это тяжелый труд – долго иметь зуб на кого-то. Кроме того, пожив в деревне, Ман начал понимать, какое важное дело задумал его отец, и даже восхищаться им (впрочем, это отнюдь не пробудило в нем стремления к подражанию).

По натуре своей бездельник, он главным образом сидел без дела. Подобно льву, которым окрестила его деревенская детвора в день приезда, он был активен от силы пару часов в день, а все остальное время отдыхал, зевал и даже как будто наслаждался своим унылым бездействием, которое лишь изредка прерывал вялым рыком или какой-нибудь непыльной деятельностью: заплывом по озеру у школы или прогулкой до манговой рощи (был сезон манго, а Ман их очень любил). Иногда он валялся на чарпое и читал какой-нибудь приключенческий романчик из тех, что дал ему Сандип Лахири. Иногда заглядывал в учебники урду. Не проявляя особого усердия в учебе, он тем не менее научился читать печатные тексты; как-то раз Нетаджи одолжил ему тоненький сборник самых знаменитых газелей Мира, и Ман, звавший многие газели наизусть, без труда их прочел.

Иногда он спрашивал себя, чем же люди занимаются в деревне? Они ждут; сидят, разговаривают, готовят, едят, пьют и спят. Просыпаются и идут в поле с кувшином воды. Наверное, все люди по сути своей – Мистер Крекер. Порой они поднимают головы и смотрят на небо. Солнце встает, достигает зенита, садится и прячется за горизонт. В Брахмпуре с наступлением темноты жизнь Мана только начиналась, а здесь ночью делать было нечего. Приходили и уходили гости. На полях что-то росло. Люди просто сидели, спорили о чем-нибудь и ждали сезона дождей.

Ман тоже сидел и разговаривал, поскольку людям нравилось с ним разговаривать. Он устраивался на чарпое и обсуждал с местными их проблемы, обстановку в мире, выращивание мадуки – словом, что угодно. Он никогда не сомневался в том, что нравится людям и они ему доверяют; сам по натуре человек не подозрительный, он не мог представить, что кто-то с подозрением отнесется к нему. Однако он был чужаком, горожанином, индусом и сыном политика – самого министра по налогам и сборам! – и местные в чем только его не подозревали. О нем ходило множество сплетен (пусть и не таких невообразимых, как те, что породила его оранжевая курта). Одни считали, что он приехал изучить избирательный округ, по которому его отец планирует баллотироваться на предстоящих выборах; другие говорили, что Ман устал от городской жизни и решил перебраться сюда навсегда; третьи утверждали, будто он скрывается в деревне от кредиторов. Но вскоре люди привыкли к Ману. Им нравилось, что они нравятся ему, и они не видели ничего дурного в отсутствии у него каких-либо внятных целей. Его взгляды на жизнь казались приятно и забавно беззлобными. В глазах детей он был «бесхво-

стый лев», плескавшийся под струей воды из колонки, добрый Ман-чача, который тетешкал плачущих младенцев, владел любопытными вещицами вроде часов и фонарика, увлеченно и неумело выводил буквы (и неизменно ошибался с написанием «з» в самых простых словах). Дети быстро приняли его за своего, а там и родители подтянулись. Если Ман и тосковал по женщинам – в деревне он общался только с мужчинами, – ему хватало ума об этом не заикаться. В жаркие споры и конфликты на почве религии и землевладения он не лез. О том, как ловко он увильнул от спора о Боге, в который его пытались втравить Камар и Тивари, вскоре узнала вся деревня. И почти все отнеслись к этому одобрительно. Даже родные Рашида привязались к Ману: он стал для них чем-то вроде исповедальни под открытым небом.

Дни тянулись – одинаковые как две капли воды. Приходивший почтальон редко радовал Мана и в ответ на его полный надежды взгляд обычно скорбно опускал глаза. За несколько недель Ман получил всего два письма: от Прана и от матери. Из письма Прана он узнал, что у Савиты все хорошо, а вот у мамы – не очень, что Бхаскар шлет ему горячий привет, а Вина – ласковые упреки, что брахмпурский обувной рынок наконец проснулся, а кафедра английского по-прежнему крепко спит, что Лата сейчас в Калькутте, а госпожа Рупа Мера – в Дели. Все эти миры теперь представлялись Ману далекими, как пушистые белые облачка, что порой возникали на горизонте и тут же исчезали. Его отец по-прежнему возвращался с работы очень поздно и все дни проводил в подготовке к суду, на котором должна была решиться судьба Закона об отмене системы заминдари. У отца нет времени на письма, оправдывалась за него мама, но он справляется о здоровье Мана и о делах на ферме. Сама она утверждала, что чувствует себя прекрасно; легкие недомогания, которые зачем-то упомянул в письме Пран, она списала на возраст и запретила сыну волноваться по этому поводу. Сезон дождей запаздывал, и это плохо отразилось на саде, однако, по прогнозам, дожди вот-вот начнутся. Когда все опять станет зеленым, писала она, Мана наверняка заинтересуют два небольших нововведения: легкая неровность боковой лужайки и клумба с цинниями прямо под окном его спальни.

Фирозу, должно быть, новый законопроект тоже прибавил работы, решил Ман, пытаясь оправдать молчание друга. Что же до особенно мучительного молчания любимой, больно отзвучавшего в ушах, то трудней всего Ману дали первые дни после отправки его собственного послания; он не мог сделать ни единого вдоха без мысли об этом. Со временем боль притупилась: ее сгладили жара и зыбкость времени. Однако по вечерам, когда он лежал на чарпое и в лучах закатного солнца читал стихи Мира, особенно те, что напоминали ему о первой встрече с Саидой-бай в Прем-Нивасе, воспоминания о любимой оживали и наполняли его душу тоской и растерянностью.

Поговорить об этом было не с кем. На лице Рашида начинала брезжить скупая улыбка Кассия³³, когда он видел Мана за мечтательным разглядыванием томика Мира, но эта улыбка моментально сменилась бы брезгливой гримасой, узнай он, о ком его ученик мечтает на самом деле. Однажды они с Маном говорили о чувствах (в общих чертах, не вдаваясь в подробности), и взгляды Рашида на любовь оказались такими же обстоятельными, глубокими и теоретическими, как и по всем остальным вопросам. Ман понял, что Рашид еще никогда не испытывал этого чувства. Вдумчивость учителя порой его изматывала, и в тот день он пожалел, что вообще поднял эту тему.

Рашид радовался, что нашел в Мане человека, с которым можно свободно делиться идеями и чувствами, но монументальная безалаберность, бесцельность молодого собеседника неизменно ставили его в тупик. Сам он вышел из той среды, где высшее образование казалось чем-то далеким и недостижимым, как звезды, и свято верил, что человек может добиться чего угодно, было бы желание и сила воли. Он, как одержимый, отважно и упоенно пытался

---

³³ *Кассий*, Гай Лонгин (до 86–42 до н. э.) – римский военный и политический деятель, один из главных участников заговора против Цезаря.

собрать все: семейную жизнь, учебу, каллиграфию, честь, порядок, традиции, Бога, сельское хозяйство, историю, политику – словом, этот мир и все другие миры в единое связанное целое. К себе он был так же строг, как и к другим. Принципиальность и рвение Рашида повергали Мана в восхищенный трепет, но ему казалось, что учитель слишком изнуряет, выматывает самого себя этими глубокими чувствами и страстными разглагольствованиями о тяготах и обязанностях человечества.

– Я умудрился прогневать своего отца, не делая ничего – и даже меньше, чем ничего, – сказал однажды Ман, когда они сидели под сенью нима и разговаривали, – а ты прогневал своего тем, что сделал что-то – и даже больше чем что-то.

Рашид озабоченным тоном добавил, что его отец разозлился бы куда сильнее, если бы узнал, что он недавно провернул. Ман попросил разъяснений, но Рашид лишь помотал головой, и он не стал расспрашивать дальше. К этому времени он привык к скрытности Рашида, которая порой сменялась поразительной откровенностью. На самом деле, когда Ман поведал ему про случай с мунши и старухой, Рашид был на грани того, чтобы рассказать о своем визите к деревенскому патвари. Но что-то ему помешало. В конце концов, никто в деревне, даже сам Качхеру, не знал об этой попытке Рашида восстановить справедливость; пусть так оно и будет. К тому же патвари уже пару недель был в отъезде, и Рашид пока не получил подтверждения, что его просьба выполнена.

Вместо признания он спросил:

– А ты узнал, как звали ту женщину? Откуда ты знаешь, что мунши не отомстит ей за унижение?

Ман, придя в ужас при мысли о возможных последствиях своего бездумного поступка, сокрушенно покачал головой.

Пару раз Рашиду удалось заставить Мана поделиться своими взглядами на систему заминдари – они оказались прискорбно и ожидаемо расплывчатыми. Ману подсознательно претили жестокость и несправедливость, он реагировал на них пылко и бурно, но никаких внятных представлений о достоинствах и недостатках системы у него не было. Конечно, Ман не хотел, чтобы суд отменил закон, над которым его отец трудился столько лет, но и лишать Фироза с Имтиазом большей части владений ему не хотелось. Странно было бы ждать от Мана праведного пролетарского гнева в ответ на замечание Рашида, что крупным землевладельцам не приходится зарабатывать на жизнь: деньги достаются им просто так.

Рашид в самых резких выражениях осуждал свою семью за несправедливое обращение с работниками, однако о навабе-сахибе он дурно отзываться не стал. Еще в поезде, когда они ехали сюда из Брахмпуре, Рашид узнал, что Ман дружит с сыновьями наваба-сахиба, и решил не расстраивать его и самого себя воспоминаниями об унижении, которому его подвергли в доме Байтаров, куда он приходил в поисках работы несколько месяцев назад.

10.19

Однажды вечером, когда Ман выполнял в тетради упражнения, которые ему задал перед уходом в мечеть Рашид, к нему подошел отец Рашида со спящей Мехер на руках и без обиняков сказал:

– Раз ты один, позволь задать один вопрос... Я уже давно хотел спросить тебя об этом.

– Конечно, спрашивайте, – ответил Ман, откладывая ручку.

Отец Рашида сел.

– Как бы лучше сказать? Если мужчина в твоём возрасте не женат, обе наши веры этого не одобряют. Это считается... – Он умолк, подыскивая нужное слово.

– Адхармой? – подсказал ему Ман. – Чем-то неправедным?

– Да, назовем это адхармой, – с облегчением закивал отец Рашида. – Тебе уже двадцать два, двадцать три...

– Больше.

– Больше? Это очень плохо. Ты должен жениться. Я считаю, мужчина в возрасте от семнадцати до тридцати пяти находится в самом расцвете сил.

– Понятно, – не стал спорить Ман. Дедушка Рашида уже поднимал эту тему, когда Ман только приехал. Видимо, дальше на него натравят самого Рашида.

– Впрочем, моя мужская сила и в сорок пять еще не начала убывать.

– Очень хорошо, – сказал Ман. – В этом возрасте некоторые превращаются в дряхлых стариков.

– Ну а потом погиб мой сын, вскоре умерла жена – и я начал разваливаться на части.

Ман молчал. Подошел Качхеру и поставил неподалеку от них фонарь.

Отец Рашида, пришедший наставлять молодого гостя, плавно погрузился в воспоминания о собственной жизни:

– Мой старший сын был славный парень. Обойди сто деревень – такого не найдешь. Сильный как лев, высокий, ростом больше шести футов! Занимался борьбой и тяжелой атлетикой. Английские упражнения выполнял, запросто тягал по два монда³⁴. И у него было чудесное свежее лицо. Он всегда улыбался, шутил... Так тепло и радушно здоровался с людьми, что их сердца сразу наполнялись счастьем. А когда он надевал костюм, который я ему подарил, все кругом говорили, что он вылитый суперинтендант полиции!

Ман скорбно покачал головой. В голосе отца Рашида не было слышно слез, однако говорил он с чувством, как будто вспоминая историю близкого друга.

– Ну так вот. После той трагедии на железной дороге со мной что-то случилось. Силы меня покинули, я несколько месяцев не выходил из дома. Целыми днями проводил в каком-то забытии. Он был так молод! А чуть позже ушла и его мать.

Отец Рашида взглянул на дом, наполовину отвернувшись от Мана, и продолжал:

– В доме никого не осталось, одни призраки. Не знаю, что со мной стряслось. Я был так слаб и полон горя, что хотел умереть. Некому было даже стакан воды мне подать. – Он закрыл глаза. – Где Рашид? – холодно спросил он, вновь повернувшись к Ману.

– В мечети вроде.

– А-а, понятно. Ну так вот, в конце концов Баба не выдержал и велел мне взять себя в руки. По нашей вере иззат – честь неженатого мужчины – вдвое меньше чести женатого. Баба настоял, чтобы я женился во второй раз.

– Ну, он явно судил по собственному опыту, – улыбнулся Ман.

– Да. Рашид тебе наверняка рассказывал, что у Бабы было три жены. Все его дети – я, мой брат и сестра – все от разных жен. Но имей в виду, что он женился не сразу на трех, а по очереди. «Мартэ гаэ, картэ гаэ» – когда одна умирала, он женился на следующей. Так уж повелось в нашей семье: у моего деда было четыре жены, у отца три, а у меня две.

– Почему бы и нет?

– В самом деле, – с улыбкой ответил отец Рашида. – Вот и я так подумал, когда наконец справился с горем.

– Трудно было найти жену? – с искренним интересом спросил Ман.

– Не очень. По здешним меркам семья у нас зажиточная. Мне посоветовали найти себе молодую женщину, но не девушку. Вдову или разведенную. Так я и сделал – мы женаты уже около года... она моложе меня на пятнадцать лет. Это не очень большая разница. Она, кстати, очень дальняя родственница моей покойной супруги. Хозяйство она ведет исправно, да и здоровье мое пошло на лад. Я могу без посторонней помощи дойти до своих полей в двух милях

³⁴ Монд – мера веса в Индии, равная 37,3 кг.

отсюда. Зрение у меня острое, только вблизи не очень хорошо вижу. Сердце крепкое. Зубы... Ну, зубы и раньше были плохие, лечить их бесполезно. Словом, у мужчины должна быть жена. Это не подлежит сомнению.

Где-то залаяла собака. Тут же забрежали все окрестные псы. Ман попытался сменить тему:

– Она спит? Шум ее не разбудит?

Отец Рашида с нежностью взглянул на внучку:

– Да, спит. Она меня очень любит.

– Я сегодня заметил, когда вы вернулись с полей, что она бегала с вами. По такой жаре!

Он гордо кивнул:

– Да. Когда я ее спрашиваю, где она хочет жить – в Дебарии или Брахмпуре, – она всегда выбирает Дебариию. «Потому что здесь ты, дада-джан». А когда я однажды гостил в деревне ее матери, она забросила своего нану и всюду ходила за мной.

Мысль о соперничестве двух любящих дедушек вызвала у Мана улыбку.

– Может, это потому, что с вами был Рашид?

– Может, но она и без него все равно бегала бы за мной.

– Значит, она вас действительно очень любит! – со смехом сказал Ман.

– Вот именно. Она родилась в этом доме – который люди потом стали называть проклятым и зловещим. Но в те черные дни она стала для меня даром Божьим. В основном я ее и воспитывал. Утром мы садились пить чай... Чай с печеньем! «Дада-джан, – говорила она, – я хочу чай с печеньем. Со сливочным!» Ей подавай сливочное, мягкое, а не сухое. Она просила Биттан, нашу служанку, принести ей сливочное печенье из моей особой банки. Мать заваривала ей чай, но Мехер из ее рук не ела. Кормить ее разрешалось только мне.

– Хорошо, что теперь в доме появился еще ребенок. Будет с кем играть, – заметил Ман.

– Безусловно, – кивнул отец Рашида. – Но Мехер решила, что я принадлежу лишь ей одной. Когда ей говорят, что я прихожусь дадой не только ей, но и малышке, она отказывается верить.

Мехер заворчалась.

– В этой семье другой такой славной девочки быть не может, – однозначно заявил ее дед.

– Да, похоже, она руководствуется этим принципом, – кивнул Ман.

Отец Рашида засмеялся и продолжал:

– Имеет полное право! Помню, в нашей деревне жил один старик. Он поссорился с сыновьями и уехал к своей дочери и зятю. Так вот, у него во дворе росло гранатовое дерево, которое почему-то приносило очень вкусные плоды – вкуснее наших.

– У вас растет гранат?

– Да, конечно. Во дворе. Я тебе как-нибудь покажу.

– Как?

– Что значит «как»? Это мой дом... А, понял, что ты имеешь в виду. Я велю женщинам спрятаться, когда ты зайдешь. Ты славный парень, – вдруг сказал отец Рашида. – Скажи, чем ты занимаешься?

– Чем я занимаюсь?

– Да.

– Особо ничем.

– Это нехорошо.

– Да, мой отец тоже так считает, – кивнул Ман.

– Он прав. Он прав. Молодые люди в наши дни почему-то отказываются работать. Либо учатся, либо в потолок плюют.

– Ну, у меня есть магазин тканей в Варанаси.

– Тогда почему ты здесь? Надо деньги зарабатывать, а не прохлаждаться.

– Мне лучше уехать? – спросил Ман.

– Нет-нет... Что ты, мы тебе рады, – ответил отец Рашида. – Мы очень рады такому гостю! Хотя время ты выбрал жаркое и тоскливое. Приезжай к нам как-нибудь на Бакр-Ид³⁵ – увидишь деревню во всей красе. Да-да, непременно приезжай... Так о чем это я? Ах да, гранаты. Старик тот был добрый, веселый, и они с Мехер быстро спелись. Она знала, что всегда может пожить у него дома, и заставляла меня к нему ходить. Помню, в первый раз он угостил ее гранатом. Он был еще неспелый, но мы его почистили, и она съела аж шесть или семь ложек за раз, а остальное мы приберегли на завтрак.

Мимо прошел пожилой имам местной мечети.

– Заглянете к нам завтра вечером, имам-сахиб? – озабоченно спросил его отец Рашида.

– Да, завтра в это же время. После молитвы, – с мягкой укоризной в голосе отвечал имам.

– Интересно, куда запропастился Рашид, – сказал Ман, поглядев на свое незаконченное задание. – Должен был уже прийти.

– Да ясное дело куда – опять обходит деревню! – с неожиданной злобой и яростью в голосе воскликнул отец Рашида. – Взял привычку – якшаться со всяким отребьем. Ему следует быть разборчивее. Скажи-ка, он брал тебя с собой к нашему патвари?

Ман был так потрясен его злобным тоном, что даже не услышал вопроса.

– Патвари! К деревенскому патвари вы вместе ходили? – В голосе отца Рашида зазвенел металл.

– Нет, – удивленно ответил Ман. – А что случилось?

– Ничего. – Отец Рашида умолк, а потом попросил: – Только не говори ему, что я тебя спрашивал.

– Как скажете. – Ман по-прежнему был озадачен.

– Ладно, я тебе и так помешал заниматься. Больше не буду приставать, учись.

И он пошел в дом с Мехер на руках, хмурясь в свете фонаря.

10.20

Обеспокоенный Ман поставил фонарь поближе и попытался вернуться к чтению и переписыванию заданных Рашидом слов, но отец Рашида вскоре опять вышел на улицу, на сей раз без Мехер.

– Что такое гигги? – спросил он.

– Гигги?

– Так ты не знаешь, что такое гигги?.. – с нескрываемым разочарованием сказал отец Рашида.

– Нет. А что это?

– Да я сам не знаю!

Ман недоуменно уставился на собеседника:

– А почему спрашиваете?

– Да просто мне нужен гигги – прямо сейчас.

– Вам нужен гигги, но вы не знаете, что это такое? – изумился Ман.

– Ну да. Мехер попросила. Проснулась и говорит: «Дада, я хочу гигги. Дай гигги!» И теперь она плачет, а я даже не знаю, что такое гигги и где его взять. Придется ждать Рашида. Может, он знает. Ну вот, опять я тебя отвлек, прости.

---

³⁵ *Бакр-Ид* (Ид аль-адха, Курбан-байрам) – исламский праздник окончания хаджа, отмечаемый через 70 дней после праздника Ураза-байрам, в память о жертвоприношении Ибрахима. Согласно Корану, ангел явился Ибрахиму во сне и передал ему повеление от Аллаха принести в жертву сына. Ибрахим послушался, но в последний момент Аллах сделал так, чтобы нож не мог резать, а жертву заменил бараном.

– Ничего страшного, – заверил его Ман.

Он был даже рад этой возможности отдохнуть от тяжелого умственного труда. Поломав голову над тем, что такое гигги – какая-нибудь еда, игрушка или то, на чем скачут? – он вновь нехотя взялся за перо.

Через минуту его отвлек Баба́: он вернулся из мечети, увидел во дворе одинокого Мана и подошел поздороваться. Откашлявшись и сплюнув на землю, он спросил:

– Зачем такой молодой парень портит зрение над учебниками?

– Да вот, учусь читать и писать на урду.

– Знаю, знаю. Помню твои каракули: син, шин... син, шин... На кой тебе это? – спросил

Баба́ и вновь откашлялся.

– На кой?

– Да. Зачем тебе урду – помимо непристойных стишков?

– Ну, раз уж я что-то начал, надо довести дело до конца, – ответил Ман.

Это изречение понравилось Бабе́. Он одобрительно хмыкнул и добавил:

– Еще выучи арабский, очень хороший язык. Сможешь читать Писание в оригинале. Глядишь, и кафиром быть перестанешь.

– Думаете? – весело спросил Ман.

– Ну да, почти не сомневаюсь. Тебя ведь не оскорбляют мои слова?

Ман улыбнулся.

– Есть у меня друг хороший, тхакур³⁶, живет в деревне неподалеку, – предался воспоминаниям Баба́. – Летом сорок седьмого, незадолго до Раздела, на дороге к Салимпуру собрался народ. Они хотели напасть на его деревню из-за нас, мусульман. И на Сагал тоже. Я отправил срочное послание своему другу. Он созвал людей, они взяли латхи, ружья, вышли на дорогу и заявили той толпе, что сперва им придется разобраться с ними. Молодцы ребята. Если б не они, я умер бы в той драке. Достойная смерть, но все же смерть, да.

Ману вдруг пришло в голову, что он теперь – универсальное доверенное лицо.

– Рашид говорил, вы в свое время наводили ужас на весь техсил, – сказал он Бабе́.

Баба́ одобрительно закивал и с жаром ответил:

– Я всегда был строг. Даже вот его, – он ткнул пальцем на крышу, – однажды выставил голого на улицу, когда он отказался учиться. Семь лет ему было.

Ман попытался вообразить, каким был отец Рашида в детстве, с букварем в руках вместо кисета для пана. Баба́ тем временем продолжал:

– При англичанах все было честно. Власть была жесткая. А как иначе управлять народом? Нынче как: стоит полиции поймать преступника, какой-нибудь министр, или депутат, или ЧЗС говорит: «Это мой друг, отпустите его!» – и его отпускают.

– Да уж, скверно, – кивнул Ман.

– Если раньше полицейские иногда брали маленькие взятки, то теперь берут большие и не краснеют, – сказал Баба́. – А скоро начнут брать огромные. Им закон не писан. Эдак они весь мир развалят, а страну продадут. Теперь вот задумали отобрать у нас земли, политые потом и кровью наших прадедов. Да я им ни единой бигхи³⁷ не отдам, пусть так и знают!

– Но если закон примут... – начал было Ман, вспомнив про отца.

– Слушай, ты ведь умный законопослушный парень, не пьешь, не куришь, наши обычаи уважаешь. Вот скажи мне: если б приняли закон, что отныне молиться надо не на Мекку, а на Калькутту, ты послушался бы?

Ман помотал головой, изо всех сил сдерживая улыбку. Насмешил его и сам закон, и то, что ему пришлось бы молиться чему бы то ни было.

³⁶ *Тхакур* – землевладелец из касты браминов или раджпутов, один из низших титулов в феодальной иерархии.

³⁷ *Бигха* – единица измерения площади, равная в различных регионах Индии от 1500 до 6771 кв. м.

– Вот и здесь так. Рашид говорит, твой отец – близкий друг наваба-сахиба, а его в наших краях держат в большом почете. Что наваб-сахиб думает об этой попытке отнять у него землю?

– Конечно, ему это не нравится, – сказал Ман. К этому времени он научился как можно мягче высказываться даже о самых очевидных вещах.

– И тебе бы не понравилось. Со временем все будет становиться только хуже, хотя мир и так уже разваливается на части. В нашей деревне, к примеру, есть семья недостойных людей, которые бросили родных отца и мать помирать с голоду. Сами брюхо набивают, а родителей выставили на улицу! Вот тебе и независимость... Политики душат заминдаров, разваливают страну. Раньше, если б кто-то посмел выгнать мать на улицу – мать, которая его кормила-поила, мыла, одевала! – мы всей деревней его побили бы, вправили бы ему и кости, и мозги. Таков был наш долг. А теперь попробуй кого-то побить – тебя тут же по судам затаскают, в тюрьму бросят!

– А нельзя просто с ними поговорить? Вразумить их? – спросил Ман.

Баба раздраженно пожал плечами.

– Конечно... Только характер лучше всего исправляет латхи, а не болтовня.

– Вы, наверное, железную дисциплину тут поддерживали, – заметил Ман, восхищаясь теми чертами и замашками, которых никогда не простил бы родному отцу.

– Конечно, – согласился дед Рашида. – Дисциплина – ключ ко всему. Человек должен серьезно относиться к тому, что делает, и работать не покладая рук. Вот тебе, например, следует учиться, а не трепаться почем зря со всякими стариками... Скажи-ка мне, тебя сюда отец послал?

– Да.

– Зачем?

– Ну, чтобы я учил урду... и жизни поучиться, наверное, – на ходу сочинил Ман.

– Славно... Славно. Ты ему передай, что избирательный округ у нас хороший. И он пользуется доброй репутацией среди местных... Выучить урду, говоришь? Да, мы должны защищать свой язык... Это наше наследие... Знаешь, ты мог бы стать отменным политиком. Мячик у тебя полетел аккуратно в ворота – ловко ты его уделал... Правда, здесь ты в политику не сунешься – Нетаджи не пустит. Ну да ладно, продолжай, продолжай.

Дед Рашида встал и зашагал к своему дому.

Вдруг Ман кое о чем вспомнил.

– А вы случайно не знаете, что такое гигги, Баба? – спросил он.

Тот остановился:

– Гигги?

– Да.

– Не знаю. Первый раз слышу. Может, ты неправильно прочитал? – Он вернулся и подобрал с чарпоя учебник Мана. – Дай взглянуть. Эх, очки забыл.

– Нет-нет, это Мехер так сказала. Требуется у деда гигги.

– А что это такое?

– В том-то и загвоздка, мы не знаем. Она проснулась и плачет, просит у дедушки гигги. Может, приснилось что-то. В доме никто понятия не имеет, что это.

– Хм-м, – протянул Баба, ломая голову над задачей. – Пожалуй, без моей помощи им не обойтись. – Он изменил направление и зашагал к дому сына. – Я ведь единственный, кто по-настоящему ее понимает.

10.21

Затем к Ману подошел Нетаджи; к тому времени на улице почти стемнело. Нетаджи на несколько дней уезжал по очередному таинственному делу, а теперь вот наведалься к Ману, думая расспросить его о ГПА, имении наваба-сахиба в Байтаре, охоте на волков и любви. Уви-

дев, что Ман занимается урду, он решил ограничиться последней темой. В конце концов, он же дал Ману почитать свой сборник Мира.

– Можно присесть? – спросил он.

– Можно, – ответил Ман, подняв голову. – Как дела?

– А, все хорошо, – отмахнулся Нетаджи.

К тому времени он уже почти простил Ману свое унижение на железнодорожной станции, потому как с тех пор в его жизни случилось еще несколько куда более крупных падений и взлетов. В целом он значительно продвинулся на своем пути к покорению мира.

– Можно задать тебе один вопрос? – начал Нетаджи.

– Нельзя. Можешь задать любой, кроме этого.

Нетаджи улыбнулся и все-таки спросил:

– Скажи, ты когда-нибудь влюблялся?

– Разве о таком спрашивают? – Чтобы увильнуть от ответа, Ман сделал вид, что оскорбился.

– Ну, видишь ли... – Нетаджи виновато потупил взгляд. – Я подумал, что жизнь в Брахмпуре... в современной семье...

– А, вот кто мы такие, по-твоему.

– Нет-нет, – тут же пошел на попятную Нетаджи. – Нет, я не... А что, собственно, плохого в моем вопросе? Мне просто любопытно.

– Что ж, раз ты спрашиваешь о таком, то будь готов и сам ответить на свой вопрос. Ты когда-нибудь влюблялся?

Нетаджи охотно ответил, поскольку много думал об этом в последнее время:

– Видишь ли, в деревне все женятся по договоренности родителей или родственников. Так было всегда. Будь моя воля, я поступил бы иначе, но... что поделать, так уж оно устроено. Сложись все иначе, я наверняка влюбился бы в кого-нибудь, но сейчас это только помешает мне на пути к цели. А у тебя как?

– О, смотри, Рашид идет, – сказал Ман. – Попросим его присоединиться к нашей беседе?

Нетаджи поспешно ретировался, дабы не ронять достоинство перед племянником. Он как-то странно на него посмотрел и исчез в сумерках.

– Кто это был? – спросил Рашид.

– Нетаджи. Хотел побеседовать со мной о любви.

Рашид раздраженно фыркнул.

– Ты где пропадал? – спросил его Ман.

– Заглянул в лавку баньи побеседовать с людьми – устраняю ущерб нашего визита в замшелый Сагал.

– Какой ущерб-то? – удивился Ман. – Ты так пылко разговаривал со старейшинами. Я был восхищен, честное слово! А вот отец по какой-то причине очень зол на тебя.

– Ущерб изрядный, – ответил Рашид. – Согласно последней версии сплетен, я повздорил со славными старейшинами и утверждал, будто имам сагальской мечети – воплощение дьявола. Еще я планирую построить на территории медресе коммуны, для этого и притащил тебя сюда – чтобы ты уговорил отца каким-то образом отнять земли у школы. Впрочем, надо отдать должное народу Дебарии – в это они не верят. – Рашид хохотнул. – Ты произвел хорошее впечатление на местных. Все тебя полюбили – я потрясен!

– А вот у тебя, похоже, неприятности, – заметил Ман.

– Возможно. Но необязательно. Как нормальному человеку бороться с повальным невежеством? Народ ничего не знает и не желает знать.

– Скажи-ка, ты не в курсе, что такое гигги?

– Нет. – Рашид лоб.

– Тогда тебе точно светят неприятности. Очень большие.

– Неужели? – спросил Рашид, и лицо у него почему-то стало испуганное. – Кстати, как твои занятия?

– Замечательно. Просто превосходно. С тех пор как ты ушел, я только и делаю, что занимаюсь.

Когда Рашид скрылся в доме, к Ману подошел почтальон и вручил ему письмо. Они обменялись парой слов, но Ман, сам не свой от волнения, даже не понимал, что говорит.

Конверт бледно-желтого цвета казался прохладным и нежным, как лунный свет. Адрес на урду был написан размашисто, даже небрежно. На марке значилось: «Пасанд-Багх, Брахмпур». Она наконец-то ответила!

Ман, пытаясь поднести конверт к фонарю, едва не упал от обуявшего его влечения. Надо немедленно вернуться к Саиде, немедленно, что бы там ни говорил отец и все остальные. Закончилась его ссылка официально или нет.

Когда почтальон наконец ушел, Ман вскрыл конверт. Едва заметный аромат знакомых духов поднялся от страниц и смешался с ночным воздухом. Ман тут же сообразил, что прочесть это письмо – написанное таким неуловимым размашистым курсивом, сдобренное диакритическими значками и сокращениями – ему не под силу. Слишком зачаточны его познания в урду. Он с трудом прочел приветствие Дагу-сахибу и по внешнему виду строк догадался, что Саида-бай то и дело цитирует стихи, но больше ничего разобрать не смог.

Если в этой деревне человеку нельзя остаться одному, досадливо подумал Ман, то о личном пространстве не может быть и речи. Отец или дед Рашида, проходя мимо и увидев письмо на урду, наверняка возьмут его в руки и тут же, без труда и малейших колебаний прочитают. А Ману, чтобы разобрать хоть строчку, придется часами биться над ее смыслом, разглядывая символы один за другим.

Ман не хотел разглядывать письмо много часов. Он хотел узнать, что ему написала Саида-бай, прямо сейчас. Но кого попросить о помощи? Рашида? Нет. Нетаджи? Нет. Кого позвать в переводчики?

Что же она ему написала? Перед глазами Мана предстала ясная картина: изящные пальцы любимой, унизанные сверкающими кольцами, парят над желтой страничкой. И тут же в голове прозвучала нисходящая гамма на фисгармонии. Он ведь никогда не видел, чтобы Саида-бай писала. Нежные прикосновения ее пальцев к его лицу – и к клавишам – не нуждались в долгом осмыслении или переводе. А тут ее рука скользила над страницей, рождая стремительные и грациозные строки, и Ман понятия не имел, о чем они: о любви или равнодушии, о серьезном или легкомысленном, о радости или гневе, о влечении или душевном покое.

10.22

Рашида в самом деле ждали куда более серьезные неприятности, чем он мог представить, но узнал он об этом лишь на следующий вечер.

Когда наутро после бессонной ночи Ман наконец попросил Рашида помочь ему с письмом от Саиды-бай, тот задумчиво поглядел на конверт, потупился (видимо, просьба ученика его смутила) и – надо же, просто невероятно! – согласился.

– После ужина, хорошо? – сказал он.

Хотя до ужина была еще целая вечность, Ман благодарно закивал.

Однако сразу после вечерней молитвы грянула беда. Рашида позвали на крышу, где к тому времени собралось уже пять человек: его дед, отец, Нетаджи, брат матери, пришедший сегодня в деревню один, без гуппи, и дебарийский имам.

Все они сидели на большом ковре посреди крыши. Рашид произнес все полагающиеся адабы.

– Сядь, Рашид, – велел ему отец. Больше никто ничего помимо приветствий не говорил.

Только Медведь был искренне рад видеть племянника, но и на его лице отчетливо читалась тревога.

– Выпей стаканчик шербета, Рашид, – сказал дядя чуть погодя, протянув ему стакан с красной жидкостью. – Его приготовили из рододендронов. Отличная штука. Когда я в прошлом месяце ездил в горы... – Он не закончил и притих.

– В чем дело? – спросил Рашид, поглядев сперва на смущенного Медведя, затем на имама.

Имам дебарийской мечети был хороший человек, глава еще одной большой семьи землевладельцев. Обычно он тепло здоровался с Рашидом, но в последние пару дней тот заметил странную отстраненность в его взгляде. Быть может, его расстроила стычка в Сагале... Рашид не удивился бы, если сплетники все перепутали и рассказывают, что он поносил имама Дебарии, а не Сагала. Однако, даже если допустить, что Рашид был теологически и морально не прав, как унижительно отвечать на обвинения в грубости на таком вот судилище (иначе эту встречу не назовешь)! И зачем они вызвали из такой дали Медведя? Рашид сделал глоток шербета и поглядел на остальных. На лице отца читалось отвращение, дед смотрел очень строго. Нетаджи пытался напустить на себя мудрый и рассудительный вид, но выглядел в лучшем случае самодовольным.

Первым заговорил отец Рашида. Сиплым от пана голосом он сказал:

– Абдур Рашид, как ты посмел воспользоваться родственными связями в своих интересах? На днях к нам заходил патвари, искал тебя. Слава богу, тебя не было, и он поговорил со мной.

Рашид побелел.

Он совершенно потерял дар речи и сразу понял, что произошло. Несчастный старик-патвари, которому было велено дожидаться Рашида, придумал повод и поговорил с его отцом напрямую. Заподозрив неладное – и зная, откуда берется гхи на его роти, – он решил в обход Рашида получить подтверждение от семьи Ханов. Видимо, он пришел тайком во время полуденной молитвы, зная, что Рашид в это время точно будет в мечети, а его отец – точно нет.

Рашид стиснул в руке стакан. Во рту пересохло. Он сделал глоток шербета и этим взбесил отца еще больше. Тот указал пальцем на Рашида:

– Что за дерзость! Отвечай, когда тебя спрашивают. Хоть твои седые волосы и указывают на мудрость, растут они явно на мусоре! Имей в виду, Рашид, ты больше не ребенок, и спрашивать с тебя будут как со взрослого! Никаких поблажек!

– Рашид, это ведь не твоя земля, ты не имел права ею распоряжаться, – добавил Баба. – Послушанием ты никогда не отличался, но такого коварства от тебя мы не ждали.

– На случай, если ты и дальше собирался строить козни, – продолжал отец Рашида, – имей в виду, что твое имя больше не значится в поземельной книге. Ты не имеешь никакого отношения к нашим землям. А то, что записано у патвари, Верховному суду изменить очень трудно. Твои коммунистические схемы здесь не работают. Нас, в отличие от брахмпурских студентов-умников, не удивишь теориями и рассказами.

В глазах Рашида вспыхнули гнев и протест.

– Ты не можешь просто взять и лишиться меня права на наследство. В законе нашей деревни ясно сказано... – Он повернулся к имаму, рассчитывая на поддержку.

– Вижу, все эти годы ты не только религию изучал, – ядовито произнес отец. – Что ж, советую тебе, Абдур Рашид, раз уж ты сослался на закон о наследовании собственности, повременить с получением наследства – сперва похорони нас с дедом на кладбище у озера.

Имам, потрясенный этими речами до глубины души, решил вмешаться:

– Рашид, – тихо молвил он, – что побудило тебя действовать за спиной отца и деда? Ты ведь знаешь, что на правильном примере, который подают людям лучшие семьи нашей деревни, держится весь порядок.

На правильном примере! Лучшие семьи! Что за нелепое лицемерие, подумал Рашид. Правильный пример – это во имя собственных корыстных интересов отбирать у рабов (а батраки, по сути, и есть рабы) надель, на которых те гнули спину всю жизнь? Рашиду становилось все яснее, что на этом собрании имам отнюдь не в полном объеме выполняет свои обязанности духовного наставника.

А Медведь? При чем тут он? Зачем его притащили? Рашид обратил взгляд на дядю, без слов моля его о поддержке. Уж он-то должен понимать! Но Медведь не выдержал взгляд племянника и опустил глаза.

Отец Рашида словно прочел его мысли. Обнажив гнилые пеньки зубов, он сказал:

– Не жди помощи от маму! Он тебе больше не защитник. Мы обсудили это дело всей семьей – всей семьей, Абдур Рашид! Поэтому он и пришел. Маму имеет полное право здесь присутствовать, и он так же, как и мы, потрясен твоим... твоим поведением. Часть наших земель была приобретена на приданое его покойной сестры. Неужели ты думаешь, что мы так легко отдадим государству все, что возделывалось и преумножалось поколениями нашей семьи? Неужто ты решил навлечь на наши головы саранчу – когда мы и так терпим бедствие из-за позднего сезона дождей? Отдай клочок земли одному чамару, и они все...

Внизу громко заплакал ребенок. Отец Рашида встал, перегнулся через перила и крикнул во двор:

– Мать Мехер! Сколько еще будет орать дитя Рашида? Угомони ее! Дай людям нормально поговорить!

Он повернулся обратно и сказал:

– Запомни, Рашид, наше терпение не бесконечно.

Рашид вдруг пришел в ярость и бездумно закричал:

– А мое, по-твоему, бесконечно? С тех пор как я вернулся из Брахмпуре, всюду встречаю только насмешки, издевки и зависть. Тот несчастный старик, который всегда был добр к тебе, абба, и которого ты теперь не замечаешь...

– Не меняй тему, – резко осадил его отец. – И не повышай на меня голос.

– Я не меняю тему! Это его злые, порочные, алчные братья подстерегли меня у мечети и теперь распространяют грязные сплетни...

– А ты у нас, стало быть, герой.

– Будь на свете справедливость, их заковали бы в кандалы, притащили в суд и заставили бы ответить за свои грехи!..

– В суд! Так ты теперь и по судам хочешь нас затаскать, Абдур Рашид...

– Да, если другого выхода не будет. И именно суд в конечном итоге заставит тебя вернуть нажитое чужими трудами...

– Довольно! – крикнул дед, точно кнутом охлестнул.

Рашид этого почти и не заметил.

– А чем тебе не нравятся суды, абба? – продолжал он. – И разве вы не суд мне тут устроили? Что это такое, если не заседание панчаята³⁸, инквизиционного трибунала, на котором вы впятером свободно поливаете меня грязью...

– Хватит! – вновь раздался окрик деда.

Прежде он никогда не повышал голос на Рашида два раза подряд.

Тот умолк и склонил голову.

Нетаджи сказал:

– Рашид, не надо думать, что это судилище, мы не враги тебе. Мы – твои старшие, твои доброжелатели – собрались, чтобы наставлять тебя в узком семейном кругу, а не прилюдно.

---

³⁸ *Панчаят* («пятерка», *хинди*) – орган местного самоуправления в Индии, представляющий собой совет старейшин того или иного поселения.

Рашид собрал в кулак всю свою волю и промолчал. Где-то внизу опять заплакала его дочь. Подобно отцу, Рашид подошел к перилам и крикнул:

– Жена! Жена! Посмотри, что с ребенком!

– А о них-то ты подумал? – спросил его отец, кивнув в сторону двора.

Рашид непонимающе уставился на него.

– И подумал ли ты о Качхеру? – мрачно добавил Баба́.

– О Качхеру?.. Он ничего об этом не знает, Баба́. Он вообще не в курсе. И он не просил меня ему помогать! – Рашид схватился за голову: опять невыносимо застучало в висках.

Баба́ вздохнул и, глядя поверх головы внука на деревню, сказал:

– Рано или поздно народ обо всем признает. Вот в чем беда. Нас здесь пятеро... Шестеро. Мы можем поклясться, что не скажем никому ни слова, но слухи так или иначе поползут. Да, нашему гостю – твоему другу – пока ничего неизвестно, и это хорошо...

– Ману? – недоуменно спросил Рашид. – Ты имеешь в виду Мана?

– ...но не забывай о самом патвари, который может и проболтаться, если ему это будет выгодно. Он тот еще плут. – Баба́ умолк, обдумывая свои следующие слова. – Итак, рано или поздно все узнают. Многие решат, что Качхеру подбил тебя на этот поступок. А на нашу семью многие равняются, мы подаем людям пример. Боюсь, ты только усложнил старику жизнь.

– Баба́... – попытался возразить Рашид.

Тут вмешался отец. Вне себя от ярости, он прошипел:

– Раньше надо было думать! В худшем случае мы просто каждый год переводили бы его на новое поле. Наша семья по-прежнему поддерживала бы его, он пользовался бы нашим скотом и инструментами... По твоей, по *твоей* вине будет страдать мой старый чамар!

Рашид спрятал лицо в ладонях.

– Конечно, окончательное решение мы пока не приняли, – сказал Медведь.

– Пока нет, – кивнул Баба́.

Рашид громко дышал, грудь его вздымалась и опадала.

Отец Рашида сказал:

– Вместо того чтобы искать соринки в чужом глазу, советую тебе обратить внимание на бревно в собственном. Надеюсь, этот опыт тебя многому научит. Мы пока не слышали от тебя ни извинений, ни признания неправоты. Поверь, если бы не имам и твой дядя, разговор с тобой был бы другим. Мы разрешаем тебе жить в этом доме, когда пожелаешь. Вероятно, ты унаследуешь часть нашей земли, если сумеешь доказать, что заслуживаешь ее. Но не сомневайся: если ты захлопнешь дверь доверия у нас перед носом, двери этого дома тоже закроются перед тобой. Я не боюсь потерять сына – одного уже потерял. Ступай вниз. Нам еще нужно обсудить, как быть с Качхеру.

Рашид обвел взглядом присутствующих. На некоторых лицах он увидел сочувствие, но не поддержку.

Встав, он вымолвил: «Кхуда хафиз» – и спустился по лестнице во двор. Посмотрел на гранатовое дерево, затем вошел в дом. Малышка и Мехер спали. Жена смотрела на него с тревогой. Он сказал ей, что ужинать не будет, и вышел на улицу.

Увидев Рашида, Ман облегченно улыбнулся:

– Я слышал, что наверху кто-то разговаривает, и думал, что ты уже никогда не спустишься. – Он достал из кармана курты письмо от Саиды-бай.

На мгновение Рашиду захотелось поделиться с Маном своим горем, даже попросить его о помощи. Все-таки он сын министра, который создал этот закон в надежде восстановить справедливость... Но потом он передумал, резко отвернулся и зашагал прочь.

– погоди, а как же?.. – Ман помахал в воздухе конвертом.

– Потом, потом, – отрешенно проронил Рашид и двинулся на север.

Часть одиннадцатая

11.1

Когда пробило десять, из-за тускло-красного бархатного занавеса в правой части зала № 1 Высокого суда Брахмпурского судебного округа вышли пять лакеев в белых тюрбанах и красных ливреях с золотыми галунами. Все присутствующие встали. Лакеи заняли свои места за высокими спинками стульев, предназначавшихся для судей, и – по кивку лакея главного судьи, которому вышитые на груди молотки придавали еще более значительный и величавый вид, – одновременно отодвинули их от стола.

Никто в забитом людьми зале суда не сводил глаз с шествия лакеев к судейскому столу. Обычные дела рассматривались либо одним судьей, либо двумя, а самые сложные и важные – от силы тремя судьями. Здесь же за одним столом должны были собраться сразу пять судей, что говорило об исключительной важности слушаемого дела, и их лакеи в блистательных церемониальных одеяниях, безусловно, притягивали взор.

Наконец в зал вошли сами судьи в унылых черных мантиях, и публика заметно скисла. Париков на них не было, а один или двое неприятно шаркали. Судьи шли в порядке старшинства: сперва главный судья, а затем рядовые, которых он назначил слушать это дело. Главный – невысокий, сухонький, почти лысый старичок – встал за центральным стулом, справа от него замер следующий по старшинству (высокий сутулый здоровяк, без конца теребивший свою правую руку). Слева от главного занял место судья-англичанин, работавший в судебной ветви

ИГС³⁹ и оставшийся в Индии после провозглашения независимости. Он был единственным англичанином из девяти судей Брахмпурского Высокого суда. По бокам от вышеупомянутых достопочтенных господ стояли двое младших судей.

Главный судья даже не взглянул на многочисленных собравшихся: на именитых истца и ответчика, на прославленных адвокатов, галдящую публику и скептически настроенных, но взбодраженных журналистов. Он осмотрел стол и своих коллег (стопки бумаги, накрытые ажурными салфетками стаканы с водой на зеленом сукне), затем осторожно бросил взгляд влево и вправо, как будто намеревался перейти оживленное шоссе, и наконец начал осмотрительно продвигаться к своему месту. Остальные последовали его примеру, сели, и лакеи придвинули к столу потяжелевшие от судейских седалищ стулья.

Наваб-сахиб из Байтара был приятно удивлен великолепием сего действия. В Высоком суде он бывал лишь дважды: один раз в качестве истца присутствовал на слушании по имущественному спору (его присутствие оказалось необходимо, и дело тогда слушал один-единственный судья), а второй раз в качестве зрителя, когда захотел увидеть своего сына за работой. Однажды ему стало известно, что Фирозу предстоит защищать интересы клиента перед двумя судьями. За несколько минут до начала прений он вошел в пустой зал и устроился прямо за спиной Фироза; чтобы заметить отца, Фирозу пришлось бы развернуться на сто восемьдесят градусов. Наваб-сахиб не хотел смущать сына своим присутствием, и Фироз так и не узнал, что отец побывал на том слушании. Он прекрасно выступил, и наваб-сахиб остался очень доволен тем, как он построил защиту.

На сей раз Фироз, конечно же, знал о присутствии отца, ведь сегодня слушалось дело о легитимности Закона об отмене системы заминдари. Если суд признает закон конституционным, он вступит в силу. Если же нет, о законе можно забыть – как будто его и вовсе не было.

Судьям предстояло рассмотреть около двух дюжин заявлений и одно основное; все они сводились к одному и тому же, но имели некоторые отличия. Одни заявления были поданы религиозными благотворительными фондами, другие – заминдарами, земли которым были пожалованы Короной, а третьи – бывшими правителями вроде раджи Марха, считавшими, что уж их-то владения защищены условиями договора о присоединении княжеств к Индийскому Союзу (на судьбу мелких помещиков им было глубоко плевать). Фироз выступал в качестве адвоката по двум таким дополнительным искам.

– С позволения уважаемого суда...

Мысли наваба-сахиба – которые слегка поплыли, пока зачитывали номер дела, номера основного и дополнительных заявлений, имена заявителей и адвокатов, представляющих их интересы, – моментально вернулись в зал суда. Из-за стола в первом ряду, рядом с проходом, поднялся великий Г. Н. Баннерджи. Привалившись всем своим долговязым, иссохшим телом к кафедре (на которой лежал его портфель и маленький красный блокнот с тканевой обложкой), он повторил вступительные слова, после чего с расстановкой продолжал, время от времени взглядывая на судей и особенно на главного судью:

– С позволения уважаемого суда я буду представлять на этом слушании интересы всех заявителей. Достопочтенные судьи, безусловно, понимают всю важность рассматриваемого сегодня дела. Вероятно, в этом суде никогда прежде – ни под гербом со Львиной капителью Ашоки, ни под гербом со львом и единорогом...⁴⁰ – тут он едва заметно скосил глаза влево, – не слушалось дела, имевшего такое же огромное значение для народа этой страны. Господа, исполнительная власть вознамерилась изменить весь уклад жизни нашего государства путем принятия законодательного акта, открыто или неявно противоречащего Конститу-

³⁹ ИГС – Индийская гражданская служба.

⁴⁰ Имеются в виду национальный герб Индии (на котором изображена капитель с четырьмя львами, стоящими спиной к спине) и щитодержатели королевского герба Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии – лев и единорог.

ции страны. Акт, который столь поразительным и кардинальным образом перевернет жизнь граждан штата Пурва-Прадеш, называется Закон тысяча девятьсот пятьдесят первого года о земельной реформе и отмене системы заминдари в штате Пурва-Прадеш. Я – и другие адвокаты, представляющие интересы многочисленных заявителей по этому делу, – требуем, чтобы вышеупомянутый законодательный акт, заведомо несущий вред населению страны, был признан неконституционным и, следовательно, не имеющим законной силы. Не имеющим законной силы.

Генеральный адвокат штата Пурва-Прадеш, маленький пухлый господин Шастри, невозмутимо улыбнулся. Он уже не раз имел дело с Г. Н. Баннерджи и знал его ухватки в суде: тот любил повторять ключевые фразы в начале и конце каждого абзаца. Несмотря на его весьма повелительный вид, голос у него был высокий – впрочем, довольно приятный, скорее серебряный, нежели металлический и дребезжащий, – и эти его повторы напоминали маленькие блестящие гвоздики, которые он забивал по два раза, чтобы они как следует врезались в память. Возможно, это был своего рода неосознанный вербальный тик. Однако Г. Н. Баннерджи вполне осознанно верил в силу повтора. Особенно много внимания он уделял тому, чтобы сформулировать главную мысль тремя или четырьмя разными способами, а затем вставлять эти предложения в разные места своей речи, дабы, не оскорбляя достоинства судей, убедиться, что семена его аргументов пустили корни, пусть несколько штук и упало на каменистую почву.

– Конечно, было бы вполне достаточно, – говорил он своим подчиненным (в данном случае – очкастым сыну и внуку), – было бы вполне достаточно привести тот или иной довод один раз. Мы варимся в этом котле уже несколько недель. И меня, и Шастри, несомненно, полностью ввели в курс дела. Однако в общении с судейской коллегией мы должны придерживаться главного правила адвоката: повторять, повторять и повторять. Будет большой ошибкой переоценивать осведомленность судей по данному вопросу, даже если они прочитали письменные показания обеих сторон. В конце концов, нашей Конституции нет еще и года – и по крайней мере один судья из пятерки эту новую Конституцию даже в глаза не видел.

Г. Н. Баннерджи ссылаясь, причем весьма вежливо, на младшего судью коллегии, distinguished господина Махешвари: тот работал в районном суде и, увы, не мог похвастаться блестящим умом, который компенсировал бы ему недостаток опыта работы с Конституцией. Г. Н. Баннерджи на дух не выносил дураков, а distinguished Махешвари пятидесяти пяти лет – то есть на пятнадцать лет моложе самого Баннерджи – был именно дураком.

Фироз имел честь присутствовать на совещании в гостиничном номере Г. Н. Баннерджи, где великий адвокат произнес эти слова. Он передал их отцу. Наваб-сахиб, конечно, не обрадовался, и вообще его одолевали примерно те же чувства, что и его давнего друга, министра по налогам и сборам: не столько надежда на победу, сколько страх поражения. На кону стояло так много, что обе стороны замерли в тревожном ожидании. Единственные, кого происходящее почти не волновало, – помимо раджи Марха, твердо уверенного, что никто и пальцем не тронет его неприкосновенные земли, – были адвокаты обеих сторон.

– И в-шестых, уважаемый суд, – продолжал Г. Н. Баннерджи, – Закон об отмене системы заминдари отнюдь не преследует интересов общества – в строгом, а точнее, надлежащем смысле этого слова. Согласно второму пункту тридцать первой статьи нашей Конституции, именно это должно учитываться при составлении любого законодательного акта, связанного с отчуждением имущества для государственных нужд. Я вернусь к этому доводу чуть позже, когда перечислю другие основания для признания обжалуемого акта нелегитимным.

Г. Н. Баннерджи продолжил перечислять недостатки закона, то и дело промачивая горло водой. На этом этапе он предпочел не вдаваться в подробности: Закон об отмене системы заминдари должен быть отменен, поскольку предлагает землевладельцам смехотворную компенсацию и посему является «преступлением против Конституции»; кроме того, размер предлагаемой компенсации зависит от площади изымаемых земель, что является прямым наруше-

нием статьи 14, согласно которой все граждане страны имеют право на «равную защиту со стороны закона», а также статьи 19 (1) (f), согласно которой каждый имеет право «приобретать имущество, владеть, пользоваться и распоряжаться им»; кроме того, оставляя чиновникам местных администраций право по своему усмотрению и почину определять порядок отчуждения собственности, законодатели нелегитимным образом делегировали свои полномочия другому органу власти, и так далее, и тому подобное. Больше часа Г. Н. Баннерджи коршуном облетал свои владения, а затем пикировал вниз, дабы атаковать каждый из многочисленных изъянов нового закона по отдельности и, само собой, несколько раз подряд.

11.2

Только он взялся за это дело, как его перебил судья-англичанин:

– А по какой причине, господин Баннерджи, вы решили в первую очередь остановиться на аргументе о делегировании полномочий?

– Не понял, ваша честь?

– Ну, вы утверждаете, что обжалуемый акт противоречит определенным положениям Конституции. Почему вы не начнете с этого? В Конституции ничего нет о запрете делегировать полномочия. Полагаю, законодательные власти имеют неограниченные полномочия в своих сферах деятельности и могут делегировать их кому угодно, если это не выходит за рамки Основного закона.

– Ваша честь, если позволите, я буду вести аргументацию так, как сочту нужным...

Судьи выходили на пенсию в шестьдесят; следовательно, все сидящие за столом были по меньшей мере на десять лет младше Г. Н. Баннерджи.

– Да-да, господин Баннерджи. Пожалуйста. – Судья отер лоб платком. В зале суда стояла ужасающая жара.

– Я абсолютно убежден, ваша честь, абсолютно убежден, что делегирование полномочий законодательной власти штата Пурва-Прадеш исполнительной следует воспринимать как прямой отказ от этих самых полномочий, что противоречит не только духу и смыслу нашей Конституции, но и конкретным ее положениям и юридическим нормам, сформулированным по итогам нескольких судебных решений. В частности, последнее из таких решений было вынесено по делу Джатиндры Натха Гупты: суд постановил, что легислатура штата не может делегировать свои законодательные функции другим ветвям или органам власти. Данное решение обязательно к исполнению, поскольку было принято Федеральным судом, а выше него – только Верховный.

Тут заговорил главный судья, по-прежнему чуть склоняя голову набок:

– Господин Баннерджи, разве упомянутое вами решение поддержали не трое судей из пяти?

– Да, ваша честь, тем не менее решение было принято. В конце концов, мнения судей могут разделиться в аналогичной пропорции и сейчас – хотя и я, и мой ученый коллега, представляющий интересы противоположной стороны, наверняка надеемся на другой исход.

– Понятно. Продолжайте, господин Баннерджи, – нахмурившись, сказал главный судья. Ему такого исхода тоже вовсе не хотелось.

Чуть позже главный судья вновь прервал ход рассуждений прославленного адвоката:

– А как же дело «Королева против Бураха», господин Баннерджи? Или «Ходж против Королевы»?

– Я как раз подбирался к этим делам, ваша честь, просто очень медленно.

Губы главного судьи растянулись в некотором подобии улыбки; он промолчал.

Полчаса спустя Г. Н. Баннерджи вновь расправил паруса:

– Однако наша Конституция, господа, в отличие от британской и подобно американской, есть зафиксированная в письменном виде воля народа. И именно потому, что разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную ветви существует в двух Конституциях, мы должны в подобных случаях обращаться за юридическими обоснованиями и толкованиями к решениям Верховного суда США.

– Должны, господин Баннерджи? – уточнил судья-англичанин.

– Можем, ваша честь.

– Вы ведь не хотите сказать, что упомянутые вами решения обязательны к исполнению и в нашей стране? На этот вопрос не может быть двух ответов.

– Если ставить вопрос именно так, как это сделали вы, ваша честь, с моей стороны было бы безрассудно настаивать на своем. Однако у каждого вопроса есть две стороны. Я лишь имел в виду, что американские юридические прецеденты и обоснования, хоть и не обязательны к исполнению в прямом смысле этого слова, все же являются нашим единственным надежным проводником в этих пока еще неизведанных водах. И существующее в США правило – запрещающее органам государственной власти делегировать свои полномочия другим органам – нам также следует принять за эталон.

– Ясно. – По тону судьи было понятно, что эти слова его не убедили, однако он выражал готовность выслушать дальнейшие аргументы.

– Причины, уважаемый суд, по которым властям не следует делегировать свои полномочия, кратко и емко перечислены на странице двести двадцать четвертой первого тома «Трактата о конституционных ограничениях» Томаса Кули.

Тут вмешался главный судья:

– Минуточку, господин Баннерджи. У нас под рукой нет этой книги, а мы хотели бы увидеть упомянутые вами положения своими глазами. Не прикажете ли нам пересечь Атлантический океан, дабы уследить за ходом ваших мыслей?

– Вероятно, вы имели в виду Тихий океан, ваша честь.

И со стороны судейского стола, и со стороны зала послышались смешки.

– Вероятно, я имел в виду оба океана. Как вы сами заметили, у всякого вопроса есть две стороны.

– Ваша честь, я могу предоставить копии относящихся к делу страниц.

Но тут судебный секретарь вытащил откуда-то из-под стола нужную книгу. Впрочем, ясно было, что копия есть только одна, а не пять (в отличие от копий индийских и английских кодексов и сборников судебных решений).

– Господин Баннерджи, лично я предпочитаю держать в руках саму книгу, – сказал главный судья. – Надеюсь, у нас с вами одно издание. Страница двести двадцать четыре. Да, похоже, издания совпадают. А копии страниц, пожалуйста, раздайте моим коллегам.

– Как вам будет угодно. Итак, уважаемый суд, в своем трактате Кули высказывается по этому вопросу следующим образом: «Полномочия любой власти должны оставаться в тех пределах, каковые для нее определила суверенная власть государства, и право законоотворчества, покуда не изменится сама Конституция, должен иметь один лишь конституционный институт. Институт, коему дарована сия высокая прерогатива – с упованием на его мудрость, благоусмотрение и патриотизм, – не вправе слагать с себя оную обязанность, передавая ее другим органам и институтам власти, равно как не вправе сомневаться в мудрости, благоусмотрении и патриотизме сих институтов, ибо им было оказано наивысшее доверие народа». Вот это наивысшее доверие, уважаемый суд, вот это наивысшее доверие и хотят обмануть законодатели Пурва-Прадеш, делегируя свои полномочия исполнительной власти для приведения в силу Закона об отмене системы заминдари. Даты вступления его в силу и порядок отчуждения земель у заминадаров штата, все эти решения – наверняка принимаемые по собственному усмотрению, прихоти и даже со злым умыслом – будут во многих случаях доверены мелким должностным

лицам; в качестве возмещения землевладельцам предлагаются облигации либо облигации и наличные деньги – кто будет решать все эти вопросы, на первый взгляд незначительные, но в действительности существенные? Уважаемый суд, поверьте, я не пытаюсь придирается к частностям, речь идет о неправомерной делегации полномочий. Уже одного этого достаточно для признания закона недействительным, даже если других оснований не найдется.

Невысокий, жизнерадостный господин Шастри, генеральный адвокат, с улыбкой поднялся из-за стола. Его накрахмаленный белый воротничок пропитался потом и обмяк.

– Уважаемый суд, прошу прощения, я вынужден попр-р-равить моего ученого друга. Небольшая попр-равка: закон вступает в силу ав-то-ма-ти-чес-ки, как только его подписал президент. Ср-разу же.

Хотя господин Шастри впервые прервал речь оппонента, сделано это было совершенно беззлобно, дружелюбно и учтиво. Господин Шастри не мог похвастаться безупречным английским произношением (например, «карт-бланш» он произносил как «ка-тхи би-лан-чи») или напористостью и гладкостью манер, однако он блестяще выстраивал систему аргументов (или «ар-гу-мен-тов», как передразнили бы его непочтительные младшие коллеги), и мало кто в штате, а то и во всей стране, мог с ним в этом потягаться.

– Премного благодарен ученому коллеге за пояснение, – сказал Г. Н. Баннерджи, вновь наваливаясь на кафедру. – Я имел в виду, уважаемый суд, не столько точную дату вступления закона в силу – это происходит немедленно, как верно подметил мой ученый коллега, – а даты непосредственного отчуждения земель у землевладельцев.

– Вы ведь не думаете, господин Баннерджи, – вмешался судья-здоровяк, сидевший по правую руку от главного судьи, – что правительство может изъять все земли одновременно? С административной точки зрения это невыполнимая задача.

– Ваша честь, – сказал Г. Н. Баннерджи, – это вопрос не одновременности, а равенства. Вот что меня беспокоит, уважаемый суд. Руководящие принципы могут быть разные – можно отчуждать земли по географическому принципу, например, или на основании доходности. А обжалуемый акт оставляет этот вопрос на усмотрение местных властей. Если завтра им не понравится какой-нибудь землевладелец – скажем, раджа Марха, который будет слишком ярко выступать по вопросам, идущим вразрез с политикой или даже интересами государства, – они быстренько вышлют ему уведомление об изъятии его владений в штате Пурва-Прадеш. Это прямая дорога к тирании, уважаемый суд, к самой настоящей тирании.

Раджа Марха, сомлевший от жары и безделья, услышал свое имя и встрепенулся. Секунду-другую он растерянно озирался по сторонам, не понимая спросонья, куда попал.

Наконец раджа подергал за рукав сидевшего впереди молодого адвоката:

– Что он сказал? Что он про меня говорит?!

Адвокат обернулся и приподнял руку, надеясь тем самым усмирить раджу. Он стал шепотом пояснять, в чем дело, а раджа стеклянным непонимающим взглядом смотрел перед собой. Наконец он сообразил, что ничего ущемляющего его интересы сказано не было, притих и вновь погрузился в приятную дрему.

Прения продолжались. Зевак и журналистов, ждавших от процесса высокой (или низкой) драмы, ждало глубокое разочарование. Многие из судящихся тоже не очень понимали, что происходит. Они не знали, что Баннерджи будет пять дней выстраивать свою позицию, после чего еще пять дней уйдет на выступление Шастри и еще два – на ответ Баннерджи. Люди ждали склок и драк, лязга мечей и звона косы, нашедшей на камень... А получили экуменическое, но скучное до зевоты фрикасе из судебных разбирательств «Ходж против Королевы», «Джатиндра Натх Гупта против провинции Бихар» и «„Шехтер паултри корп.“ против Соединенных Штатов Америки».

Зато адвокаты – особенно те, что сидели в дальнем конце зала и не имели отношения к делу, – были в неопишемом восторге. На их глазах разворачивалось подлинное побоище:

воистину нашла коса на камень. Они понимали, что манера Г. Н. Баннерджи опираться на Конституцию – разительно отличающаяся от традиционной британской и, соответственно, индийской манеры апеллировать к нормативным актам и прецедентам – получает все большее распространение в судах с тех пор, как в 1935 году Закон об управлении Индией задал рамки, в которых пятнадцать лет спустя родилась сама Конституция Индии. Но они еще никогда не слышали, чтобы судебная речь строилась на таком широком разнообразии приемов и чтобы столь прославленный адвокат выступал так долго.

В час дня был объявлен перерыв, и адвокаты хлынули вниз, хлопая полами мантий, точно летучие мыши крыльями. В этот поток влились потоки поменьше из соседних залов суда, и шумная толпа устремилась в ту часть здания Высокого суда, которую занимала Адвокатская палата. Сперва они заходили в уборную (от писсуаров в жару поднимался устрашающий смрад), а затем небольшими группами разбредались кто по кабинетам, кто в библиотеку палаты, а кто в буфет и столовую. Там адвокаты садились и принимались оживленно обсуждать сегодняшние прения и ухватки именитого старшего коллеги.

11.3

В перерыве наваб-сахиб подошел поговорить к Махешу Капуру. Узнав, что друг не собирается проводить в зале суда весь день, он пригласил его на обед к себе домой, и Махеш Капур согласился. Фироз тоже решил перекинуться парой слов с другом отца – и отцом друга, – прежде чем вернуться к своим кодексам и сборникам. Еще никогда в жизни он не принимал участия в столь важном судебном процессе и потому сутками напролет просиживал над своей толикой законов и прецедентов, которые могли пригодиться ему на защите – а если не ему, то хотя бы его старшим коллегам.

Наваб-сахиб с любовью и гордостью взглянул на сына и сказал ему, что собирается отдохнуть.

– Абба, но ведь Г. Н. Баннерджи сегодня начнет разбор четырнадцатой статьи...

– Напомнишь, о чем она?

Фироз улыбнулся, но избавил отца от лекции по четырнадцатой статье Конституции.

– Завтра-то придешь? – спросил он.

– Да-да, скорей всего. И я обязательно приду, когда они доберутся до твоей части, – ответил наваб-сахиб, оглаживая бороду и благожелательно поглядывая на сына.

– Это и твоя часть, абба, – речь пойдет о землях, пожалованных землевладельцам Коронной.

– Да. – Наваб-сахиб вздохнул. – Как бы то ни было, и я, и человек, вознамерившийся отнять у меня эти земли, устали от вашей блестящей зауми и хотим пообедать. Но скажи мне, Фироз, почему суды вообще работают в это время года? Жара стоит невыносимая! Разве Высокий суд Патны не закрывается на май и июнь?

– Наверное, мы берем пример с Калькутты, – ответил Фироз. – Не спрашивай почему. Ладно, абба, я пошел.

Два давних друга вышли в коридор, где их тут же обдало волной жаркого воздуха с улицы, а оттуда спустились к машине наваба-сахиба. Махеш Капур велел своему водителю ехать за ними. По дороге оба тщательно избегали разговора о судебном процессе и его последствиях – а жаль, ведь интересно было бы послушать, что они скажут. Махеш Капур, впрочем, не удержался и заметил:

– Сообщи, когда будет выступать Фироз. Я приду его послушать.

– Хорошо. Спасибо за дружескую поддержку. – Наваб-сахиб улыбнулся. Вообще-то, в его словах не было иронии, но со стороны могло показаться иначе.

Друг поспешил его успокоить:

– Ну что ты, он ведь мне как родной племянник!

Помолчав немного, Махеш Капур добавил:

– А разве выступать должен не Карлекар?

– Да, но у него тяжело заболел брат; возможно, ему придется уехать в Бомбей. В таком случае вместо него назначат Фироза.

– Ясно.

Наступила тишина.

– Что нового у Мана? – наконец спросил наваб-сахиб, когда они вышли из машины. – Давай поедим в библиотеке, там нас никто не побеспокоит.

Махеш Капур помрачнел:

– Если я знаю своего сына, то он до сих пор сохнет по этой несчастной женщине. Ох, как я жалею, что пригласил ее тогда в Прем-Нивасе на Холи! В тот вечер он в нее и влюбился.

Навабу-сахибу услышанное явно не понравилось: он весь напрягся, но промолчал.

– Ты за своим сыном тоже присматривай, – со смешком добавил Махеш Капур. – Я про Фироза.

Наваб-сахиб лишь молча взглянул на друга. Лицо его побелело.

– Что с тобой?

– Все хорошо, все хорошо, Капур-сахиб. Что ты там говорил про Фироза?

– Он тоже зачастил в тот дом, я слышал. Конечно, вреда не будет, если это какой-нибудь пустяк, а не одержимость...

– Нет! – В голосе наваба-сахиба послышалась такая резкая безотчетная боль, почти ужас, что Махеш Капур даже растерялся. Он знал, что его друг недавно ударился в религию, но пуританских взглядов от него не ожидал.

Он решил переменить тему и заговорил о паре новых законопроектов, о том, что со дня на день должны определить точные границы избирательных округов и о бесконечных проблемах в партии Конгресс – как на уровне штата (между ним и Агарвалом), так и в центральном штабе (между Неру и правым крылом).

– Увы, даже я больше не считаю эту партию своим домом, – сказал министр по налогам и сборам. – Недавно ко мне приходил старый учитель – борец за свободу – и сказал... В общем, заставил меня задуматься кое о чем. Вероятно, мне лучше уйти из Конгресса. Если удастся уговорить Неру покинуть партию и к следующим выборам создать новую, он имеет все шансы на победу. Лично я готов за ним пойти, и многие другие тоже.

Однако даже это серьезное и неожиданное заявление не нашло отклика у наваба-сахиба. За обедом он был отрешен и не то что не разговаривал – даже ел с большим трудом.

11.4

Два вечера спустя все адвокаты заминдаров и пара их клиентов собрались в гостиничном номере Г. Н. Баннерджи. Такие совещания он устраивал каждый вечер, с шести до восьми, дабы подготовиться к завтрашнему слушанию. Сегодня, однако, он преследовал сразу две цели. Во-первых, адвокаты должны были помочь ему подготовить утреннее выступление, на котором Г. Н. Баннерджи собирался завершить свою вступительную речь. Во-вторых, они и сами хотели получить от него советы и рекомендации касательно того, как им лучше обосновать свои позиции днем, когда каждый из них по очереди будет отстаивать интересы своих клиентов. Г. Н. Баннерджи охотно согласился им помочь, но куда важнее ему было ровно в восемь вечера выпроводить всех за дверь, дабы провести вечер в привычной и приятной обстановке с женщиной, которую младшие коллеги называли его зазнобой, – некоей госпожой Чакраварти, устроившейся с большим комфортом (на деньги его многочисленных клиентов, разумеется) в фешенебельном вагоне-люкс поезда, стоявшего на запасном пути Брахмпурского вокзала.

Все прибыли ровно в шесть вечера. Местные адвокаты – и старшие, и младшие – принесли с собой своды законов и сборники судебных решений, а официант принес чай. Г. Н. Баннерджи пожаловался на гостиничные вентиляторы и на чай. Ему не терпелось скорее пропустить стаканчик скотча (а лучше три).

– Господин Баннерджи, я хотел вам сказать, как замечательно вы сегодня днем высказались насчет публичных интересов, – заговорил местный именитый адвокат.

Великий Г. Н. Баннерджи улыбнулся:

– Да, вы же заметили, что главный судья оценил мои слова о неразрывной связи общественных интересов с общественным благосостоянием?

– Судье Махешвари они явно не понравились.

Подобное замечание не могло остаться без ответа.

– Махешвари! – Одним этим восклицанием Г. Н. Баннерджи поставил наглеца на место.

– Однако вам все же придется ответить на его комментарий о комиссии по оценке доходности земель, – вставил еще один прилежный и восторженный младший адвокат.

– Что там ляпнул Махешвари – никого не интересуется. Он два дня сидит сиднем и молчит, а потом задает два дурацких вопроса подряд!

– Вы правы, господин Баннерджи, – тихо сказал Фироз. – Вчера вы весьма подробно остановились на втором его замечании.

– Он прочитал всю «Рамаяну», а до сих пор не знает, чей Сита *отец*!⁴¹ – Эта переименованная расхожая острога вызвала у присутствующих смех, пусть и несколько заискивающий.

– Как бы то ни было, – продолжал Г. Н. Баннерджи, – нам следует сосредоточиться на доводах главного судьи и уважаемого господина Бейли. Они в коллегии самые умные, и к ним будут прислушиваться остальные. На что мы должны обратить внимание?

Фироз, чуть помедлив, сказал:

– Если позволите, господин Баннерджи... Судья по комментариям судьи Бейли, его не убедила ваша попытка дискредитировать мотивы властей штата, решивших разделить выплаты на две части. Вы утверждали, что власти пытаются схитрить, разделяя выплаты на собственно компенсацию и некий «реабилитационный грант». И что мотивом для такого разделения является желание обойти решение суда по делу заминдаров Бихара, принятое в Высоком суде Патны. Но не на руку ли нам, наоборот, согласиться с правительством по этому пункту?

Г. Н. Баннерджи вспыхнул:

– Нет, конечно, как это может быть нам на руку? С чего мы должны соглашаться на разделение выплат? Ладно, посмотрим сперва, что скажет генеральный адвокат. Отвечу на все это позже. – Он отвернулся.

Фироз набрался храбрости и решил стоять на своем:

– Я имею в виду, что мы можем доказать: даже такую щедрую попытку мирного урегулирования вопроса, как грант на реабилитацию земель, можно представить как прямое нарушение четырнадцатой статьи Конституции.

Тут вмешался весьма напыщенный внук Г. Н. Баннерджи:

– Все, что относилось к четырнадцатой статье, разобрали еще вчера!

Видимо, он пытался защитить дедушку от лишних умственных усилий по столь странному и противоречащему всякой логике поводу. Признать правоту властей по такому существенному пункту – все равно что признать поражение во всем деле!

Однако Г. Н. Баннерджи по-бенгальски одернул сына:

---

⁴¹ Имеется в виду, что Махешвари обладает поверхностными знаниями о предмете и только делает вид, что в чем-то разбирается. Любой, кто читал «Рамаяну», знает, что Сита – женщина, жена Рамы.

– Ачха, чуп коре тхако!⁴² – Он поднял вверх указательный палец и обратился к Фирозу: – Повторите-ка. Повторите, что вы сказали.

Фироз повторил свои слова и добавил несколько пояснений.

Г. Н. Баннерджи обдумал услышанное и что-то записал в красном блокноте. Затем вновь повернулся к Фирозу:

– Найдите все относящиеся к делу американские решения суда и принесите мне их завтра к восьми утра.

– Хорошо, господин. – Глаза Фироза засияли от радости.

– Опасное это оружие, – сказал Г. Н. Баннерджи. – Все может пойти не по плану. Стоит ли на данном этапе... – Он умолк и погрузился в свои мысли. – Ладно, все равно несите, а решать я буду на месте, оценив настроение судей. Есть еще что-нибудь по четырнадцатой статье?

Все молчали.

– Где Карлекар?

– Его брат умер, господин, ему пришлось уехать в Бомбей. Он буквально пару часов назад получил телеграмму – как раз когда вы выступали в суде.

– Понятно. И кто его заменяет по вопросу земель, пожалованных Короной?

– Я, господин Баннерджи, – ответил Фироз.

– Вас ждет судьбоносный день, молодой человек. Думаю, вы не оплошаете.

Фироз просиял от этой неожиданной похвалы и с огромным трудом сдержал гордую улыбку.

– Господин, если у вас есть какие-то предложения...

– Вообще, нет. Вам просто следует озвучить, что земли были пожалованы этим заминдарам в вечное владение, а значит, не подпадают под новый закон. Ну, тут все очевидно. Если я придумаю что-нибудь еще, сообщу вам утром, когда вы ко мне подойдете. Хотя... пожалуй, приходите на десять минут раньше.

– Спасибо, господин.

Совещание продолжалось еще полтора часа. Г. Н. Баннерджи забеспокоился, и все поняли, что не стоит перегружать великого адвоката накануне очередного выступления в суде. Однако поток вопросов не иссякал. В конце концов прославленный законник снял очки, поднял вверх два пальца и произнес единственное слово:

– Ачха.

То был сигнал остальным собирать бумаги.

На улице темнело. По дороге к выходу двое младших адвокатов, забыв о том, что их могут слышать сын и внук Г. Н. Баннерджи, принялись сплетничать о прославленном калькуттском адвокате.

– Ты его зазнобу-то видел? – спросил один второго.

– Нет, что ты!

– Я слышал, она просто бомба!

Второй засмеялся:

– Старик у же за семьдесят, а до сих пор у него зазнобы!

– Представляешь, каково госпоже Баннерджи? Как ей с этим живет? Весь мир знает!

Второй пожал плечами, подразумевая, что незнакомые старушки его не заботят и не интересуют.

Сын и внук Г. Н. Баннерджи слышали этот разговор, хотя не видели, как второй адвокат пожал плечами. Оба нахмурились, но ничего друг другу не сказали, и тема так и осталась висеть в вечернем воздухе.

---

⁴² Ладно, помолчи! (бенг.)

11.5

На следующий день Г. Н. Баннерджи закончил свою вступительную речь в защиту интересов всех заявителей, и короткое слово предоставили другим адвокатам. Фироз тоже получил возможность изложить аргументы по своей части дела.

За несколько минут до выступления в голове у него воцарилась необъяснимая чернота – пустота даже. Доводы он помнил прекрасно, но все вдруг утратило смысл: эти прения, его собственная карьера, владения отца, само мироустройство, частью которого были суд и Конституция, его жизнь и человеческая жизнь в целом. Несоразмерность огромной силы этих чувств и полного отсутствия каких-либо чувств к делу, которое ему предстояло, поставила его в тупик.

Он немного полистал бумаги, и в голове прояснилось. Но к этому времени он был так расстроен, так озадачен невовремя нахлынувшими мыслями и чувствами, что поначалу ему даже пришлось прятать трясущиеся руки под кафедрой.

Он начал с шаблонного вступления:

– Уважаемый суд, я поддерживаю все приведенные господином Г. Н. Баннерджи аргументы, но хочу добавить несколько слов по вопросу земель, пожалованных Короной.

Затем он весьма емко и логично изложил все доводы в пользу того, что упомянутые земли относятся к другой категории, нежели остальные, и защищены условиями договора, согласно которому земли передавались заминдарам в бессрочное владение. Судьи слушали его очень внимательно, потом задали несколько вопросов, и Фироз приложил все силы, чтобы обстоятельно на них ответить. Странная неуверенность исчезла так же моментально, как появилась.

Махеш Капур, несмотря на большую загруженность работой, сумел найти время, чтобы приехать в суд и послушать речь Фироза. Хотя аргументы Фироза очень его порадовали, он не хотел, чтобы суд их принял, понимая, что это обернется катастрофой. Изрядная доля сдаваемых в аренду земель штата Пурва-Прадеш относилась к категории земельных пожалований: после Восстания британцы надеялись задобрить влиятельных местных и таким образом восстановить порядок в стране. Некоторые из них, в том числе предок наваба-сахиба, сражались против британцев; устав от бесконечного противостояния, не сулившего им и их семьям ничего хорошего, британцы начали жаловать местным земли, руководствуясь только лишь их сговорчивостью и хорошим поведением.

Махеша Капура особенно интересовало еще одно заявление, поданное князьями, которые были правителями своих земель при британцах. После провозглашения независимости они подписали договор о вступлении в Индийский Союз, дававший им определенные конституционные гарантии. Одним из таких правителей был подонок раджа Марха, которого Махеш Капур с радостью лишил бы не только земель, но и вообще всякой собственности. Хотя само княжество Марх относилось к штату Мадхья-Бхарат, предкам раджи пожаловали земли в Пурва-Прадеш – или в Охраняемых провинциях, как штат назывался в те времена. Его владения относились к категории земельных пожалований, однако адвокаты раджи пытались доказать, помимо прочего, что в состав возмещения должна быть включена упущенная выгода, поскольку изымаемые владения в ходе бессрочного пользования принесли бы радже немалый доход. Земли были пожалованы в качестве частной, а не государственной собственности (утверждали адвокаты), следовательно, они защищены не одной, а сразу двумя статьями Конституции: одна недвусмысленно указывает, что правительство обязуется соблюдать любые гарантии, предоставленные бывшим правителям княжеств в соответствии с договорами о вступлении в Союз, с учетом их личных прав, привилегий и почетных званий, а вторая – что споры, проистекающие из настоящих и подобных им договоров либо возникающие в связи с их исполнением, не подлежат рассмотрению в суде.

Правительственные же адвокаты заявляли, что частная собственность не относится к «личным правам, привилегиям и почетным званиям»; в том, что касается частной собственности, бывшие правители княжеств имеют ровно такой же статус и гарантии, как и прочие граждане страны. При этом они тоже считали, что рассмотрению в суде дело не подлежит.

Будь на то воля Махеша Капура, он отнял бы у раджи Марха не только его частные земли в штате Пурва-Прадеш, но и все пожалования в Мадхья-Бхарате, а заодно собственность в Брахмпуре, включая территорию храма Шивы, на которой в связи с приближением фестиваля Пул Мела вновь активизировалось строительство. Увы, сделать это было невозможно – а хорошо бы, конечно, поставить злосчастливого негодяя на место. Махешу Капуру не приходило в голову (а если бы и пришло, вряд ли он обрадовался бы этой мысли), что это его желание, в сущности, мало чем отличается от мечты министра внутренних дел Л. Н. Агарвала отнять Байтар-Хаус у наваба-сахиба.

Наваб Байтарский увидел Махеша Капура, когда тот входил в зал суда. Они сидели по разные стороны прохода, но поприветствовали друг друга молчаливым кивком и взмахом руки.

Сердце наваба-сахиба было преисполнено радости и гордости. Фироз замечательно выступил в суде. Как много хорошего он все-таки унаследовал от матери – и ведь ее тоже порой охватывала нервозность в те минуты, когда она бывала особенно напориста и убедительна. От наваба-сахиба не ускользнуло, как внимательно судьи слушали доводы Фироза, причем это внимание доставило ему даже больше удовольствия, чем самому Фирозу, поскольку тот был слишком занят парированием судейских вопросов, чтобы позволить себе получать удовольствие от процесса.

Даже его начальник не выступил бы лучше, подумал про себя наваб-сахиб. Интересно, что напишут завтра в «Брахмпурской хронике» о выступлении Фироза? Ему вдруг пришла в голову забавная фантазия: великий Цицерон появляется в Высоком суде Брахмпуре, чтобы похвалить его сына.

Но будет ли от всего этого толк? Мысль эта вновь и вновь посещала его даже в счастливые минуты любования сыном. Уж если правительство решило что-то сделать, остановить его невозможно. «Сама история против нашего класса, – подумал наваб-сахиб, глядя на сидевших неподалеку раджу и раджкумара Мархских. – Наверное, если бы дело касалось только нас, крупных заминдаров, все было бы не так плохо. Но в данном случае достанется и всем остальным». Мысли наваба-сахиба в очередной раз обратились не только к его слугам и работникам, но и к музыкантам, которых он слушал в юности, поэтам, которым покровительствовал, и к Саиде-бай.

Вспомнив о последней, он вновь с тревогой посмотрел на сына.

11.6

С каждым днем толпа зрителей таяла, пока в зале суда не остались только журналисты, адвокаты и несколько судящихся.

Была история на стороне наваба-сахиба и его класса или нет, Закон послушен Обществу, или Общество послушно Закону, можно ли загладить вину за угнетение крестьян, покровительствуя искусствам, – ответы на эти и другие весьма насущные вопросы лежали вне компетенции пяти судей, которым предстояло принять решение по делу: их волновали исключительно статьи 14, 31 (2) и 31 (4) Конституции Индии. В настоящий момент судьи учинили допрос улыбочивому господину Шастри, желая знать его мнение об этих статьях и обжалуемом законе.

Главный судья просматривал текст Конституции, дабы в четвертый раз прочитать точные формулировки четырнадцатой и тридцать первой статьи.

Остальные судьи (включая distinguished господина Махешвари) задавали генеральному адвокату какие-то вопросы, но главный судья слушал их лишь краем уха и урывками. Раджу Мархского атмосфера зала суда явно убаюкивала: он, хоть и присутствовал на заседании, ничего не слышал вовсе. Раджумар не решился растолкать отца, когда тот начал клевать носом.

Вопросы суда затрагивали все приведенные ранее аргументы:

– Господин генеральный адвокат, как вы ответите на аргумент господина Баннерджи, что авторы Закона об отмене системы заминдари блюдут интересы вовсе не общества, а правящей политической партии?

– Не могли бы вы, господин генеральный адвокат, как-нибудь увязать друг с другом решения различных американских властей? По вопросу общественных интересов, а не равной защиты со стороны закона.

– Господин генеральный адвокат, вы всерьез утверждаете, что слова «независимо от каких-либо положений настоящей Конституции» являются ключевыми словами четвертого пункта тридцать первой статьи и что любой законодательный акт, основывающийся на этой статье, не может быть оспорен по статье четырнадцатой, равно как и по любой другой статье Конституции? Разумеется, нет! Это означает лишь то, что его нельзя будет обжаловать на основаниях, содержащихся во втором пункте тридцать первой статьи!

– Господин генеральный адвокат, что скажете о решении по делу «Йик Во против Хопкинса» относительно четырнадцатой статьи? Или о цитате из Уиллиса, которую судья Фазл Али привел в своем недавнем решении, назвав эти слова «правильным изложением сути четырнадцатой статьи»: «Гарантия равной защиты со стороны закона подразумевает, что закон равен для всех»? И так далее. Ученые адвокаты заявителей уделили много внимания данному вопросу, и я не представляю, что вы можете противопоставить их доводам.

У некоторых репортеров и даже адвокатов в зале суда появилось ощущение, что чаша весов склоняется не в пользу правительства.

Генеральный адвокат словно этого и не замечал. Он продолжал как ни в чем ни бывало отвечать на вопросы, с таким тщанием взвешивая каждое слово и даже каждый слог, что на произнесение любой реплики у него уходило в три раза больше времени, чем у Г. Н. Баннерджи.

На первый вопрос он ответил так:

– Рук-ко-во-дьящ-щие пр-рин-ципы, уважаемый суд. – Последовала долгая пауза, после чего он перечислил номера всех относящихся к делу статей. Затем господин Шастри еще немного помолчал и подытожил: – Таким образом, уважаемый суд, вы видите, что все необходимое содержится в самой Кон-сти-ту-ции и партийные интересы здесь ни при чем.

На просьбу «как-нибудь увязать решения американских властей» он лишь ответил с улыбкой: «Нет, уважаемый суд». Сопоставлять несопоставимое в его обязанности не входило, и тем более на решения американских судов опирался отнюдь не он. В самом деле, даже доктор Кули говорил, что попытки истолковать понятие «общественный интерес» в некотором роде «заводят его в тупик» – особенно в свете противоречащих друг другу судебных решений по данному вопросу. Но зачем об этом говорить? «Нет, уважаемый суд» – такого ответа более чем достаточно.

Последние несколько минут главный судья находился в стороне (не в буквальном смысле – с географической точки зрения он по-прежнему сидел в центре стола) от этих обсуждений. Но тут и он вступил в бой. Перечитав внимательно тексты ключевых статей и накалякав у себя в блокноте рыбку, он склонил голову набок и произнес:

– Итак, господин генеральный адвокат, если я правильно понимаю, правительство утверждает, что две выплаты – компенсация, которая представляет собой фиксированную сумму для всех землевладельцев, и реабилитационный грант, сумма которого будет зависеть от доходно-

сти отчужденных земель, – имеют совершенно разную природу. Одно – компенсация, а другое – нет. Их нельзя ставить на одну доску, а также нельзя утверждать, что сумма компенсации может каким-то образом варьироваться, – стало быть, ни о какой дискриминации или неравенстве по отношению к крупным землевладельцам речи не идет.

– Да, ваша честь.

Главный судья тщетно ждал подробных разъяснений. Наконец он не выдержал и продолжил сам:

– Далее. Правительство настаивает, что выплаты эти разные, потому что, например, каждой из этих выплат посвящены отдельные разделы законодательного акта и потому что за выделение средств будут отвечать разные должностные лица – два разных инспектора.

– Да, милорд.

– Однако господин Баннерджи возразил на это, что подобное разделение – не более чем уловка и манипуляция, придуманная с целью протащить закон в суде. Особенно учитывая, что компенсационный фонд втрое меньше реабилитационного.

– Нет, ваша честь.

– Нет?

– Это не уловка, ваша честь.

– Также он утверждает, – продолжал главный судья, – что такое разделение стало упоминаться на последних этапах обсуждения: правительство придумало этот ход в последний момент, в ответ на решение Высокого суда Патны, дабы обманным путем обойти конституционные ограничения.

– Акт есть акт, ваша честь. А обсуждения – это обсуждения, не более.

– Что вы скажете о преамбуле акта, господин генеральный адвокат, в которой реабилитация земель не заявлена как одна из целей принятия данного закона?

– Упущение, милорд. Акт есть акт.

Главный судья подпер рукой подбородок.

– Хорошо, допустим, мы примем ваше утверждение – вернее, утверждение правительства штата, – что указанная в законопроекте компенсация есть единственная компенсация как таковая, предусмотренная вторым пунктом тридцать первой статьи Конституции. А как же вы в этом случае опишите реабилитационный грант?

– Это добровольная выплата, ваша честь. Правительство штата вольно выплачивать ее кому угодно и в каком угодно размере – по своему усмотрению.

Главный судья опустил голову на обе руки и внимательно осмотрел свою жертву:

– А распространяется ли защита от оспаривания в суде, предусмотренная пунктом четыре тридцать второй статьи Конституции, только на компенсацию или на добровольные выплаты тоже? И нельзя ли в таком случае обжаловать неравные условия, согласно которым будут производиться эти добровольные выплаты, на том основании, что они противоречат статье четырнадцатой, гарантирующей всем гражданам равную защиту закона?

Фироз, слушавший вопросы главного судья с предельной внимательностью, взглянул на Г. Н. Баннерджи. Именно к этому он вчера клонил на совещании. Прославленный адвокат снял очки и принялся очень медленно протирать их платком. Наконец он остановился и замер без движения, не сводя глаз (как и все присутствующие) с генерального адвоката.

В зале суда секунд на пятнадцать воцарилась полная тишина.

– Оспорить в суде добровольную выплату, ваша честь? – Господин Шастри был искренне потрясен.

– Ну, она ведь зависит от размера и доходности земель, что в некотором роде ущемляет интересы крупных землевладельцев. Мелкие землевладельцы получают десять расчетных величин исходя из суммы арендной платы, а крупные – только полторы расчетные величины. Разные коэффициенты подразумевают разное отношение, а значит, дискриминацию.

– Уважаемый суд, – возразил господин Шастри, – добровольная выплата – это не законное право, это при-ви-ле-гия, которой государство удостоивает землевладельцев. Поэтому ни о какой дис-кр-ри-ми-нации и речи быть не может! – Добродушная улыбка, впрочем, исчезла с лица генерального адвоката. Беседа превращалась в перекрестный допрос один на один, и остальные судьи в него не вмешивались.

– Что ж, господин генеральный адвокат, Верховный суд США, например, постановил, что их четырнадцатая поправка – совпадающая с нашей четырнадцатой статьей по духу и формулировкам – имеет отношение не только к обязательствам граждан, но и к привилегиям, которых они удостоиваются. Вероятно, добровольные выплаты тоже сюда относятся?

– Уважаемый суд, американская Конституция очень короткая, и все пробелы в ней приходится домысливать. Наш же Основной закон гораздо объемнее и в меньшей степени нуждается в домысливании.

Главный судья улыбнулся. Выглядел он теперь весьма своенравно: старая, мудрая, лысая черепаха. Генеральный адвокат умолк. Ему стало ясно, что на сей раз общими и неубедительными доводами дело не ограничится. Две «четырнадцатые» были слишком похожи. Он сказал:

– Уважаемый суд, в Индии есть четвертый пункт тридцать первой статьи, который конституционно защищает данный акт от каких-либо обжалований в суде.

– Господин генеральный адвокат, я слышал, как вы отвечали на вопрос почтенного господина Бейли по этому поводу. Но если судьи не находят данный аргумент достаточно убедительным и при этом считают, что гарантии, предоставляемые четырнадцатой статьей, должны распространяться и на добровольные выплаты, то какова в данном случае позиция законодателей? На чем вы стоите?

Генеральный адвокат немного помолчал. Если бы самоуничижительная откровенность была в ходу у адвокатов, он ответил бы: «В данном случае мы не стоим, ваша честь, мы терпим крах». Но вместо этого он сказал:

– Нам необходимо обдумать свою позицию по этому поводу, ваша честь.

– Да, полагаю, в свете такого хода размышлений вам действительно нужно хорошенько ее обдумать.

Обстановка в зале суда стала такой напряженной, что часть этого напряжения, по-видимому, проникла в сновидения раджи Марха. Он очнулся. Его охватила внезапная тревога. Пока адвокаты бились над его заявлением, он вел себя прилично, однако теперь, когда правительству светило поражение по вопросу, не имевшему прямого отношения к его собственности, но все же защищавшему и его интересы, он ни с того ни с сего разволновался.

– Это неправильно! – воскликнул он.

Главный судья подался вперед.

– Это неправильно! Мы тоже любим свою страну. Кто они? Кто они такие? Земля... – принялся сетовать он.

Все присутствующие были потрясены и возмущены. Раджумар встал и осторожно шагнул к отцу, но тот его оттолкнул.

Главный судья неспешно произнес:

– Ваше высочество, я вас не слышу.

Раджа Марха, конечно, этому не поверил.

– Тогда я скажу громче, ваша честь! – заявил он.

Главный судья повторил:

– Я вас не слышу, ваше высочество. Если вам есть что сказать, передайте это через адвоката, будьте так любезны. И сядьте в третьем ряду, пожалуйста. Первые два ряда – для адвокатов.

– Нет, ваша честь! На кону мои земли! Моя жизнь! – Он яростно воззрился на судей и вот-вот бросился бы на них с кулаками.

Главный судья поглядел на коллег по обе стороны от себя, а затем скомандовал на хинди судебному секретарю и лакеям:

– Уведите его.

Лакеи потрясенно разинули рты. Кто мог подумать, что однажды им доведется применить силу к великому правителю!

По-английски же главный судья обратился к секретарю с такими словами:

– Вызовите стражу и приставов. – Адвокатам раджи Мархского он сказал: – Образумьте своего клиента, пожалуйста. Пусть впредь не испытывает терпение достопочтенных судей. Если он немедленно не покинет зал, я привлеку его к ответственности за неуважение к суду.

Пять величавых лакеев, судебный секретарь и несколько адвокатов заявителей с виноватым видом, но уверенно подхватили под руки все еще брызжущего слюной раджу Марха и повели его вон из зала суда № 1, пока он не успел причинить еще больше ущерба себе, своим интересам и судьям. Раджумар, красный как рак, медленно поплелся следом. На пороге он обернулся. Все, кто был в зале, потрясенно наблюдали за спазматическим шествием его отца. Во взгляде Фироза тоже читалось брезгливое недоумение. Раджумар опустил глаза и вслед за отцом покинул зал.

11.7

Через несколько дней после этого унижительного происшествия раджа Марха, в тюрбане с пером и с бриллиантовыми пуговицами на куртке, окруженный блистательной свитой слуг, выдвинулся в сторону фестиваля Пул Мела.

Его высочество начал свое шествие с низкого поклона на территории храма Шивы, затем неспешно прошагал через весь Старый город и прибыл к вершине большого пологого земляного спуска, который вел к песчаному пляжу на южном берегу Ганга. Каждые несколько шагов глашатай громко объявлял о прибытии раджи и во славу правителя подбрасывал в воздух розовые лепестки. Выглядело это все в высшей степени нелепо.

Однако именно так раджа представлял себя и свое место в мире. А на мир он был очень зол, особенно после статьи в «Брахмпурской хронике», авторы которой в красках описали его словесное недержание в зале суда и позорное изгнание оттуда же. Прения длились еще четыре или пять дней (вынесение решения суда перенесли на более позднюю дату), и каждый день в «Брахмпурской хронике» находили повод вспомнить тот унижительный эпизод.

Процессия остановилась на вершине спуска, под тенью раскидистого священного фикуса, и оттуда раджа посмотрел вниз. Под ним, насколько хватало глаз, прямо на песках лежал – защитного цвета, окутанный дымкой – океан палаток. Вместо одного-единственного понтонного моста Ганг теперь пересекало по меньшей мере пять мостов из судов, наглухо перекрывших любое движение вниз по реке. Зато поперек плавали большие флотилии лодок поменьше, перевозя паломников к самым заветным местечкам для омовения. Впрочем, на них передвигались не только паломники, но и просто желающие побыстрее пересечь Ганг, не толкаясь на импровизированных, жутко переполненных людьми мостах.

Спуск тоже был усеян паломниками со всей Индии, многие из которых прибыли на специальных дополнительных поездах, пущенных по случаю Пул Мелы. Однако слугам раджи удалось на несколько секунд растолкать толпу, чтобы их хозяин мог царственно полюбоваться открывающимся с холма зрелищем.

Раджа благоговейно смотрел на великую коричневую реку – прекрасную и безмятежную Гангу. Вода в ней по-прежнему стояла невысоко, а пески были обширны. В середине июня сезон дождей в Брахмпуре не наступил, и тающие снега пока не переполнили русло водой. Первый торжественный день омовения – Ганга-Дуссера – должен был состояться через два дня (когда уровень воды в купальнях Варанаси традиционно поднимался на одну ступеньку), а еще

через четыре дня наступал второй великий праздник – день омовения при полной луне. Ганга не залила весь наш мир благодаря богу Шиве, который остановил ее падение с небес, подставив под воду свою голову. Она запуталась в его волосах и спокойно стекла на землю. Именно во славу бога Шивы раджа возводил храм Чандрачур. Слезы выступили на глазах раджи, когда он смотрел на священную реку и размышлял о своих благодеяниях.

Раджа направлялся к палаточному лагерю, принадлежавшему святому по имени Санаки-баба. Этот жизнерадостный мужчина средних лет посвятил всю свою жизнь поклонению богу Кришне и медитациям. Его окружали привлекательные молодые ученики, видевшие в нем источник чудесной безмятежной энергии. Раджа намеревался посетить его лагерь даже прежде, чем лагеря шиваистов. Антимусульманские чувства раджи вылились в паниндуистскую любовь к церемониям и обрядам: он начал свое шествие от храма Шивы, прошел по городу, названному в честь Брахмы, и завершил свое паломничество визитом к почитателю Кришны, аватара Вишну, почтив таким образом всю индуистскую Троицу. Затем он планировал совершить омовение в Ганге (точнее, окунуть в воду большой палец одной усыпанной драгоценностями ноги) и смыть с себя грехи семи поколений, включая собственные. Словом, утро у раджи выдалось продуктивное. Он обернулся на Чоук и несколько секунд буравил взглядом ненавидистые минареты мечети. «Ничего, мой храм с трезубцем наверху повыше вашего будет», – подумал он, и в жилах его забурилась воинственная кровь предков.

Однако мысль о предках заставила его задуматься о потомках, и раджа с озадаченным недовольством воззрился на своего сына, раджкумара, неохотно плетущегося позади. «Что за никчемный и бесполезный лодырь! – подумал он. – Надо скорее тебя женить. Можешь переспать хоть со всеми парнями в округе, а внука мне все-таки заделай». На днях раджа водил его к Саиде-бай, чтобы та сделала из него мужчину. Так раджкумар убежал оттуда сверкая пятками! Раджа не знал, что его сын не знаком с борделями Старого города, ведь его университетские друзья не брезговали подобного рода развлечениями. Видно, парень оказался не готов к урокам полового воспитания от грубияна-папаши.

Раджа получил от своей грозной матери, вдовствующей рани Марха, четкий приказ: уделять больше внимания ее внуку. В последнее время он изо всех сил пытался выполнять ее волю. Поташил сына в суд, дабы тот получил представление об Ответственности, Законе и Собственности, – и потерпел полное фиаско. Уроки о Продолжении Рода Человеческого тоже не удались. Сегодняшний день раджа решил посвятить Религии и Военному Духу, однако не преуспел и в этом: сын оказался размазней. Когда сам раджа, проходя мимо мечетей, принимался с особенным упоением вопить «Хар хар Махадев!»⁴³, раджкумар лишь опускал голову и сбивчиво бормотал те же слова себе под нос. Оставались еще Обряды и Традиции. Раджа намеревался окунуть сына в Гангу, силком, если понадобится. Поскольку раджкумар учился на последнем курсе университета, его следовало приобщить – пусть и чуточку преждевременно – к настоящему индуистскому ритуалу окончания учебы, омовению (или снанау), дабы он стал истинным выпускником (снатаком). А где лучше становиться снатаком, как не в священной Ганге, во время нынешней, особенно торжественной и важной, происходящей раз в шесть лет Пул Мелы? Под крики слуг он швырнет сына в воду, а если сопляк не умеет плавать, тем лучше: слуги потащат его, отплеывающегося и задыхающегося, на берег – вот будет потеха!

– Живо, живо! – покрикивал раджа, ковыляя по длинному спуску к пляжу. – Где лагерь Санаки-бабы? Откуда тут столько пилигримов, сестер их налево!⁴⁴ Почему такой бардак? Кто все это организовал? Достаньте мне машину!

⁴³ *Махадева* («величайший бог»; *хинди*) – одно из имен бога-разрушителя Шивы.

⁴⁴ Если русскую нецензурную брань называют «матерной», то в Индии она скорее «сестринская».

– Ваше высочество, власти города запретили проезжать сюда на машинах, это разрешено только полицейским и важным персонам. Нам не удалось получить разрешение, – пробормотал кто-то.

– А разве я не важная персона?! – Раджа возмущенно выпятил грудь.

– Конечно, ваше высочество, но таковы правила...

Наконец, проскитавшись в море палаток и лагерей больше получаса (ладно хоть не по песку, а по наспех сооруженным из металлических щитов дорожкам – изобретению военных инженеров), они увидели впереди лагерь Санаки-бабы, и свита правителя Марха радостно устремилась туда. От цели их отделяло не больше сотни ярдов.

– Ну наконец! – завопил раджа. Зной стоял невыносимый, и раджа потел, как свинья. – Велите бабе выходить. Я буду с ним беседовать. И еще пусть подадут мне шербет.

– Ваше высочество...

Не успел его посыльный убежать в лагерь, как у самого входа с визгом затормозил полицейский джип. Несколько человек выбрались из машины и прошли внутрь.

От такой неслыханной наглости у раджи глаза на лоб полезли.

– Мы первые пришли! Остановите их! Я должен немедленно увидеть Санаки-бабу! – гневно завопил он.

Но люди из джипа уже вошли в лагерь.

11.8

Когда джип первый раз спускался к пескам у стен форта, Дипанкар Чаттерджи – один из пассажиров – потрясенно глядел по сторонам.

Дорожки на территории пляжа кишели людьми. Многие тащили свернутые в рулоны матрасы и прочий скарб: кастрюльки и котелки, продукты, холщовые мешки, ведра и бидоны, палки, флаги и знамена, гирлянды из бархатцев, детей – под мышкой или на закорках. Одни тяжело дышали от усталости и жары, другие непринужденно болтали, словно приехали на пикник, третьи пели бхаджаны и прочие ритуальные песни, пытаясь подбодрить себя и друг друга (первоначальный восторг при виде священной Матери-Ганги у большинства почти моментально сменялся усталостью от долгой дороги). Мужчины, женщины и дети, стар и млад, смуглые и светлокожие, богатые и бедные, брамины и неприкасаемые, тамильцы и кашмирцы, садху в оранжевых одеяниях и обнаженные наги⁴⁵ – все перемешались на этих дорожках среди песков. Запахи благовоний, марихуаны, пота и еды, детский плач, грохот из динамиков, вопли полицейских и женские голоса, напевающие киртаны⁴⁶, ослепительные солнечные блики на поверхности Ганги, маленькие песчаные воронки, образующиеся на свободных участках пляжа, – все это вместе произвело на Дипанкара колоссальное впечатление. Он решил, что здесь точно найдет хотя бы частичку того, что искал всю жизнь, – а может, и само Искомое. Перед ним лежала Вселенная в микрокосме, и где-то в этой кутерьме должно было обраться равновесие.

Джип, громко гудя, медленно продвигался по песчаным и крытым металлическими щитами дорожкам. В какой-то момент водитель заблудился. Они подъехали к перекрестку, на котором тщетно пытался регулировать движение молодой полицейский. Джип был единственным транспортным средством в этом людском потоке, но людей вокруг полицейского толпи-

⁴⁵ *Naга (nagi)* – группа горных племен и народностей, большинство которых населяет индийский штат Нагаленд и некоторые другие земли. Среди нагов сохраняются древние анимистические верования (культы духов природы, камней и т. д.), широко распространены татуировки, мужчины носят набедренные повязки.

⁴⁶ *Киртан* – в индуизме форма духовной практики, представляющая собой коллективное воспевание имен и славы Бога. Сначала ведущий поет мантру целиком или по частям, затем все хором ее повторяют, после чего снова вступает ведущий – и т. д.

лось столько, что крики и взмахи жезла не производили на толпу никакого действия. Пожилой господин Майтра – бывший полицейский чиновник, согласившийся приютить Дипанкара в Брахмпуре и даже раздобывший для него джип, – решил взять дело в свои руки.

– Стоп! – скомандовал он водителю на хинди.

Водитель остановил машину.

Одиноким полицейский увидел джип и подошел к ним.

– Где палатка Санаки-бабы? – властным голосом спросил его господин Майтра.

– Вон там, господин... Еще два фарлонга в том направлении... По левую сторону.

– Хорошо, – сказал господин Майтра. Вдруг ему пришла в голову какая-то мысль. – А ты знаешь, кто такой Майтра?

– Майтра? – переспросил молодой полицейский.

– Р. К. Майтра.

– Да, – ответил полицейский, но прозвучало это так, словно он просто хотел отделаться от этого странного человека.

– Ну и кем же он был? – не унимался господин Майтра.

– Первым индусом в должности комиссара полиции, – сказал полицейский.

– Верно. Так вот – это я! – заявил господин Майтра.

Полицейский проворно и изящно козырнул. На лице господина Майтры отразился восторг.

– Поехали! – приказал он, и машина тронулась.

Вскоре они прибыли к лагерю Санаки-бабы. Когда они уже собирались войти, Дипанкар заметил приближение какой-то пышной, разбрасывающей лепестки процессии, но особого внимания на вельможу не обратил, так как они очутились в первом и самом большом шатре лагеря, явно предназначенном для аудиенций.

Пол был устлан красными и синими циновками, и все сидели прямо на них: мужчины слева, женщины справа. В дальнем конце шатра помещалась длинная платформа, накрытая белой тканью. На ней сидел молодой худой бородатый человек в белом халате, неторопливо читал проповедь хриплым голосом. Позади него висел фотопортрет Санаки-бабы, пухлого, почти лысого, очень веселого старичка с обнаженной волосатой грудью. Кроме мешковатых шорт на нем ничего не было. Стоял он на фоне широкой реки – вероятно, Ганги (или Ямуны⁴⁷, ведь Санаки-баба поклонялся Кришне).

Дипанкар и господин Майтра вошли посреди проповеди. Полицейский остался снаружи. Господин Майтра улыбался, предвкушая встречу с любимым гуру, и не обращал никакого внимания на то, что говорил молодой проповедник.

– Внемлите, – хрипло продолжал тот. – Вы могли заметить, что одного лишь дождя довольно для роста только бесполезным растениям: сорным травам да диким кустарникам.

Они растут без усилий, сами собой.

Однако, если вам нужно полезное растение – роза, фруктовое дерево, бетель, – то придется приложить усилия.

Нужно поливать и унавоживать землю, пропалывать и обрезать растения.

Это непросто.

И то же самое с миром. Мир окрашивает нас своим цветом. Он окрашивает нас без усилий, – каков мир вокруг нас, такими становимся и мы.

Мы слепо идем по миру, ибо такова наша природа. Это легко и просто.

Если же мы хотим познать Бога, познать истину, придется потрудиться...

---

⁴⁷ Ямуна (Джамна, Джумна) – река в Индии общей протяженностью 1376 км, самый длинный и многоводный приток Ганга. Название происходит от др. – инд. Yama («близнец»), поскольку река протекает параллельно Гангу. Ямуна – священная река и имеет особое значение для кришнаитов. В настоящее время считается одной из самых загрязненных рек мира.

В этот миг в шатер вошел раджа Марха со свитой. Раджа послал впереди себя гонца, но тот не осмелился прервать проповедь. Радже никто был не указ: ни главный судья, ни помощник баб́ы. Он посмотрел в глаза молодому проповеднику. Тот сотворил намасте, взглянул на часы и жестом попросил человека в длинной серой кхади-курте узнать, что нужно радже. Господин Майтра решил, что это отличная возможность и самому попасть на встречу с Санаки-бабой, который не обращал внимания на время и место (а иногда и на людей), и дожидаться его аудиенции порой приходилось по несколько часов кряду. Человек в серой курте вышел и направился к другому шатру в глубине лагеря. Господин Майтра посматривал по сторонам в нетерпении, раджа – в нетерпении и крайнем раздражении. Дипанкар был совершенно невозмутим. Он никуда не торопился и внимательно слушал речь проповедника, поскольку приехал на Пул Мелу за Ответом или Ответами, а в таком важном Деле не может быть спешки.

Молодой баба́ хрипло и убежденно говорил:

– Что есть зависть? Она так свойственна людям. Мы смотрим на других и мечтаем обла-
дать...

Раджа затопал ногами. Он привык сам давать аудиенции, а не дожидаться их. И где, кстати, заказанный им шербет?

– Пламя, разгораясь, поднимается все выше. Почему? Потому что оно стремится к своей наивысшей форме – солнцу.

Ошметок грязи падает вниз. Почему? Потому что он стремится к своей наивысшей форме – земле.

Воздух из воздушного шарика выходит сквозь малейшее отверстие. Зачем? Дабы слиться со своей наивысшей формой – воздухом снаружи.

Так и душа в нашем теле стремится к наивысшей душе – душе мира.

А теперь давайте произнесем имя Бога:

Харе Рама, харе Рама, Рама Рама, харе, харе.

Харе Кришна, харе Кришна, Кришна Кришна, харе, харе.

Он тихо и медленно запел. К нему присоединилось несколько женщин, потом еще несколько, потом мужчины, и вот уже все присутствующие вторили проповеднику:

Харе Рама, харе Рама, Рама Рама, харе, харе.

Харе Кришна, харе Кришна, Кришна Кришна, харе, харе.

Повторы становились все громче, быстрее, и вскоре слушатели, не вставая с мест, закачались из стороны в сторону. Звенели маленькие цимбалы, слова окрашивались высокими нотками экстаза. Все, кто пел, погрузились в гипнотическое состояние. Дипанкар из вежливости тоже пел с остальными, однако гипнозу не поддавался. Раджа Марха злобно смотрел по сторонам. Вдруг киртан прекратился, и все запели гимн – бхаджан:

Гопала, Гопала⁴⁸, прими же меня

В свое лоно. Я грешник,

Ты же – Господь милосердный!

---

⁴⁸ *Гопала* – одно из воплощений Кришны, Кришна как пастушок, очаровывающий девочек-пастушек гопи и привлекающий звуками своей флейты самого Купидона. Культ Кришны-Гопалы был одной из самых ранних форм поклонения в кришнаизме.

Но едва они успели начать, как в шатер вошел Санаки-баба в одних шортах – он продолжал оживленно беседовать с человеком в серой куртке.

– Да-да, – сверкая глазками, говорил Санаки-баба своему помощнику, – скорее ступай. Пусть нам все принесут тыкву, лук, картошку. Морковь? Где ты возьмешь морковь в это время года?.. Нет-нет, расстели вон там. Да, скажи Майтре-сахибу... и профессору.

Он исчез так же внезапно, как появился. Раджу Марха он даже не заметил.

Помощник в серой куртке подошел к господину Майтре и сказал, что Санаки-баба ждет его в своем шатре, затем пригласил пройти вместе с ними еще одного человека лет шестидесяти (видимо – профессора). Раджа Марха едва не взорвался от злости:

– А как же я?!

– Бабаджи скоро вас примет, раджа-сахиб. Он выделит вам особое время.

– Мне надо увидеть его прямо сейчас! Не нужно мне никакое особое время!

Помощник, видимо, сообразил, что от раджи могут быть неприятности, если его не обуздать, и позвал к себе одну из ближайших учениц Санаки-бабы, молодую женщину по имени Пушпа. Дипанкар с удовольствием отметил ее красоту и серьезность и тут же вспомнил про свой Поиск Идеала, который вполне можно вести параллельно с Поискem Ответа: одно другому не мешает. Он увидел, как Пушпа приблизилась к радже и моментально обворожила его. Тот притих.

Между тем избранные вошли в небольшой шатер Санаки-бабы. Господин Майтра представил Дипанкара.

– Его отец – судья Высокого суда Калькутты, – сказал господин Майтра. – А сам он приехал сюда в поисках Истины.

Дипанкар молча поднял глаза на сияющее лицо Санаки-бабы. Его охватило удивительное спокойствие.

Санаки-баба был приятно удивлен.

– Славно, славно, – с веселой улыбкой сказал он, затем обратился к профессору: – А как поживает ваша суженая?

Баба хотел таким образом сделать комплимент его жене (обычно они посещали гуру вдвоем).

– О, она сейчас гостит у зятя в Барейли. Увы, не смогла приехать.

– В лагере все хорошо, не жалею, – сказал ему Санаки-баба. – Только вот с водой беда. Рядом Ганга, а здесь – ни капли воды!

Профессор – видимо, один из организаторов Мелы – ответил наполовину заискивающим, наполовину уверенным тоном:

– Все идет так гладко благодаря вашей доброте и милости, бабаджи. Я немедленно узнаю, что можно сделать насчет воды. – Однако он никуда не ушел, а продолжал сидеть и с обожанием глядеть на Санаки-бабу.

11.9

Санаки-баба повернулся к Дипанкару и спросил:

– Где вы будете жить всю неделю, пока идет Пул Мела?

– У меня дома, в Брахмпуре, – ответил господин Майтра.

– И каждое утро ехать в такую даль? Нет-нет, остановитесь лучше в моем лагере, так вы сможете трижды в день купаться в Ганге. Идите-ка за мной! – Он засмеялся. – Видите, я в плавках. Это потому, что я чемпион по плаванию Пул Мелы. А какая нынче выдалась Мела! С каждым годом народу все больше, а раз в шесть лет вот такое столпотворение происходит. Здесь тысяча старцев: Рамджап-баба, Тота-баба, даже Машинист-баба. Кто из них в самом деле познал истину? И познал ли ее хоть кто-нибудь? Понимаю ваше смятение. И вижу, что вы в

самом деле в поиске. – Он взглянул на Дипанкара и милостиво продолжал: – Вы найдете то, что ищете, но вот когда – этого вам никто не скажет. – Он обратился к господину Майтре: – Можете оставить его здесь. У него все будет хорошо, не волнуйтесь. Как, говорите, его зовут? Дивьякар?

– Дипанкар, бабаджи.

– Дипанкар. – Он произнес это слово с большой нежностью, и Дипанкар вдруг почувствовал удивительный прилив радости. – Дипанкар, говори со мной по-английски, пожалуйста, – мне нужно выучить этот язык. Я очень плохо его знаю. Иногда слушать мои проповеди приходят иностранцы, поэтому я хочу научиться проповедовать и медитировать по-английски.

Господин Майтра больше не мог сдерживаться – слишком долго он терпел.

– Баба, моя душа не знает покоя! Как мне быть? Подска-жите!

Санаки-баба с улыбкой поглядел на него и сказал:

– Я подскажу один безотказный способ.

Господин Майтра воскликнул:

– Расскажите сейчас, пожалуйста!

– Все очень просто. Твоя душа обретет покой.

Он провел рукой по голове господина Майтры – спереди назад, задевая кончиками пальцев кожу лба, – а затем спросил:

– Полегчало?

Господин Майтра улыбнулся и ответил:

– О да! – А потом с досадой затараторил: – Я твержу имя Рамы и перебираю четки, как вы и велели. Тогда на меня находит спокойствие, но потом в голову снова начинают лезть всякие мысли. – Он изливал Санаки-бабе свою душу, не обращая никакого внимания на профессора. – Мой сын... он не хочет жить в Брахмпуре! Ни в какую! Вот опять продлил рабочий контракт на три года, с моего согласия... но я ведь не знал, что он строит себе дом в Калькутте! Там он и останется, когда выйдет на пенсию. А мне что, ехать к нему в Калькутту, ютиться там, как бедному родственнику? Он уже не тот, что прежде. Мне очень обидно.

Санаки-баба с довольным видом кивнул:

– Разве я тебе не говорил, что твои сыновья не вернуться? Ты тогда мне не поверил.

– Да, говорили. И что мне теперь делать?

– А зачем тебе сыновья? Сейчас в твоей жизни настала пора санньясы – самоотречения.

– Но мне нет покоя!

– Санньяса – это и есть покой.

Господина Майтру эти слова не убедили.

– Мне нужен какой-нибудь способ! – взмолился он.

– Я тебе подскажу, подскажу, – принялся успокаивать его Санаки-баба. – В следующий раз.

– Почему не сегодня?

Санаки-баба осмотрелся по сторонам:

– Лучше приходи в другой день. Когда захочешь.

– А вы не уедете?

– Нет, я пробуду здесь до двадцатого.

– Можно, я приду семнадцатого? Или восемнадцатого?

– Народу будет очень много, это ведь дни омовения при полной луне, – с улыбкой сказал Санаки-баба. – Приходи лучше утром девятнадцатого.

– Утром, хорошо. А во сколько?

– Утром девятнадцатого... В одиннадцать.

Господин Майтра просиял, узнав точное время обретения душевного покоя.

– Непременно буду! – приподнято сказал он.

– А куда дальше пойдешь? – спросил его Санаки-баба́. – Дивьякара можешь оставить здесь.

– Хочу посетить Рамджапа-бабу́ на том берегу. Я на джипе, так что поедем по четвертому понтонному мосту. Два года назад я у него уже был, и он меня узнал, представляете? А ведь до этого я не посещал его лет двадцать! Лагерь он тогда разбил прямо на воде, на плавучей платформе, и идти к нему приходилось вброд.

– Памьять у ниво отличная, – пояснил Санаки-баба́ по-английски, обращаясь к Дипанкару. – Старый, очень старый святой. Худой как палка.

– Ну вот, стало быть, сейчас я поеду к Санаки-баба́, – сказал господин Майтра, вставая. Санаки-баба́ оторопел.

– У него лагерь на другом берегу Ганги, – пояснил, нахмурившись, господин Майтра.

– Так ведь Санаки-баба́ – это я!

– Ах да. Простите. А того как зовут?..

– Рамджап-баба́.

– Точно, точно, Рамджап-баба́.

С этими словами господин Майтра отбыл, а красивая Пушпа отвела Дипанкара в другую палатку, где на песке лежал соломенный тюфяк – его постель на всю следующую неделю. Ночи стояли жаркие, поэтому одной простыни было вполне достаточно.

Пушпа ушла проводить раджу Марха в шатер Санаки-бабы́.

Дипанкар сел и принялся за чтение Шри Ауробиндо, но ему не сиделось на месте: примерно через час он решил найти Санаки-бабу́ и не отходить от него ни на шаг.

Санаки-баба́ оказался человеком практичным и заботливым, а еще – жизнерадостным, энергичным и начисто лишенным диктаторских замашек. Время от времени Дипанкар осторожно его разглядывал. Санаки-баба́ иногда задумчиво хмурил лоб. У него была могучая шея, как у быка, темная кудрявая поросль на бочкообразной груди и компактное брюшко. На голове волос почти не было, только задорный вихор на лбу и немного редких волос по бокам. Коричневая овальная плешка сверкала в июньском солнце. Иногда, внимательно кого-нибудь слушающая, он забавно приоткрывал рот. Замечая на себе внимательный взгляд Дипанкара, он всякий раз ему улыбался.

Еще Дипанкару очень понравилась Пушпа: заговаривая с нею, он принимался яростно моргать. Она же, заговаривая с ним, всегда делала серьезное лицо и серьезный голос.

Время от времени в лагерь Санаки-бабы́ вламывался раджа Марха и всякий раз яростно ревел, если не обнаруживал святого на месте. Кто-то шепнул ему на ушко, что Дипанкар здесь на особом положении, и во время проповедей раджа сверлил его кровожадным взглядом.

Дипанкар пришел к выводу: раджа очень хочет, чтобы его любили, но не знает, как заслужить любовь окружающих.

11.10

Дипанкар плыл в лодке на другой берег Ганга.

Какой-то старик, брамин с отметкой касты на лбу, громко о чем-то разглагольствовал под плеск весел. Он сравнивал Брахмпур с Варанаси, описывал слияние великих рек в Аллахабаде, Хардвар и остров Сагар в дельте Ганга.

– В Аллахабаде голубые воды Ямуны встречаются с коричневыми водами Ганги – как Рама встречается с Бхаратой⁴⁹, – с благочестивой убежденностью говорил он.

---

⁴⁹ *Бхарата* – герой «Рамаяны», сводный брат Рамы. Правил страной от имени Рамы, а по возвращении брата из изгнания добровольно уступил ему царство.

– А как же третья река, Тривени? – спросил Дипанкар. – И с кем вы сравнили бы реку Сарасвати?

Старик с досадой посмотрел на Дипанкара:

– А ты сам откуда?

– Из Калькутты, – ответил Дипанкар; злить старика в его планы не входило, и вопрос он задал из подлинного интереса.

– Хм-мх! – фыркнул тот.

– А вы откуда? – спросил Дипанкар.

– Из Салимпуре.

– Где это?

– В округе Рудхия, – отвечал старик, нагибаясь и разглядывая свои изуродованные ногти на больших пальцах ног.

– А Рудхия – это где?

Старик недоуменно воззрился на Дипанкара.

– Далеко? – продолжал расспрашивать его Дипанкар, сообразив, что без навводящих вопросов тот не ответит.

– В семи рупиях отсюда.

– Все, приехали! – завопил лодочник. – Мы на месте! Вылезайте, люди добрые, купайтесь вволю и молитесь за всех! И за меня тоже.

– Ты не туда нас привез! – возмутился старик. – Я уже двадцать лет сюда приезжаю, меня не обманешь! Вон то место! – Он ткнул пальцем в вереницу лодок на берегу.

– Тоже мне, полицейский без формы! – с отвращением проворчал лодочник, но все-таки заработал веслами и подплыл к указанному месту.

Там уже купалось несколько человек: вода была им по пояс. Плеск и напевы купающихся сливались со звоном храмового колокола. В мутной воде плавали бархатцы и лепестки роз, размокшие листовки, солома, обертки от спичечных коробков цвета индиго и пустые свертки из листьев.

Старик разделся до лунги, явив миру священный шнур, протянувшийся от левого плеча до правого бедра, и принялся еще громче призывать паломников к купанию.

– Хана ло, хана ло!⁵⁰ – вопил он, от волнения путая местами согласные.

Дипанкар разделся до нижнего белья и прыгнул в воду.

Вода не показалась ему чистой, но он все же поплескался в ней минуту-другую. По какой-то неясной причине самое священное из мест для омовений увиделось ему не таким привлекательным, как то, куда пытался пристать лодочник. Там ему даже хотелось нырнуть в воду с головой. Старик, впрочем, был вне себя от счастья и восторга. Он присел на корточки, чтобы целиком оказаться в воде, набрал ее в ладони и выпил, как можно более низким голосом и как можно чаще твердя: «Хари Ом!» Остальные паломники вели себя примерно так же. Мужчины и женщины радовались прикосновениям священной Ганги, как младенцы радуются материнским ласкам, и кричали: «Ганга Мата ки джаи!»⁵¹

– О Ганга! О Ямуна! – возопил старик, поднял сложенные чашей ладони к солнцу и стал напевать:

О Ганг! О Ямуна! Сарасвати! Годвари!
Нармада, Кавери и Инд!
Явите в божественных водах
Свои отраженья!

---

⁵⁰ Искупайтесь, совершите омовение! (хинди)

⁵¹ «Да здравствует Мать-Ганга!» (хинди)

По дороге обратно он сказал Дипанкару:

– Так ты впервые окунулся в Гангу с тех пор, как приехал в Брахмпур?

– Да, – кивнул Дипанкар, не понимая, откуда старик это знает.

– А я вот каждый день совершаю омовения – по пять-шесть раз, – не без хвастовства продолжал старик. – Сейчас ненадолго окунулся, а могу по два часа в воде проводить, и днем, и ночью. Мать-Ганга смывает с нас все грехи.

– Видно, вам есть что смывать, – заметил Дипанкар (фамильное ехидство Чаттерджи вдруг дало о себе знать).

Старик потрясенно выпучил глаза: что за неуместная шутка?! Святотатство!

– А вы дома разве не купаетесь? – с ядовитым упреком спросил он Дипанкара.

– Купаемся, конечно! – засмеялся Дипанкар. – Но не по два часа подряд. – Он вспомнил ванную Куку и заулыбался. – И не в реке.

– Не говори «река», – одернул его старик. – Называй ее Ганга или Ганга-Мата. Это не простая река.

Дипанкар кивнул и с удивлением заметил слезы в его глазах.

– От ледяной пещеры Гомукх⁵², что лежит в пасти ледника, до океана вокруг озера Сагар прошел я вдоль берегов Матери-Ганги, – сказал старик. – Даже с закрытыми глазами я понимал, где нахожусь.

– Вы определяли это по языкам народов, что встречались вам на пути? – смиренно спросил Дипанкар.

– Нет! Я узнавал места по воздуху в моих ноздрях. Разреженный острый воздух ледника, хвойный бриз ущелий, запах Хардвара, вонь Канпура, ни с чем не сравнимые ароматы Праяга и Варанаси... и далее, вплоть до влажного соленого воздуха Сундарбана и Сагара.

Он закрыл глаза и пытался воскресить в памяти эти картины. Его ноздри затрепетали, а недовольное лицо озарила умиротворенная улыбка.

– В следующем году я опять совершу восхождение, – сказал он. – От Сагара в дельте Ганги к заснеженным пикам Гималайских гор, на ледник Гомукх, к открытой пасти ледяной пещеры на великой вершине Шивлинг... Тогда круг замкнется, и я совершу полную парикраму⁵³ Ганги... ото льда к соли, от соли ко льду. В следующем году, да, в следующем году соль и лед, несомненно, остановят порчу моей души!

11.11

Наутро Дипанкар заметил среди собравшихся в шатре несколько озадаченных иностранцев – интересно, что они думают о происходящем, каково им? Они ведь ни слова не понимают из проповедей и бхаджанов! Впрочем, красивая, немножко курносая Пушпа вскоре подросла им на помощь.

– Панимайти, – сказала она по-английски, – идея очень проста: все, что есть у нас, мы складываем к лотосовым стопам Владыки.

Иностранцы оживленно закивали и заулыбались.

– А съезд я должна вам сказать, что скоро будет мадитация на английском от самого Санаки-бабы.

---

⁵² Гомукх («морда коровы», санскр.) – исток Ганга. Находится в леднике Ганготри, одном из самых крупных ледников Гималайских гор.

⁵³ Парикрама – «путь вокруг чего-то» (букв. санскр.), ритуальный обход святыни в индуизме и буддизме.

Однако Санаки-баба оказался не в настроении проводить сеанс. Он болтал без умолку и обо всем подряд с профессором и молодым проповедником, причем все трое сидели на покрытой белой тканью платформе. Пушпе это не понравилось.

Заметив ее недовольство, Санаки-баба сдался и провел-таки урезанную медитацию: закрыл глаза на пару минут и велел всем сделать то же самое. Затем произнес долгое «Ом». Наконец уверенным и безмятежным тоном, делая длинные паузы между фразами и чудовищно коверкая английские слова, произнес:

– Река света, река любви, лека браженства... Втяните надрями фостух и пачувстуйти в себе вьесь мир и вирховное сашество... Теперь вы ащутити только льегкость и браженство. Чьувстуйти, ни думайти...

Вдруг он встал и запел. Кто-то принялся отбивать ритм на табла, а кто-то застучал в маленькие цимбалы. Санаки-баба начал танцевать. Увидев Дипанкара, он сказал:

– Вставай, Дивьякар, вставай и танцуй с нами! И вы, дамы, вставайте. Матаджи, вставай, вставай.

Он поднял на ноги вялую пожилую женщину лет шестидесяти, и вскоре та уже всюю отплясывала. Затанцевали и остальные женщины, а потом подключились два иностранца – плясали они бойко и с большим удовольствием. Зажигательный танец увлек всех присутствующих, причем каждый танцевал сам по себе и вместе с остальными, благостно улыбаясь. Даже Дипанкар, никогда не любивший танцевать, закружился на месте под бой цимбал и таблы, вторя как одержимый имя Кришны, Кришны, возлюбленного Радхи, Кришны...

Цимбалы, табла и песнопения умолкли, и танец прекратился так же внезапно, как начался.

Санаки-баба благосклонно улыбался всем вокруг и потел.

Пушпа хотела сделать какое-то объявление, а перед этим окинула публику взглядом и сосредоточенно нахмурилась. Несколько секунд она собиралась с мыслями, а потом произнесла с легкой укоризной в голосе:

– Съедайте у вас танцы, мадитации, санкиртан и проповедьи. И любовь. А потом вы вернетесь на заводы и в офисы, и тогда что? Тогда бабаджи уже не будет с вами рядом физически. Поэтому нельзя привыкать к танцам и духовным практикам. Если привыкнете, от них нет пользы. Нужно научиться принимать «сакши бхава», позицию свидетеля, иначе какой в этом смысл?

Пушпа явно была не слишком довольна происходящим. Она объявила, что пришло время обеда, напомнила, что завтра Санаки-баба будет выступать в полдень перед огромной аудиторией, и подробно рассказала, как добраться до сцены.

Обед был простой, но вкусный: творог, овощи, рис и расмалай⁵⁴ на десерт. Дипанкару удалось сесть рядом с Пушпой. Все ее реплики казались ему безмерно мудрыми и предельно очаровательными.

– Я раньше работала в школе, – сказала она Дипанкару на хинди. – Я была привязана к огромному количеству вещей и людей. А потом мне подвернулась эта возможность, и баба сказал: «Давай, у тебя получится, ты сможешь все организовать», и я стала свободна как птица. Молодежь – не глупая, – убежденно добавила она. – Некоторые религиозные деятели, садху, уничтожают нашу энергию. Им подавай больше денег, больше последователей, полный контроль. А с бабаджи я свободна. У меня нет начальства, никто мне не указ. Даже у чиновников ИАС, даже у министров есть начальство. Даже у премьер-министра! Он ведь служит народу.

Дипанкар усердно кивал.

---

⁵⁴ *Расмалай* – бенгальский десерт, творожные шарики в молочном сиропе.

Внезапно он ощутил неудержимое желание отречься от всего – от Шри Ауробиндо, от особняка Чаттерджи, от работы в банке, от своей хижины под деревом бобовника, от всех Чаттерджи включая Пусика – и зажить привольно, без начальства, как птица.

– Вы совершенно правы, – сказал он, изумленно глядя на Пушпу.

11.12

Открытка № 1

Дорогой дада!

Лежу на соломенном тюфяке в палатке на берегу Ганги и пишу тебе письмо. Здесь жарко и шумно, потому что из репродукторов постоянно несутся бхаджаны, киртаны и всевозможные объявления, а еще гудят проходящие мимо частые поезда, но на душе у меня царит покой. Я нашел свой Идеал, дада. Еще в поезде, добираясь сюда, я чувствовал, что именно в Брахмпуре мне откроется, кто я на самом деле и в каком направлении должен двигаться дальше, и у меня даже появилась надежда, что здесь я найду свой Идеал. Но поскольку единственная девушка из Брахмпуре, которую я знаю, – это Лата, я волновался, как бы не она оказалась моим Идеалом. Отчасти поэтому я не торопился навестить ее родных и решил встретиться с Савитой и ее мужем Праном только после окончания Пул Мелы. Но теперь я спокоен.

Ее зовут Пушпа, и она воистину цветок! Но человек она серьезный; на свадьбе во время пушпа-лилы мы, наверное, будем забрасывать друг друга идеями и чувствами, хотя я готов осыпать ее лепестками роз и жасмина. Как говорит Роби-бабу́:

... что меня одного ожидала твоя любовь,
пробудившись, блуждая по мирам и векам...

Правда ли это?

Что мой голос, губы, глаза во мгновение ока
в жизненных бурях приносили тебе облегченье...

Правда ли это?

Что мой лоб, как открытую книгу, ты
читаешь и видишь бездонную истину...

Правда ли это?

Однако мне для счастья довольно даже просто смотреть на нее и слушать ее речи. Мне кажется, я превозмог физическое влечение, вышел за его пределы. В Пушпе меня больше всего восхищает ее Женское Начало.

Открытка № 2

Какая-то мышка скребется у моих ног, и минувшей ночью я проснулся от этого шороха – и от собственных мыслей, конечно. Но это все «лила», игра Вселенной, и я рад предаться этой игре. Увы, первая открытка моментально закончилась, и я продолжаю на второй из двух дюжин открыток, которые ма уговорила меня взять с собой.

Да, кстати, прошу прощения за ужасный почерк. Вот Пушпа очень красиво пишет. Я видел, как она записала мое имя по-английски в журнал регистрации – над моей «i» она вместо точки нарисовала загадочный полумесяц.

Как поживают ма, баба́, Минакши, Куку, Тапан и Пусик, как ты сам? Я пока что не успел по вам соскучиться и, думая о вас, стараюсь любить отстраненно и незаинтересованно. Я не скучаю даже по своей тростниковой хижине, где так любил медитировать – или «мадитировать», как говорит Пушпа (у нее очаровательный акцент и теплая улыбка). Она считает, что мы должны быть свободны – свободны, как птицы в небе, – и я решил после Мелы отправиться в странствие по всему свету: по-настоящему познать свою душу во всей...

Открытка № 3

...ее Полноте и Сущность Индии. Посещение Пул Мелы помогло мне уяснить, что истинный Духовный Источник Индии – не Ноль, не Единство, не Дуализм и даже не Триада, а сама Бесконечность. Если б я знал, что Пушпа согласится, я позвал бы ее странствовать со мной, но она верна Санаки-бабе́ и решила посвятить ему всю свою жизнь.

А ведь я до сих пор не рассказал тебе, кто он такой. Это святой, баба́, в лагере которого я живу на песках Ганги. Господин Майтра привез меня к нему в гости, и Санаки-баба́ решил, что я должен остаться у него. Он человек очень мудрый, ласковый и веселый. Господин Майтра рассказал ему о своем несчастье и непокое, и Санаки-баба́ сумел облегчить его страдания, а позже обещал рассказать, как правильно медитировать. Когда господин Майтра ушел, бабаджи повернулся ко мне и сказал: «Дивьякар, – он почему-то любит называть меня Дивьякаром, – если я в темноте случайно стукнусь об стол, то виноват в этом будет не стол, а отсутствие света. В старости очень многое причиняет нам боль, а все почему? Потому что свет медитации не озаряет нашу жизнь». – «Но медитация, баба́, – дело нелегкое, – сказал я. – А вы говорите так, будто это проще простого». – «А засыпать – это просто?» – спросил он. «Да», – ответил я. «Но не для тех, кто страдает бессонницей. Вот и медитировать тоже просто, нужно только вспомнить, как легко тебе это давалось раньше».

Итак, я решил обрести былую легкость. Уверен, что найду ее на берегах Ганги.

Вчера я встретил одного старика, который рассказал, что прошел по всему...

Открытка № 4

...берегу Ганги от Гомукха до Сагара, и я загорелся последовать его примеру. Быть может, я даже отпущу волосы, отрекусь от материальных благ и приму санньясу. Санаки-бабу́ заинтересовало, что баба́ (как легко запутаться во всех этих «баба́х»!) – судья Высокого суда, но однажды – по другому поводу – он сказал, что в конце концов даже те, кто живет в роскошных особняках, обращаются в пыль и в этой пыли купаются ослы. Его слова открыли мне глаза. Тапан позаботится о Пусике в мое отсутствие, а если не он, так кто-нибудь другой. Помню одну песню, которую мы пели в школе Джжил: «Акла Чоло Ре» Рабиндраната Тагора. В то время она казалась мне абсурдной, даже когда ее пели хором четыреста человек. Но теперь я и сам решил «странствовать один», это стало моей целью в жизни, и я без конца напеваю себе под нос эти строки (хотя Пушпа иногда просит меня перестать).

Здесь царит такой мир и покой! Ни намека на злобу, которую иногда вызывают в людях разговоры о религии (как, например, на той лекции в Обществе Рамакришны). Я подумываю показать Пушпе свою писанину на духовные темы. Если встретишь Гемангини, пожалуйста, попроси ее перепечатать мои заметки о Пустоте в трех экземплярах; копии, сделанные через копируку, пачкают пальцы, и я не хочу, чтобы Пушпа портила глаза, разбирая мои каракули.

Открытка № 5

Каждый день здесь так много узнаешь, горизонты поистине бесконечны и с каждым днем становятся все шире. Прямо представляю, как над всеми песками Мелы раскидывается пул⁵⁵ кроны священного фикуса, подобный зеленой радуге, что встает над Гангой и соединяет южный спуск с северным пляжем, переносит души на другой берег и оживляет наш грязный серый мир своей обильной зеленью. Все поют: «Ганге ча, Ямуна чайва»⁵⁶ – этой мантре нас научила госпожа Гангули вопреки недовольству ма, и я тоже пою ее вместе со всеми!

Помню, дада, как ты однажды рассказывал, что при создании романа ты вдохновлялся Гангой с ее притоками, рукавами и прочим, но теперь до меня дошло, что эта аналогия даже уместней, чем ты думал. Ибо, хоть тебе и придется взвалить на себя дополнительное бремя семейных финансов (поскольку я, увы, не смогу тебе в этом помогать) и на завершение романа потребуются еще несколько лет, ты должен расценивать это новое течение своей жизни как Брахмапутру. Пусть оно и ведет тебя в другом направлении, но рано или поздно оно своими путями, незримыми для нас, впадет в широкую Гангу твоего воображения. По крайней мере, я на это надеюсь. Конечно, я понимаю, как много для тебя значит творчество, но, в конце концов, что такое роман в сравнении с Поискem Истины?

Открытка № 6

Теперь, исписав целую стопку открыток, я не могу решить, как их лучше отправить. Ведь если я пошлю их по отдельности – представляешь, на Пул Меле есть даже собственное почтовое отделение! организовано все просто потрясающе, – они придут в случайном порядке и только собьют всех с толку. Мою мешанину бенгальского и английского и так сложно разобрать, тем более писать неудобно – стола нет, под открытку я подкладываю книгу Шри Ауробиндо и пишу. Но я боюсь, что тебя лишит равновесия моя весть о том, в каком направлении я решил двигаться дальше (а в каком – совершенно точно не двигаться). Прошу тебя, попытайся понять, дада. Быть может, тебе придется взять на себя эти обязанности на годик-другой, а потом я вернусь и отпущу тебя. Впрочем, ничего не могу обещать, это не окончательный мой ответ, ибо каждый день я узнаю что-то новое. Как говорит Санаки-баба, «Дивьякар, в твоей жизни настал переломный момент». И ты просто не представляешь, как очаровательна Пушпа, когда произносит эти слова: «Вибрации подлинных чувств рано или поздно сходятся в одной Точке Фокуса». Быть может, написав

---

⁵⁵ Пул – мост (хинди).

⁵⁶ Начало мантры для освящения воды: «Пусть святые воды Ганги и Ямуны...»

все это, я и не захочу ничего тебе посылать. Решу это позже – или дело решится само собой.

Мира и любви всем вам и благословения от бабы. Пожалуйста, заверь маму, что у меня все хорошо.

Всегда улыбайся!

Дипанкар

11.13

Тьма опустилась на пески. Палаточный город светился тысячей огоньков и костров. Дипанкар пытался уговорить Пушпу показать ему Мелу.

– Да мне и самой ничего неизвестно о мире за пределами лагеря! – упиралась она. – Лагерь бабы – вот весь мой мир. Прогоуляйся сам, Дипанкар, – сказала она почти ласково. – Лети на огни, что так манят и завораживают.

Как цветисто она изъясняется, подумал Дипанкар. Это был его второй вечер на Пул Меле, и ему очень хотелось все увидеть. Он выбрался из лагеря, постоял у одной толпы, потом у другой – словом, шел, куда глядят глаза и зовет любопытство. Миновал ряд торговых палаток (все они уже закрывались на ночь), где продавали домотканое полотно, браслеты, побрякушки, киноварь, сладкую вату, конфеты, продукты и священные книги. Оставил позади несколько лагерей, где пилигримы лежали на одеялах, просто на расстеленной на песке одежде или готовили еду на огне. Дипанкар увидел процессию из пятерых обнаженных, измазанных золой садху – с трезубцами в руках они брели к Ганге совершать омовение. Затем он присоединился к большой толпе, смотревшей спектакль о жизни Кришны, который давали в шатре у палатки с домотканым полотном. Вдруг откуда-то выскочил белый щенок, цапнул его игриво за штаны, помахал хвостом и попытался цапнуть за пятку. Делал он это весьма настойчиво, пусть и не так агрессивно, как Пусик. Чем больше Дипанкар крутился на месте, пытаясь увернуться от его зубов, тем больше щенок приходил в раж. В конце концов два проходивших мимо садху, увидев, что происходит, швырнули в щенка облако песка, и тот убежал прочь.

Ночь была теплая. В небе висела старая, освещенная больше чем на половину Луна. Дипанкар шел дальше, бездумно и без всякой цели. Пересекать Ганг он не стал и решил подольше побродить по южному берегу.

Обширные участки песков Пул Мелы были отведены под лагерь различных сект и йогических орденов. Некоторые из этих групп – так называемые акхары – славились своей строгой, почти воинской дисциплиной, и именно их садху образовывали самую эффектную часть традиционного шествия через Ганг, происходившего каждый год в великий день омовения при полной луне. Различные акхары соперничали за место поближе к Гангу, за первые места в процессии и соревновались в пышности и богатстве убранства. Порой они прибегали к насилию.

Дипанкар рискнул пройти в открытые ворота одной из таких акхар и сразу же отчетливо ощутил висевшее в воздухе напряжение. Однако многие паломники – с виду отнюдь не садху – тоже свободно входили в лагерь, и Дипанкар решил остаться.

То была акхара ордена шиваистов. Садху сидели группами возле едва тлевших костров, рядами уходивших в далекую дымную глубину лагеря. Тут же торчали воткнутые в землю трезубцы; одни были увиты гирляндами из бархатцев, другие увенчаны барабанчиком дамару – любимым музыкальным инструментом бога Шивы. Садху передавали друг другу глиняные трубки, и в воздухе стоял сильный запах марихуаны. Дипанкар все глубже и глубже проникал в акхару, а потом резко остановился: в дальнем конце лагеря под покровом густейшего дыма сидели несколько сот молодых людей в коротких белых набедренных повязках, с обритыми наголо головами. Они сгрудились вокруг огромных чугунных котлов, словно пчелы, облепив-

шие улья. Дипанкар не знал, что происходит, но его вдруг охватили страх и трепет – будто он ненароком стал свидетелем некоего священного обряда, не предназначенного для посторонних глаз.

В самом деле, не успел он повернуть обратно, как обнаженный садху, направив трезубец прямо ему в сердце, грудным голосом произнес:

– Уходи.

– Да я только...

– Вон! – Голый садху указал трезубцем на ту часть акхары, откуда пришел незванный гость.

Дипанкар развернулся и быстро зашагал прочь, почти побежал. Ноги его внезапно стали ватными и полностью лишились сил. Наконец он добрался до выхода из акхары. Он неудержимо закашлял – в горле застрял дым, – согнулся пополам и схватился за живот.

Вдруг его сшибли с ног ударом серебряного жезла. Мимо двигалось шествие, а Дипанкар стоял у них на пути. Он поднял голову, увидел ослепительный промельк шелков, парчи и расшитых туфель – и все исчезло.

Он не столько ушибся, сколько был ошарашен и никак не мог отдышаться. Все еще сидя на шершавых циновках, устилавших пески акхары, он стал озираться по сторонам и увидел рядом с собой группу из пяти или шести садху. Они собрались вокруг небольшого костра, полного золы и углей, и курили ганджу. Время от времени они поглядывали на него и пронзительно посмеивались.

– Надо идти, мне пора, – по-бенгальски забормотал Дипанкар себе под нос, вставая.

– Нет-нет! – остановили его садху на хинди.

– Да. Мне пора. Ом намах Шивайя⁵⁷, – поспешно добавил он.

– Протяни-ка правую руку, – приказал ему один из садху.

Дипанкар, дрожа всем телом, повиновался.

Садху мазнул ему лоб пеплом и вложил щепотку пепла ему в ладонь.

– Съешь, – велел он.

Дипанкар отпрянул.

– Съешь, говорю. Чего моргаешь? Будь я тантрист, дал бы тебе мертвечины. Или чего похуже.

Остальные садху захихикали.

– Ешь! – приказал первый, убедительно глядя в глаза Дипанкару. – Это прасад – милостивый дар – самого Шивы. Его вибхути⁵⁸.

Дипанкар проглотил мерзкий порошок и скривился. Садху сочли это очень смешным и опять захихикали.

Один из них спросил Дипанкара:

– Если б дождь шел двенадцать месяцев в году, оставались бы русла рек и ручьев сухими?

Другой подхватил:

– Если б существовала лестница, ведущая на небо, остались бы люди на земле?

– Если б из Гокула в Дварку можно было позвонить по телефону, – спросил третий, – тревожилась бы Радха за Кришну?

Тут они все захохотали. Дипанкар не знал, что сказать.

Четвертый спросил:

– Если Ганга все еще течет из пучка волос Шивы, что мы все делаем в Брахмпуре?

Этот вопрос заставил их забыть о Дипанкаре, и он тихонько выбрался из акхары, сбитый с толку и встревоженный.

«Быть может, мне следует искать не Ответ, а Вопрос?» – гадал он.

⁵⁷ Одна из главных ведических мантр, в переводе означает «Поклоняюсь Благому (господу Шиве)».

⁵⁸ *Вибхути* – священный пепел в индуизме.

А снаружи все шло своим чередом. Толпы паломников двигались в сторону Ганги или от нее, из репродукторов неслись объявления о том, где потерявшиеся ждут родственников или друзей, бхаджаны и крики перемежались громким свистом поездов, непрерывно прибывающих на вокзал Пул Мелы, а луна поднялась в небо всего на несколько градусов.

11.14

– Что такого особенного в Ганга-Дуссере? – спросил Пран, когда все шли по пескам к понтонному мосту.

Старая госпожа Тандон повернулась к госпоже Капур:

– Он в самом деле не знает?

– Я ему точно рассказывала, – ответил госпожа Капур, – но из-за этой «ангрезийят», любви ко всему английскому, у него в голове ничего не держится.

– Даже Бхаскар знает, – заметила госпожа Тандон.

– Это потому, что ты ему рассказываешь.

– И потому, что он слушает, – важно добавила госпожа Тандон. – Нынешние дети таким не интересуются.

– Так меня кто-нибудь просветит? – с улыбкой спросил Пран. – Или это очередной пример чепухи на постном масле, выдаваемой за науку?

– Какие слова! – обиделась его мать. – Вина, не спеши ты так!

Вина и Кедарнат остановились и подождали остальных.

– Великий день, когда Джакну выпустил Гангу из своего уха и она упала на землю, назвали Ганга-Дуссерой. С тех пор его празднуют каждый год.

– Но все говорят, что Ганга течет из волос Шивы! – возразил Пран.

– То было раньше, – пояснила старая госпожа Тандон. – А потом она затопила священные земли Джакну, и он в гневе выпил ее воды. В конце концов он выпустил ее из своего уха, и она спустилась на землю. Вот почему Гангу называют Джакнави – дочкой Джакну. – Госпожа Тандон улыбнулась, представив себе и гнев мудреца, и счастливый исход тех событий. – А три или четыре дня спустя, – сияя, продолжала она, – в ночь полнолуния месяца джетха другой мудрец, покинувший свой ашрам, пересек Гангу по пипал-пулу – мосту из листьев священного фикуса. Вот почему это самый важный, самый священный и благоприятный день для омовений.

Госпожа Капур не согласилась. Каждому известно, что легенда о Пул Меле – чистой воды вымысел. Разве в Пуранах, Эпосе или Ведах упоминается эта история?

– Нет, но все знают, что так оно и было, – ответила госпожа Тандон.

Они подошли к кишашему людьми понтонному мосту. Народу здесь собралось столько, что движение почти остановилось.

– И где же об этом написано? – упорствовала госпожа Капур. Она немного запыхалась, но говорила с большим чувством. – Откуда мы знаем, что это правда? Лично я не верю. И никогда не полезу в толпы суеверных, желающих совершить омовение в Джетх-Пурниму – ночь полнолуния. Считаю, что это может принести только несчастье.

У госпожи Капур было очень твердое мнение насчет религиозных праздников. Она не верила даже в Ракхи, полагая, что единственный праздник, по-настоящему прославляющий священные родственные узы между братьями и сестрами, это Бхай-Дудж.

Старая госпожа Тандон не захотела ссориться со своей самдхиной, тем более на глазах остальных родственников – и тем более когда они пересекали Гангу, – и потому смолчала.

11.15

На северном берегу Ганги, по другую сторону понтонных мостов толпы были поменьше, да и палаток стояло не так много. Идти зачастую приходилось по рыхлому песку. С очередным порывом ветра песок полетел прямо на паломников, с трудом пробирающихся на запад, к платформе Рамджапа-бабы.

Пятеро были лишь малой частью длинной процессии путников,двигающихся в том же направлении. Вина и остальные женщины прикрывали лица свободными краями сари, Пран и Кедарнат – носовыми платками. К счастью, астма Прана пока не давала о себе знать, хотя хуже условий для астматика нельзя было и придумать. Наконец длинная тропа привела компанию к тому месту, где ярдах в пятидесяти от берега реки возвышалась на деревянных и бамбуковых опорах крытая тростником, украшенная листьями и гирляндами из бархатцев и окруженная многотысячной ордой паломников платформа Рамджапа-бабы. Здесь святой жил и во время фестиваля, и после него, когда платформа превращалась в остров. Целыми днями он только и делал, что твердил имя Господа: «Рама, Рама, Рама, Рама» – почти непрерывно в часы бодрствования и иногда даже во сне (чем и заслужил свое прозвище).

Аскеза и то, что люди принимали за добродетельность, помогли Рамджапу-бабэ обрести всенародную славу и могущество. Паломники с сияющими глазами преодолевали многие мили по пескам ради того, чтобы хоть мельком его увидеть. Вот уже тридцать лет подряд с июля по сентябрь, когда Ганга плескалась под опорами платформы, они приплывали к нему на лодках. Рамджап-баба приезжал в Брахмпур к началу Пул Мелы, затем ждал, пока воды сомкнутся вокруг его дома, а четыре месяца спустя, когда Ганга возвращалась в свое русло, уезжал. Таков был его квадриместер, или чатурмас, хотя, строго говоря, он не совпадал с четырьмя месяцами сна богов.

Что люди в нем видели и что от него получали – трудно сказать. Порой он с ними разговаривал, порой нет, порой благословлял их, порой нет. Этот иссохший, согбенный, худой как палка человек с морщинистой кожей, выдубленной до черноты солнцем и ветром, сидел на корточках на дощатом настиле своей платформы: колени у самых ушей, вытянутая голова едва виднелась за перилами. У него была белая борода, спутанные черные волосы и глубоко запавшие глаза, почти незряче смотревшие поверх огромного скопища людей, словно то были не люди, а мириады песчинок или капель воды.

Паломников – многие из которых сжимали в руках «Шри Бхагават Чарит», издание в желтой обложке, которое продавали здесь, на фестивале, – сдерживали молодые волонтеры, которыми управлял при помощи жестов пожилой господин в очках, похожий на ученого, занимавшийся всеми организационными вопросами. Он много лет посвятил государственной службе, но покинул высокий пост ради служения Рамджапу-бабэ.

Одна иссохшая рука хрупкого, тощего Рамджапа-бабы легла на перила, и ею он благословил людей, которым дозволили выйти вперед и получить его благословение. Иногда он что-то едва слышно шептал, иногда просто смотрел перед собой. Волонтеры с трудом сдерживали огромную толпу и уже охрипли от криков: «Назад! Все назад! Бабаджи прикоснется только к одной вашей книге, берите строго по одной!»

Старец изнуренно опускал средний палец правой руки на книгу.

– По порядку, соблюдаем очередь! Да, я знаю, что вы студент из Брахмпуре с двадцатью пятью друзьями, пожалуйста, дождитесь очереди... сядьте, сядьте... назад, матаджи, пожалуйста, назад, нам и так нелегко!

Со слезами на глазах и протянутыми в мольбе руками толпа подалась вперед. Одни хотели получить благословение, другие – просто поближе взглянуть на Рамджапа-бабу, третьи несли ему дары: миски, пакеты, книги, бумагу, зерно, сладости, фрукты, деньги.

– Кладите прасад в эти большие корзины... прасад кладем в корзины... – сипло твердили волонтеры. Рамджап-баба освящал дары, после чего их вновь раздавали людям.

– Почему он так знаменит? – спросил Пран стоявшего рядом человека, надеясь, что родственники его не услышат.

– Не знаю, – ответил тот. – В свое время он много чего сделал. Народ его любит, вот и все. – Незнакомец попытался протолкнуться вперед.

– Говорят, он целый день бормочет имя Рама. Зачем?

– Только долгим и упорным трением можно высечь искру и получить желаемый свет.

Пока Пран обдумывал его ответ, господин в толстых очках, который был тут за главного, подошел к госпоже Капур и низко ей поклонился.

– Вы решили почтить нас своим присутствием? – удивленно и благоговейно сказал он. – А ваш супруг? – Проработав много лет в правительстве, он знал госпожу Капур в лицо.

– Он... нет, он не смог прийти, очень много работы. Можно нам?.. – робко спросила госпожа Капур.

Господин в очках сходил к платформе, сказал кому-то пару слов и вернулся.

– Бабаджи очень рад, что вы пришли.

– Но можно ли нам подойти ближе?

– Я спрошу.

Через некоторое время он принес госпоже Капур три гуавы и четыре банана.

– Мы бы хотели получить благословение, – сказала та.

– Ах да, да, я все устрою.

В конце концов они подошли к платформе. Всех пятерых по очереди представили святому.

– Спасибо, спасибо, – сорвалось с тонких сухих губ старца.

– Госпожа Тандон...

– Спасибо, спасибо.

– Кедарнат Тандон и его жена Вина...

– А-а?

– Кедарнат Тандон с женой.

– А-а, спасибо, спасибо, Рама, Рама, Рама, Рама...

– Бабаджи, это Пран Капур, сын Махеша Капура, министра по налогам и сборам. А это супруга министра.

Баба покосился на Прана и устало повторил:

– Спасибо, спасибо.

Он выпростал палец и прижал его ко лбу Прана.

Однако, прежде чем их успели увести, госпожа Капур взмолилась:

– Баба, мой мальчик очень болен... с самого раннего детства страдает астмой. Теперь, когда вы к нему прикоснулись...

– Спасибо, спасибо, – сказала древнее привидение. – Спасибо, спасибо.

– Баба, теперь он будет исцелен?

Старец поднял палец, которым только что коснулся Прана, и ткнул им в небо.

– Баба, а что с его работой? Я так волнуюсь...

Святой подался вперед. Родня умоляла госпожу Капур не задерживать очередь.

– Работа? – очень тихо произнес старец. – Он служит Богу?

– Нет, баба, он претендует на университетскую должность... Он ее получит?

– Возможно. Все решит смерть. – Казалось, губы его открывались сами собой, и изнутри говорил другой дух.

– Смерть? Чья смерть, баба, чья? – Госпожа Махеш Капур обомлела от страха.

– Господь... твой Бог... наш Бог... он был... точнее, думал, что...

Кровь стыла в жилах от загадочных, неоднозначных слов святого. А вдруг умрет ее муж! В панике госпожа Капур запричитала:

– Ах, скажите мне, баба́, умоляю – умрет кто-то из моих близких?!

Баба́ вроде бы различил ужас в ее голосе, и некое подобие сострадания отразилось на кожаной маске его лица.

– Даже если так, для вас разницы уже не будет... – произнес он. Это стоило ему колоссальных усилий.

«Значит, он имеет в виду мою собственную смерть, – дошло до госпожи Капур. – Конечно, чью же еще!» Она с трудом, дрожащим и сдавленным голосом задала следующий вопрос:

– Умру я?

– Нет...

Рамджап-баба́ закрыл глаза. Облегчение и тревога охватили госпожу Капур, и она зашагала вперед. «Спасибо, спасибо», – раздавалось за ее спиной.

«Спасибо, спасибо», – шепот становился все тише и тише, по мере того как все пятеро (она сама, ее сын, его сестра, ее муж и его мать – объекты ее любви и, следовательно, постоянной тревоги) медленно вышли из толпы на открытые пески.

11.16

Санак-баба́ говорил с закрытыми глазами:

– Ом. Ом. Ом.

Владыка есть океан блаженства, а я – капля в этом океане.

Владыка есть океан любви, и я – его неотъемлемая часть.

Я неотъемлемая часть Владыки.

Втяните биврации своими ноздрями.

Вдохните и выдохните.

Ом алокам, Ом анандам⁵⁹.

Владыка – часть тебя, и ты – часть Владыки.

Вбери в себя весь мир и божественного учителя.

Исторгни дурное и скверное.

Чувствуй, а не думай.

Не чувствуй и не думай.

Это тело – не твое... этот разум – не твой... этот интеллект – не твой.

Христос, Мухаммед, Будда, Рама, Кришна, Шива: мантра есть анджапа джап⁶⁰, у Владыки много имен.

Музыка есть неслышные уху биврации. Пусть от музыки твои центры раскроются, словно прекрасные цветы лотоса.

Не плывите – парите.

Парите, как цветок лотоса по водной глади.

О'кей.

Сеанс медитации закончился. Санак-баба́ закрыл рот и открыл глаза. Медленно и неохотно медитирующие начали возвращаться в мир, который временно покинули. Снаружи лил дождь. На двадцать минут эти люди ощутили покой и единение в мире, не знавшем вражды и невзгод. Дипанкару казалось, что все, кто принимал участие в этой медитации, должны сей-

---

⁵⁹ Алока – свет, ананда – радость (хинди).

⁶⁰ Анджапа джап – название мантры «сохам» (санскр. «он это ты»). Джап – это молитва, а анджапа – то, в чем не перебираются имена Бога. То есть молитва, в которой связь с Богом устанавливается без повторения его имен.

час чувствовать лишь тепло и любовь к остальным. Потому его так сильно потрясло случившееся дальше.

Не успел сеанс закончиться, как профессор сказал:

– Можно вопрос?

– Почему нет? – оловело спросил Санаки-баба.

Профессор кашлянул.

– Мой вопрос – к мадам, – сказал он, делая упор на слове «мадам» и тем самым бросая ей вызов. – Эффект от вдоха и выдоха, о которых вы говорили, обусловлен оксигенацией или медитацией?

Сзади кто-то крикнул:

– На хинди спроси!

Профессор повторил то же самое на хинди.

Вопрос был необычный и не предполагал однозначного ответа, а растерянное «и то и другое» вряд ли удовлетворило бы вопрошающего. Меж тем никакого «и/или» здесь быть не могло, потому что оксигенация с медитацией (что бы это ни значило) никак друг другу не противоречили: одно другому не мешало. Очевидно, профессор считал, что Пушпа узурпировала слишком большую власть и стала слишком близка к бабаджи, а значит, ее следовало поставить на место, и подобный вопрос позволил бы уличить ее в невежестве или притворстве.

Пушпа подошла к Санаки-бабе и встала справа от него. Он вновь закрыл глаза и благостно улыбался (причем делал это в течение всего разговора).

Присутствующие (все, кроме бабы) не сводили глаз с Пушпы. Она заговорила по-английски, одухотворенно и гневно:

– Позвольте напомнить, что все вопросы следует задавать не «мадам», а только Учителю. Если мы здесь и учим людей, то делаем это его голосом, а переводим и говорим только потому, что его вибрации передаются через нас. «Мадам» ничего не знает. Поэтому все вопросы к Учителю. На этом все.

Строгость ее тона завороживала Дипанкара. Он взглянул на бабу: как тот ответит? Баба по-прежнему благостно улыбался и даже не изменил позы, в которой медитировал. Наконец он открыл глаза и сказал:

– Пушпа говорит правильно, и я прошу ее передать вам мои биврации.

На слове «биврации» снаружи сверкнула молния, а затем раздался громовой раскат.

Учитель вынуждал Пушпу ответить за него. Пытаясь справиться с гневом и стыдом, она прикрыла лицо краем сари.

Наконец она выпрямилась и начала оборону. Уставившись прямо в глаза профессору, она негодуя, искренне и запальчиво проговорила:

– Первым-перво я должна сказать, что все мы садхики, все мы учимся, даже в старости, и задавать следует только тот вопрос, который поистине важен. Не следует спрашивать только ради того, чтобы что-то спросить или уличить мадам, Учителя и кого бы то ни было. Если вас действительно волнует вопрос, задавайте, а если же нет, то вы не получите милости от гуру. Теперь я это прояснила и отвечу на ваш вопрос. Потому что я чувствую, что у нас могут возникнуть еще вопросы и мне следует с самого начала все прояснить.

Тут профессор хотел ее перебить, но она тут же его осадила:

– Дайте мне сказать и закончить. Я отвечаю на вопрос профессора-сахиба, в каком бы духе он ны был задан, так зачем же профессор-сахиб перебивает? Значит, я не ученый по оксигенации... Оксигенация – это естественный процесс, но он есть всегда и никуда не денется. Но что же происходит? Да, вы видите и слышите, однако сам мир и картинка – что это? Какой они оказывают эффект? Он может быть разный. Если вы смотрите на непристойную картину, она произведет на вас один эффект, очень сильный. – Она зажмурилась и скривила губы. – А красивая картина – другой. Так и с музыкой. Бхаджаны – это музыка, и песни из кино – тоже

музыка, но одна производит один эффект, а другая другой. То же самое с запахами. Допустим, что-то горит. Однако горящие благовония пахнут чудесно, а горящие башмаки – ужасно. Или возьмем завтрашние шествия акхар: одни нѣсут добро и мир, другие – разлад. Смотря что. И санкиртан так же, как сегодня вечером: можно творить санкиртан с добрыми людьми, а можно с дурными, – многозначительно произнесла она. – Вот почему святой Чайтанья проводил санкиртаны только с добрыми людьми... Поэтому позвольте, профессор-сахиб, сказать вам, что вопрос не в том, мадитация это или оксидизация. Главный вопрос: к чему вы стрѣмитесь? Куда вы хотѣите попасть?

Тут Санаки-баба́ открыл глаза и заговорил. На улице гремела непогода, а говорил он тихо, но все хорошо его слышали. Слова гуру были мягкими и успокаивающими, хотя сама речь была призвана провести различия и указать на ошибки. Однако Пушпа качала головой из стороны в сторону и злорадно улыбалась, слушая доводы Учителя – доводы, направленные, как ей казалось, против «поверженного» профессора. Ее поведение было лишено любви и со стороны выглядело настолько собственническим, что Дипанкару стало худо. Его внезапно охватило омерзение, и он увидел эту красивую женщину в совершенно новом свете. От злорадства и насмешки в ее взгляде Дипанкара едва не вывернуло наизнанку.

11.17

Ветер свистел по улицам Старого города и яростно трепал священный фикус, стоявший на вершине спуска. Паломники, шедшие с поездов к воде, успевали промокнуть до нитки еще до того, как добирались до подножия форта. Потоки дождевой воды бежали по ступеням гхатов и вливались в Ганг, прокладывая себе каналы на песках Пул Мелы. Лик Луны то и дело затягивало облаками, которые растерянно носились по небу. Внизу так же растерянно носились люди, пытаясь защититиь от воды свои пожитки. Кто-то поглубже забивал в песок колышки, кто-то, борясь со струями дождя и порывами ветра, секущими песком лицо и тело, неверной походкой пробирался к воде, чтобы совершить омовение, ведь самое благоприятное для этого время (которое продлилось бы еще пятнадцать часов – до трех часов завтрашнего дня) только что началось.

Буря разыгралась так, что сорвала на пляже несколько палаток, в городе затопила несколько переулков и повредила черепицу на крышах, а еще выдрала с корнями маленькое деревце священного фикуса, растущее в ста с лишним ярдах от спуска к пляжу. С наступлением темноты все эти незначительные события в глазах перепуганных людей приобрели зловеший смысл.

– Великий священный фикус упал! – в ужасе прокричал кто-то.

И хотя упал не большой фикус, а маленький, слух об этом моментально, подобно порывистому ветру, облетел толпы потрясенных паломников. Они глядели друг на друга и гадали, что это может означать. Ведь если великий фикус, стоявший у спуска, в самом деле упал, что же будет с мостом из листьев, с Пул Мелой – а значит, и со всем миропорядком?

11.18

Посреди ночи буря утихла. Тучи разошлись, и в небе вновь засияла полная луна. Паломники сотнями и тысячами купались в Ганге – всю ночь и весь следующий день.

Утром начались шествия великих акхар. Каждый орден по очереди вышагивал по главной улице Мелы, которая тянулась параллельно берегу в паре сотен ярдов от кромки воды. Зре-

лице было великолепное: платформы на колесах, музыканты, всадники на конях, маханты⁶¹ в паланкинах, знамена, флаги, барабаны, метелки, обнаженные наги с трезубцами, огромный верзила, оравший строки священных текстов и потрясавший исполинским мечом. Кругом – толпы зевак, собравшихся посмотреть на садху и подбодрить их криками. Торгаши предлагали людям флейты, парики, священные шнуры, браслеты, серьги, воздушные шарик и лакомства: арахис, чана-джор-гарам⁶² и стремительно тающее мороженое. Порядок поддерживали полицейские – пешие и конные, а один даже верхом на верблюде. Шествия разнесли по времени, дабы избежать сутолоки и конфликтов между садху из разных сект. Поскольку садху были воинственны, надменны и во всем пытались обойти других, организаторы фестиваля приняли меры, чтобы между окончанием одного шествия и началом другого проходило не менее пятнадцати минут. В конце марша участники процессий резко поворачивали налево и кидались к Гангу, где – под крики «Джай Ганга!» и «Ганга Майя ки Джай!»⁶³ – весело и шумно плескались всей гурьбой. Потом по другой, более узкой улице они возвращались в лагерь, свято веря, что нет им равных среди акхар по величию и благочестию.

Великий священный фикус над широким земляным спуском, как все теперь видели, был цел и невредим и простоял бы еще много сотен лет. Буря не смогла вырвать его из земли, чего нельзя было сказать о деревьях поменьше. Паломники продолжали толпами прибывать на вокзал Пул Мелы. Они проходили мимо дерева, уважительно кланялись ему, сложив ладони, и начинали спуск к пескам и Гангу. Но сегодня, когда по главному фестивальному маршруту у подножия спуска двигалось какое-нибудь шествие, участники его невольно пересекались с потоком постоянно прибывающих сверху паломников, и дальше, на самом спуске, начиналась толкотня. Впрочем, никто особо не возмущался – в частности, потому, что со спуска открывался замечательный вид на пышные шествия внизу, а те паломники, которые в этот священный день впервые попали на фестиваль, могли полюбоваться обширными просторами палаточного городка и раскинувшейся внизу великой рекой.

Вина Тандон, ее подруга Прийя Гойал и несколько их ближайших родственников шли в этой толпе и смотрели вниз. Была с ними и старая госпожа Тандон, и ее внук Бхаскар, которому не терпелось все увидеть, посчитать, вычислить, оценить и получить от всего удовольствие. Прийю ради такой богоугодной цели даже выпустили из домашне-семейного заточения. Ее невестки и свекровь, конечно, устроили скандал, но мужу удалось привести несколько религиозных доводов и мягко их переубедить. Они так прониклись его словами, что, когда Вина зашла за Прийей, та даже уговорила мужа пойти с ними. Мужчины из семьи Вины не пошли: Кедарнат уехал из города по рабочим делам, Ман все еще был в Рудхии, Пран отказался вновь лицезреть это невежество и суеверия, а Махеш Капур в ответ на приглашение дочери только презрительно фыркнул. Сегодня, впрочем, с ними не было даже госпожи Капур. Она так и не смогла поверить в миф, которого не было ни в одной священной книге, о мосте из листьев священного фикуса, якобы встающим над Гангой в этот великий день. Ухо Джанхну – это одно дело, а мост из листьев – совсем другое.

Вина и Прийя всю дорогу болтали, как школьницы. Они обсуждали былые времена, свою учебу в школе, прежних друзей, виды Пул Мелы, недавние выходки обезьянок в Шахи-Дарвазе и – шепотом, пока муж Прийи не слышал, – свою родню. Они нарядились как можно ярче и эффектнее (но в рамках приличий): Вина была в красном, а Прийя в зеленом. Хотя Прийя собиралась, как и все остальные, окунуться в Гангу, на ней было толстое золотое ожерелье с цветочным узором – ибо, если дочь дома Раи Бахадура и выходила порой за его стены, не

⁶¹ *Маханты* – первосвященники индуистских храмов или главы монастырей (*санскр.*).

⁶² *Чана-джор-гарам* – индийская закуска, приготавливаемая, как правило, из гороховых хлопьев с добавлением различных специй и масел.

⁶³ «Да здравствует Ганга!», «Да здравствует Матерь-Ганга!» (*хинди*)

пристало ей показываться людям без украшений. Ее муж, Рам Вилас Гойал, нес Бхаскара на плечах, чтобы тот лучше все видел. Когда у Бхаскара возникали вопросы, он просил бабушку все ему объяснять, и старая госпожа Тандон, хотя почти ничего не видела – подвели и рост, и зрение, – охотно объясняла. Все они, как и все вокруг, были в приподнятом расположении духа. Толпа состояла главным образом из горожан и крестьян, изредка попадались полицейские и даже не участвовавшие в шествиях садху.

В десять утра на песках Пул Мелы, несмотря на вчерашнюю бурю, стояла жара. Некоторые паломники прятались от палящего солнца (и возможного дождя) под зонтиками. По тем же причинам (а еще потому, что это был символ могущества) над самыми важными садху несли зонты их последователи.

Из репродукторов непрерывно летели объявления, и так же непрерывно звучали барабаны и трубы на фоне бормотания толпы, которое то и дело сменялось ревом. Шествия прокатывались по пляжу волна за волной: священники в желтых одеяниях и оранжевых тюрбанах, сопровождаемые гудением туб и раковин шанкха; паланкин с заспанным стариком, похожим на фаршированного попугая (перед ним несли красный бархатный вымпел с надписью: «Шри 108 Свами Пробхананда Джи Махарадж, Ведантачарья, магистр искусств»); полуголые наги с тонкими шнурами на талиях и спрятанными в белые мешочки гениталиями; длинноволосые мужчины с серебряными жезлами; оркестры и ансамбли всех мастей, одни были в черных кителях с золотыми эполетами и нестройно гудели в кларнеты, другие (под названием «Дивана 786»⁶⁴ – очевидно, мусульмане; как же их наняли выступить на этом шествии?) в красных кафтанах играли на гобоях. На колеснице, запряженной лошадьми, сидел беззубый старик, яростно оравший в толпу: «Хар, хар!» – а те ему отвечали: «Махадев!» Другой махант, жирный, темнокожий и с пышной женской грудью, блаженно улыбался всем с коляски, запряженной людьми, и швырял в паломников бархатцы (а паломники торопливо собирали их на влажном песке).

К этому времени Вина и компания почти наполовину одолели спуск, битком забитый паломниками (в один ряд их умещалось почти пятьдесят). Сзади постоянно поджимали другие паломники, идущие из города, окрестных деревень и с дополнительных поездов, пущенных по случаю Пул Мелы. По обе стороны спуска тянулись глубокие канавы, поэтому двигаться можно было только вперед. Одно из шествий садху по какой-то причине застопорилось: быть может, они встретили впереди препятствие или же просто захотели растянуть удовольствие и подольше покрасоваться перед зрителями. В толпе поднялось волнение. Старая госпожа Тандон предложила пойти назад, но это, разумеется, было невозможно. Наконец шествие двинулось дальше, начался долгожданный перерыв, и толпа на спуске рванула вперед через главную улицу Пул Мелы, спеша влиться в сплошную массу зрителей на другой стороне. Полицейским удалось восстановить порядок, и через несколько минут Бхаскар, сидевший на плечах Рама Виласа, увидел следующее шествие: несколько сотен полностью обнаженных нагов-аскетов, впереди и позади которых шествовало по шесть разодетых в золото слонов.

Бхаскар и его семья еще стояли на спуске, хотя до подножия им оставалось буквально двадцать футов. Они хорошо все видели. Когда толпа хлынула вперед, давка немного ослабла. Бхаскар потрясенно разглядывал голых, вымазанных золой мужчин, дородных и тощих, со спутанными волосами, с гирляндами из бархатцев на шеях и ушах. Их серые половые члены, обвислые или чуть привставшие, болтались туда-сюда, когда они маршировали мимо – по четыре человека в ряду, высоко воздевая над головами копыя и трезубцы. Мальчик был слишком потрясен, чтобы задавать вопросы бабушке. Но толпа подняла жуткий рев, и несколько женщин, молодых и среднего возраста, бросились к ногам, чтобы прикоснуться к их ногам и собрать пыль, по которой те прошли.

⁶⁴ Число 786 является суммой всех букв в выражении «Бисмилляхи-р-рахмани-р-рахим» («Во имя Аллаха, милостивого и милосердного»).

Наги, впрочем, никому не позволили бы нарушить строй. Они свирепо оскалились на женщин и стали грозить им трезубцами. Полицейские пытались образумить женщин, но тщетно. Так продолжалось некоторое время: нескольким женщинам все же удалось пробиться через живое оцепление в конце спуска и распластаться у ног святых. Шествие вдруг остановилось.

Никто не знал, почему это произошло. Все думали, что через минуту-другую наги двинутся дальше, но они стояли и начинали терять терпение. Толпу опять поджимало сзади: прибывающих толкали в спины, а те, в свою очередь, толкали остальных. У подножия началась давка. Какой-то мужчина крепко прижался к Вине, и та, разозлившись, попыталась обернуться и не смогла: места не было. Дыхание тут же перехватило. Люди вокруг подняли крик. Кто-то орал, чтобы полиция их пропустила, другие просили узнать, что стряслось. У тех, кто стоял повыше, обзор был лучше, но и они не понимали, в чем дело. Они видели, что слоны, шагавшие впереди нагов, стоят на месте, потому что шедшие перед ними садху тоже остановились. Но почему это произошло, сказать было невозможно: на таком удалении участники шествий и зрители сливались в одну сплошную толпу, ничего не разберешь. Те, кто сверху, пытались что-то объяснить, но их слова терялись в криках толпы, неумолчном барабанном бое и бесконечных объявлениях из репродукторов.

Люди у подножия спуска ничего не понимали; началась паника. А когда через несколько минут стало ясно, что к нагам сзади подступает следующая процессия, образуя сплошную преграду на пути прибывающих сверху паломников, паника начала расти. Жара, и без того невыносимая, становилась удушающей. Полицейские сами увязли в толпе, которую пытались контролировать. А с вокзала продолжали идти уставшие от жары и долгой поездки, но воодушевленные паломники и – не догадываясь, что происходит внизу, – усердно проталкивались вперед, к священному фикусу на спуске и священному Гангу.

Вина увидела, как Прийя схватилась за свое ожерелье. Ее рот был широко открыт, она едва дышала. Бхаскар недоуменно смотрел на бабушку и мать. Он не понимал, что происходит, но был вне себя от страха. Рам Вилас, увидев, что Прийю давят, подался к ней – и Бхаскар слетел у него со спины. Вина сумела его подхватить. Но старой госпожи Тандон нигде не было видно: беспомощная и неумолимо подвигающаяся вперед толпа проглотила ее, как песчинку. Люди орали во все горло, хватались друг за друга, наступали друг на друга, пытались найти своих родственников, мужей и жен, родителей и детей или просто сучили руками, из последних сил борясь за глоток воздуха и собственную жизнь. Зрителей начало оттеснять к нагам, и те, испугавшись, что их задавят, с грозным рыком заработали трезубцами. Люди падали, истекая кровью. При виде крови остальные запаниковали еще больше и попытались рвануть назад. Но идти было некуда.

Некоторые люди, стоявшие по краям спуска, попытались перелезть через бамбуковые ограждения и спуститься в канавы. Но после вчерашней бури склоны канав стали скользкими, а на дне стояла вода. Возле одной из канав укрылось больше сотни нищих, калек и слепцов. Раненые паломники, жадно глотая воздух и пытаясь удержаться на скользких склонах, кубарем покатались прямо на этих несчастных, давя их насмерть. Кто-то искал спасение в воде, и вскоре она превратилась в кровавое месиво, так как все больше паломников со спуска падало или соскальзывало на орущих внизу людей.

У подножия спуска, где застряли Вина и ее родные, покалеченные люди умирали на месте. Старики и больные просто оседали на землю: у них, измотанных долгой дорогой и жарой, не было сил пережить потрясение и давку. Один студент, не в состоянии пошевелить даже пальцем, беспомощно смотрел, как его мать затаптывают насмерть, а отцу ломают ребра. Многих раздавило друг об друга. Одни задыхались, другие погибали от травм. Вина увидела, как рядом с ней упала наземь пожилая женщина: изо рта у нее текла кровь.

Наступил абсолютный, леденящий душу хаос.

– Бхаскар... Бхаскар, не отпускай мою руку! – крикнула Вина, крепко сжимая ладонь сына.

Каждое слово давалось ей с большим трудом. Толпу перепуганных насмерть, измученных, обезумевших людей качало то в одну сторону, то в другую, и в какой-то миг Вина почувствовала, что хватка ее слабеет: кто-то втиснулся между ней и Бхаскаром.

– Нет, нет! – в ужасе закричала она.

Однако делу это не помогло: ладонь сына медленно, пальчик за пальчиком, выскользнула из ее руки.

11.19

За пятнадцать минут погибло больше тысячи человек.

Наконец полиции удалось донести до руководства железной дороги, чтобы остановили поезда. Потом возвели ограждения на подходе к спуску и расчистили пространство под спуском и вокруг него. Из репродукторов звучали объявления, чтобы паломники шли назад, не входили на территорию фестиваля и не смотрели на шествия. Все запланированные шествия были отменены.

Никто по-прежнему не понимал, что случилось.

Дипанкар стоял среди зрителей по другую сторону главной улицы. Он с ужасом смотрел на бойню, происходившую меньше чем в пятидесяти футах от него, но помочь не мог: от толпы на спуске его отделял плотный строй нагов. Да его действия ничего бы и не дали, он только погиб бы или получил тяжелые травмы. Знакомых в толпе он не увидел, но в таком месиве попробуй что-нибудь разбери. Зрелище было чудовищное, как будто человечество сошло с ума и решило совершить коллективное самоубийство.

Он видел, как молодой наг яростно колет трезубцем мужчину – старика, который в панике пытался пробиться сквозь строй на другую сторону улицы. Старик упал, потом с трудом поднялся. Кровь струилась из ран на его плече и спине. С ужасом Дипанкар узнал его: это был тот самый старик, с которым он познакомился в лодке, бывалый паломник из Салимпуре, отказавшийся совершать омовение где попало. Он хотел снова скрыться в толпе, но та вновь качнулась вперед, повалила его наземь и растоптала. Когда в следующий миг толпа отпрянула, испугавшись трезубцев, на земле осталось изуродованное тело старика, похожее на груды прибитого к берегу мусора.

11.20

Тем временем политики, военные и прочие важные персоны, наблюдавшие за пышными шествиями с крепостного вала форта, потрясенно взирали на происходящее. Паника началась так неожиданно и все закончилось так быстро, что количество неподвижных тел, оставшихся лежать на земле, когда обезумевшая толпа наконец схлынула, просто не укладывалось в голове. Что произошло? Какие организационные недочеты могли привести к такой трагедии? Кто виноват?

Командир форта, не дожидаясь официального запроса властей, тут же отправил солдат в помощь полиции и организаторам Мелы. Они начали убирать тела, относить раненых в центры оказания первой помощи, а трупы – в полицейский участок Пул Мелы. Он также предложил немедленно развернуть оперативный штаб по устранению последствий давки: для этой цели решено было использовать временную телефонную станцию, сооруженную специально для фестиваля.

Высокопоставленные лица, что хотели искупаться в Ганге в этот благоприятный день, находились в тот момент на борту катера, пересекавшего реку. К ним подбежал встревожен-

ный капитан. Главный министр и министр внутренних дел стояли рядом. Капитан протянул главному министру бинокль и сказал:

– Господин министр... На входном спуске возникла непредвиденная ситуация. Вероятно, вы захотите взглянуть на это своими глазами...

С. С. Шарма без слов взял бинокль и подкрутил резкость. То, что издали казалось легким волнением в толпе, предстало его глазам во всей ужасающей ясности. Он разинул рот, зажмурился, потом снова осмотрел в бинокль верхнюю часть спуска, канавы по обеим сторонам, нагов, беспомощную полицию. С одним-единственным словом – «Агарвал!» – он вручил бинокль коллеге.

Первым делом министр внутренних дел подумал, что в итоге его могут привлечь к ответственности за случившееся. Пожалуй, несправедливо будет счесть эту мысль возмутительно недостойной, ведь даже во время самых страшных бедствий некая часть нашего разума – как правило, та, что откликается быстрее остальных, – заранее готовится к волне, что должна докатиться до нас из эпицентра.

– Но все было продумано!.. Организаторы лично показывали мне планы... – Министр внутренних дел осекся.

Прийя. Где Прийя?! Она собиралась пойти на фестиваль с дочкой Махеша Капура – посмотреть на шествия, окунуться... Да нет, с ней все хорошо, ничего не случилось... Министра обуревала то любовь к дочери, то страх за собственную шкуру, и несколько минут он был не в состоянии вымолвить ни слова. Потом он вернул бинокль главному министру. Главный министр что-то ему говорил, но Агарвал ничего не понимал. Слова не имели никакого смысла. Он спрятал лицо в ладонях.

Мало-помалу туман в голове рассеялся, и он сказал себе, что на песках Ганга сейчас миллионы людей; вероятность того, что Прийя попала в давку на спуске, исчезающе мала. Однако он по-прежнему сходил с ума от волнения за свое единственное дитя. Только бы с ней ничего не случилось, твердил он мысленно, Господи, только бы с ней ничего не случилось!

Главный министр хмурился и говорил очень сурово. Но Агарвал по-прежнему не улавливал смысла его слов и ничего, кроме резкого тона, не слышал. Через минуту-другую он ошалело перевел взгляд на Ганг. По воде рядом с их катером плыли розовый лепесток и кокосовая скорлупка. Сцепив ладони, он начал молиться священной реке.

11.21

Поскольку у катера осадка была ниже, чем у обычной лодки, пристать к мелкому берегу Ганга оказалось непросто. Капитан в конце концов решил пришвартоваться к длинной цепи из лодок, которые пришлось фактически реквизирировать для этих целей. Пока он швартовался, прошло больше сорока пяти минут. Толпы возле основных купальных зон со стороны Брахмура изрядно поредели: весть о случившейся на спуске катастрофе быстро облетела фестиваль. Купальни под красочными вывесками – с изображениями попугая, павлина, медведя, ножниц, горы, трезубца и так далее – были почти пусты. Всего несколько человек стояли в воде: робко окунувшись разок-другой, они поспешили прочь.

Слегка прихрамывающий главный министр и министр внутренних дел, которого буквально колотило от волнения, в компании еще нескольких чиновников подошли к злополучному месту у подножия спуска. Всю эту обширную территорию очистили от людей. Зрелище было жуткое: ни живых, ни мертвецов на песке, только туфли, шлепанцы, зонтики, какая-то еда, клочки бумаги, лохмотья, сумки, кухонная утварь и прочие пожитки. Вороны клевали объедки. Тут и там на песке темнели влажные бурые пятна, но ничто не указывало на ужасающие масштабы бедствия.

Командир форта засвидетельствовал свое почтение министрам, затем его примеру последовал один из организаторов Пул Мелы, чиновник ИГС. Прессу более-менее удалось разогнать.

- Где жертвы? – спросил главный министр. – Быстро вы расчистили территорию.
- Мы отнесли их в участок, господин.
- В какой именно?
- В полицейский участок Пул Мелы.

У главного министра слегка тряслась голова – такое с ним случалось, когда он сильно устал, но сейчас причина была иная.

– Мы немедленно отправляемся туда. Агарвал, это... – Главный министр указал на место происшествия, покачал головой и умолк.

Л. Н. Агарвал, который мог думать только о Прийе, усилием воли взял себя в руки. Он вспомнил о великом герое Сардаре Валлабхаи Пателе⁶⁵, скончавшемся меньше года назад. Рассказывали, что Патель был на судебном слушании, отстаивал интересы клиента, обвинявшегося в убийстве, когда ему сообщили о смерти жены. Он сумел взять себя в руки и закончить защитительную речь. Лишь после суда он позволил себе оплакать погибшую, не причинив вреда живым. Он понимал, что его долг превышает личного горя.

Куда бы ни ускользал неустойчивый, шаткий манас, Обуздав, к воле Атмана надлежит его приводить отовсюду⁶⁶.

На ум пришли слова Кришны из «Бхагавадгиты», но за ними тут же раздался более свойственный человеческой природе крик Арджуны⁶⁷:

Манас подвижен, Кришна, беспокоен, силен, упорен, Полагаю, его удержать так же трудно, как ветер!

По дороге в полицейский участок министр внутренних дел попытался трезво оценить ситуацию.

- Что с ранеными? – осведомился он.
- Их отвели в центры первой помощи, господин.
- Сколько их?
- Не знаю, господин, но, если отталкиваться от количества погибших...
- Здесь нет подходящих условий. Всех, кто серьезно ранен, нужно отвезти в больницу.
- Господин. – Чиновник понимал, что это невозможно, и сказал, рискуя навлечь на себя гнев министра: – Как мы это сделаем, если выезд полностью занят паломниками, покидающими территорию фестиваля? Мы всем говорим, чтобы уезжали как можно быстрее.

Л. Н. Агарвал напустился на чиновника (до сих пор он не позволял себе ни единого упрека в адрес организаторов – хотел сперва понять, кто в ответе за случившееся, а уж потом выпускать яд):

– Да есть ли у вас мозги или нет? Я говорю не про выезд, а про въезд! Въездной спуск совершенно пуст и оцеплен. Используйте его для вывоза раненых, он достаточно широкий. А часть дороги у подножия спуска используйте для парковки автомобилей. Да, реквизируйте все транспортные средства в радиусе мили от священного фикуса на въезде.

- Простите... реквизировать?
- Да. Вы меня слышали. Письменный приказ составлю в ближайшее время, а вы пока отдайте распоряжение, чтобы начинали действовать немедленно. И предупредите больницы.

---

⁶⁵ Патель, Валлабхаи (1875–1950) – индийский государственный деятель, один из лидеров индийского национально-освободительного движения и партии Конгресс (правого ее крыла). Почетное прозвище «Сардар» означает «лидер, вождь». 31 октября 2018 г. была открыта самая высокая статуя в мире – памятник Пателю, – получившая название Статуя Единства. Ее высота вместе с постаментом составляет 240 м.

⁶⁶ «Бхагавадгита», глава 6 «Йога самообуздания». Перев. Б. Смирнова.

⁶⁷ Арджуна – персонаж древнеиндийского эпоса «Махабхарата», герой-побратим Кришны.

– Хорошо, господин.

– Свяжитесь с университетом, с юридическим и медицинским колледжами. В ближайшие дни нам понадобится много волонтеров.

– Но там никого нет – каникулы, господин. – Поймав взгляд Л. Н. Агарвала, он тут же осекся. – Да, господин, я узнаю, что можно сделать.

Чиновник собрался уходить.

– А заодно, – добавил главный министр чуть мягче, чем его коллега, – вызовите сюда генерального инспектора полиции и главного секретаря.

Полицейский участок представлял собой ужасающее зрелище.

Снаружи рядами лежали трупы, которые предстояло опознать, – прямо на песке, под палящим солнцем, потому что больше поместить их было некуда. Многие были растоптаны и изувечены до неузнаваемости, другие казались просто спящими – однако сон их был настолько крепок, что они не отмахивались даже от мух, омерзительным толстым слоем облепивших их лица и раны. Жара стояла чудовищная. Среди тел бродили, рыдая и всхлипывая, родственники: они искали своих любимых. Неподалеку сцепились в крепких объятьях и горько плакали двое мужчин – то были братья, уже не чаявшие увидеть друг друга живыми. Еще один мужчина обнимал мертвую жену и почти гневно тряс ее за руки, словно надеялся таким образом вернуть ее к жизни.

11.22

– Где тут телефон? – спросил Л. Н. Агарвал.

– Сейчас принесу, господин! – поспешил на помощь какой-то полицейский.

– Ладно, не надо, я позвоню изнутри.

– Вот, господин, телефон уже здесь, – сказал услужливый полицейский, протягивая ему телефонный аппарат на длинном проводе.

Министр внутренних дел сперва позвонил зятю. Услышав, что дочь и зять ушли вместе на Мелу и с тех пор от них ни слуху ни духу, он спросил:

– А дети?

– Оба остались дома.

– Слава богу. Если что-то узнаете о Прийе, немедленно позвоните в полицейский участок – ваше сообщение меня найдет, где бы я ни был. Скажите Раи Бахадуру, чтобы не волновался. Хотя нет... Погодите, если он еще не в курсе, вообще ничего ему не говорите. – Впрочем, Л. Н. Агарвал знал, как быстро разлетаются новости: о давке на Пул Меле наверняка уже знал весь Брахмпур... Да что там Брахмпур, половина Индии!

Главный министр кивнул министру внутренних дел. В его голосе послышались нотки сочувствия:

– Ох, Агарвал, я же не подумал...

На глазах Л. Н. Агарвала выступили слезы.

Через некоторое время он спросил:

– Пресса здесь была?

– Здесь пока нет, господин министр. Они фотографировали трупы на месте происшествия.

– Ведите их сюда, пригласите к сотрудничеству. И правительственных фотографов тоже зовите. А где полицейские фотографы? Надо заснять каждое тело со всех сторон. Каждое!

– Но господин!..

– Здесь уже стоит запах. Скоро эти трупы превратятся в рассадник болезней. Кого родственники опознают – пусть увозят домой, остальных нужно кремировать завтра же. Подготовьте место для кремации на берегу Ганга, организаторы фестиваля вам помогут. Но до

кремации, естественно, нужно сфотографировать всех, кого не удалось опознать с помощью родственников или иными способами.

Главный министр ходил вдоль длинных рядов, морально готовясь к худшему. Наконец он спросил:

– Еще жертвы есть?

– Да, господин, они продолжают поступать. В основном из центров первой помощи.

– А где находятся эти центры? – Сердце Л. Н. Агарвала то и дело ухало куда-то в пятки, и он никак не мог с ним совладать.

– Господин, их несколько, есть весьма отдаленные... А лагерь для потерявшихся и раненых детей совсем рядом, вон там.

Министр внутренних дел уже знал, что его собственные внуки в безопасности. Первым делом ему хотелось прочесать центры первой помощи, где лежали раненые, прежде чем их не начали развозить (согласно его собственному распоряжению) по больницам города. Но сердце подсказывало поступить иначе. Он вздохнул и сказал:

– Хорошо, схожу сначала туда.

Главному министру С. С. Шарме стало плохо от жары, и его срочно повезли домой. Министр внутренних дел отправился к палаткам, где временно разместили раненых детей. Из репродукторов летели в основном их имена – диктор зачитывал их хриплым и скорбным голосом.

– Рам Ратан Ядав из деревни Макаргандж округа Баллиа, штат Уттар-Прадеш, мальчик примерно шести лет, ждет родителей в палатке для потерявшихся детей рядом с полицейским участком. Просим родителей как можно скорее его забрать.

Однако многие дети – в возрасте от трех месяцев до десяти лет – не могли назвать ни своего имени, ни деревни, откуда приехали, а родители других малышей, которые сейчас плакали, хныкали или просто спали от шока и усталости, сами лежали, обездвиженные смертью, на песке у полицейского участка.

Женщины-волонтеры кормили этих детей и как могли утешали. Они составляли списки – увы, в силу обстоятельств отнюдь не исчерпывающие – найденышей и передавали в оперативный штаб, где их сличали со списками потерявшихся. Но министру внутренних дел стало ясно, что найденных детей, которых в ближайшее время никто не заберет, тоже необходимо сфотографировать.

– Передайте в штаб... – начал было он.

Тут сердце едва не выскочило у него из груди. Он услышал голос дочери:

– Папа!

– Прийя!

Имя, означавшее «возлюбленная», еще никогда не казалось ему столь подходящим и правильным. Он взглянул на дочь и зарыдал. Потом обнял ее и спросил, заметив печаль в ее глазах:

– Где Вакил-сахиб? С ним все хорошо?

– Да, папа, он там. – Она показала на дальний конец палатки. – Но мы не можем найти сына Вины! Поэтому и пришли сюда.

– А в полицейском участке спрашивали? Я не успел взглянуть на детей, которые там...

– Да, папа.

– И?

– Его там нет.

Помолчав немного, она сказала:

– Может, поговоришь с Виной? Они со свекровью просто с ума сходят от волнения... А мужа Вины нет в городе!

– Нет. Нет! – Л. Н. Агарвал еще не успел оправиться от страха за жизнь собственной дочери и не был готов к встрече с теми, кто сейчас испытывал те же муки.

– Папа...

– Ладно. Хорошо. Дай мне пару минут.

В конце концов он подошел к дочери Махеша Капура и произнес все нужные, разумные утешения: если Бхаскара до сих пор не принесли в полицейский участок, шансы на его спасение очень высоки и так далее... Однако, говоря все это, он сам слышал, какими пустыми кажутся его слова матери и бабушке пропавшего мальчика. Он заверил их, что лично наведается в центры оказания первой помощи и позвонит бабушке Бхаскара в Прем-Нивас, если будут какие-то новости, плохие или хорошие. Сами они тоже пусть периодически звонят в участок.

Однако ни в одном из центров оказания первой помощи лягушонка не оказалось; время шло, и с каждым часом Вину и старую госпожу Тандон, а вскоре и господина Махеша Капура с женой, Прана и Савиту, Прию и Рама Виласа Гойала (те уже начинали казнить себя за случившееся) все сильнее охватывали отчаяние и безысходность.

11.23

Махеш Капур искренне сочувствовал Прие и уговаривал ее не глупить: разве можно брать на себя ответственность за то, что никому не подвластно? Однако он прекрасно знал: в данном случае ответственность целиком и полностью лежит на плечах ее отца. Он же министр внутренних дел. Его долгом было убедиться, что организаторы приняли все меры для предотвращения подобной катастрофы. Уже как минимум один раз, во время стрельбы в Чоуке, Л. Н. Агарвал продемонстрировал либо собственную недалекость, либо слепую веру в других, кому он по глупости делегировал полномочия. И хотя у Махеша Капура редко находилось время на семью, он очень любил единственного внука и был вне себя от горя за жену и дочь.

В ту ночь все остались в Прем-Нивасе. С Кедарнатом так и не связались – он уехал из Брахмпуре, а вызвонить его по межгороду было трудно (к тому же в Канпуре, куда он мог отправиться по рабочим делам, его не оказалось). Ман, питавший теплые чувства к Бхаскару, все еще был в Дебарии. Вина и старая госпожа Тандон первыми вернулись домой в смутной надежде, что Бхаскар может быть уже там. Но никто из соседей не видел мальчика. Телефона у них не было, а куковать ночью вдвоем, в полном неведении, было невыносимо. Соседка сверху в красном сари заверила их, что сразу же позвонит домой министру-сахибу, если будут какие-то новости, после чего Вина со свекровью вернулись в Прем-Нивас. Вина мысленно распекала Кедарната за то, что его, как обычно, нет в Брахмпуре.

«Как и моего отца, когда мама меня рожала», – невольно подумалось ей.

К тому времени в Прем-Нивас приехали и Пран с Савитой. Пран знал, что в эту трудную минуту должен быть с родителями и сестрой, но и жене в ее нынешнем состоянии лишняя нервотрепка была ни к чему. Если бы мать или Лата были дома, он мог бы со спокойным сердцем оставить Савиту на их попечение и заночевать в Прем-Нивасе с родными. Но последнее письмо госпожи Рупы Меры пришло из Дели, и сейчас она находилась либо в Канпуре, либо в Лакхнау – слишком далеко, чтобы помочь.

Ночью вся семья обсуждала, что предпринять дальше. Никто не спал. Госпожа Капур молилась. Увы, почти все возможные меры уже были предприняты: в поисках Бхаскара родные прочесали больницы (исходя из предположения, что его, раненого, могли доставить туда неравнодушные) и полицейские участки.

Никто не сомневался, что Бхаскар, мальчик умный и, как правило, рассудительный, либо вернулся бы домой, либо нашел бы способ связаться с бабушкой и бабушкой. Значит, такой возможности у него не оказалось. Быть может, его тело ошибочно опознали и кремировали?

Или во всей этой суматохе кто-то его похитил? По мере того как перед лицом фактов отпадали правдоподобные версии, им на смену приходили маловероятные, но оттого не менее страшные.

В ту ночь никто так и не уснул. Тревожили семью не только собственные горе и волнение, но и звуки празднеств по случаю месяца Рамадана. Поскольку мусульманский календарь – лунный, за последние несколько лет Рамадан снова сполз в лето. В жару голодать было непросто (самые набожные мусульмане в дневные часы отказывались даже от воды), и тем сильнее народ радовался заходу солнца: ночью все пировали и праздновали.

Когда постившийся наваб-сахиб услышал о трагедии на Пул Меле, он строго-настрого запретил какие-либо празднования в своем доме. Весть о пропавшем без вести внуке Махеша Капура расстроила его еще больше. Однако подобное сопереживание чужому горю было отнюдь не всеобщим, и даже Махеш Капур, человек понимающий, невольно морщился от звуков праздника и веселья, летевших с улиц, по которым только что, подобно пожару, пролетела весть о катастрофе.

Время от времени звонил телефон, и все вскакивали с мест, преисполненные страха и надежды. Увы, звонили либо друзья и сочувствующие, либо из какого-нибудь официального источника докладывали, что новостей по-прежнему нет, либо звонки вовсе не имели никакого отношения к Бхаскару.

11.24

Днем ранее по распоряжению министра внутренних дел было реквизировано некоторое количество транспортных средств, на которых раненых развозили по больницам. Одним из таких автомобилей оказался «бьюик» доктора Кишена Чанда Сета.

Доктор Сет решил в тот день сходить в кино, и его машина была припаркована рядом с «Риальто». Когда он вышел из кинотеатра, рыдая от избытка чувств и ведомый под руку хладнокровной молодой женой Парвати, он обнаружил, что к его машине прислонились двое молодых полицейских.

Доктор Кишен Чанд Сет моментально рассвирепел и грозно вскинул трость, – если бы не Парвати, он не преминул бы пустить ее в ход. Полицейские, знавшие репутацию доктора Сета, сделали виноватые лица.

– Нам приказано реквизировать вашу машину, господин, – сказали они.

– Рекви... Что?! – выплюнул доктор Сет. – Убирайтесь вон с глаз моих, пока я не... – Он умолк, растерявшись: ни одно наказание для этих наглецов не показалось ему достаточным.

– Это из-за Пул Мелы...

– Суеверие! Чушь! – вскричал доктор Кишен Чанд Сет. – Немедленно пустите меня к машине. – Он достал ключи.

Один из полицейских – младший инспектор полиции – на удивление ловким и неожиданным движением выхватил ключи из его рук. Лицо у него при этом было очень виноватое. Доктора Сета едва не хватил удар.

– Ты... Да как ты посмел... – охнул он. – Тевтонское мракобесие... – добавил он по-английски. В его представлении это было страшнее, чем колоть штыками младенцев.

– Господин, на празднике произошла трагедия, и нам...

– Что за чушь! Если бы там что-то случилось, мне бы сообщили. Я ведь доктор... радиолог! У врачей нельзя отнимать автомобили, вы не имеете права! Покажите ваш приказ.

– ...Нам приказано реквизировать все транспортные средства в радиусе мили от священного фикуса.

– Да я просто в кино приехал, этой машины здесь фактически нет, – сказал доктор Кишен Чанд Сет, показывая на свой «бьюик». – Верните ключи! – Он потянулся за ключами.

– Киши, дорогой, не кричи, пожалуйста, – сказала Парвати. – А вдруг там что-то стряслось? Последние три часа мы просидели в кинозале.

– Уверяю вас, господин, действительно случилась беда, – сказал полицейский. – Очень много погибших и раненых. Я реквизирую ваш автомобиль по четкому распоряжению министра внутренних дел штата Пурва-Прадеш. Исключение составляют только автомобили действующих – не вышедших на пенсию – врачей. Мы обещаем пользоваться вашей машиной очень аккуратно.

Последние слова, конечно, были призваны его задобрить. Доктор Кишен Чанд Сет моментально понял, что его машину будут эксплуатировать самым нещадным образом. Если этот идиот говорит правду, то через несколько дней, когда автомобиль вернут владельцу, в двигателе будет песок, а на кожаной обивке сидений – кровь. Но неужели на Пул Меле в самом деле что-то стряслось? Или полицейским опять Независимость в голову ударила? Ох уж эта вседозволенность, народ совсем от рук отбился...

– Эй, ты! – крикнул он случайному прохожему.

Прохожий – весьма уважаемый и добропорядочный секретарь правительственной организации, не привыкший к подобному обращению, – замер на месте и озадаченно, вежливо осведомился:

– Вы это мне?

– Да, тебе, тебе. На Пул Меле действительно что-то произошло? Сотни погибших? – Последние слова были произнесены с презрительным недоверием.

– Да, сахиб, увы, это так. Сперва прошел слух, а потом и по радио сообщили. Это правда. Сотни жертв – и это только по официальным данным.

– Ясно. Хорошо, забирайте машину, – буркнул доктор Кишен Чанд Сет. – Но имейте в виду: чтобы никакой крови на сиденьях, ясно? Я этого не потерплю! Вы меня слышали?

– Да, господин. Уверяю, через неделю машина будет у вас, в целостности и сохранности. Где вы живете?

– Все знают, где я живу! – небрежно бросил доктор Кишен Чанд Сет и шагнул на проезжую часть, размахивая тростью. Он собирался реквизировать такси – или еще какую-нибудь машину – и поехать наконец домой.

11.25

Л. Н. Агарвал не пользовался популярностью среди брахмпурских студентов. Его не любили за авторитарные замашки и за попытки манипулирования Исполнительным советом Брахмпурского университета. Лидеры почти всех студенческих политических партий не стеснялись выступать с речами выраженной антиагарвалской направленности.

Министр внутренних дел об этом знал, и потому его просьбу набрать студентов-волонтеров направили в университет от имени главного министра. На лето студенты в основном разъезжались по домам, но многие местные откликнулись на призыв о помощи, – впрочем, они наверняка откликнулись бы даже в том случае, если бы призыв подписал Л. Н. Агарвал.

Кабир был сыном университетского преподавателя. Жили они неподалеку от университета, и потому он одним из первых услышал о наборе добровольцев для устранения последствий давки на Пул Меле. Они с младшим братом Хашимом тут же отправились в оперативный штаб, развернутый в стенах форта. Солнце уже опускалось за палаточный город. Помимо множества небольших огней в нескольких местах горели огромные погребальные костры: там кремировали трупы. Из репродукторов несся бесконечный молебен – список имен погибших, который зачитывали всю ночь.

Кабира и Хашима распределили по разным центрам оказания первой помощи. Первые волонтеры очень обрадовались, когда их сменили: они падали с ног от усталости и голода. Перекусить, поспать хоть несколько часов – а потом снова за работу.

Невзирая на всеобщие усилия – списки, центры, лагеря, оперативный штаб, участки, – в городе и на территории Пул Мелы царил скорее хаос, чем порядок. Никто не знал, например, что делать с потерявшимися женщинами (большинство были стары и немощны, голодны, без гроша в кармане), пока женский комитет Конгресса, устав от нерешительности властей, не взял дело в свои руки. Мало кто знал, куда вообще следует везти потерявшихся, мертвых, раненых, и мало кто знал, где их искать. Несчастные, отбившиеся от своих групп паломники брели по раскаленному песку из одного конца фестивальной территории в другой, только чтобы узнать, что жителей их штата собирают не здесь, а в совершенно другом месте. Раненых и мертвых детей свозили то в лагерь для потерявшихся, то в центры оказания первой помощи, то в полицейский участок. Указания из репродукторов то и дело менялись – видимо, по усмотрению того, кто садился за микрофон.

После долгой ночи в центре оказания первой помощи Кабир сидел без сил и глядел перед собой, когда в палатку внесли Бхаскара.

Его нес – очень бережно – печальный толстяк средних лет. Бхаскар казался спящим. Кабир нахмурился, увидев его, и тут же вскочил на ноги. Он признал в мальчике папиного юного друга, любителя математики.

– Я нашел его на песке сразу после давки, – пояснил человек, укладывая мальчика на землю, где и мест-то уже почти не было. – Он лежал неподалеку от спуска... Везунчик, его там и растоптать могли! Я отнес его в свой лагерь, думал: вот сейчас он придет в себя и я отведу его домой. Понимаете, я очень люблю детей, а своих у нас с женой нет... – Он умолк, сообразив, что говорит не о том, и вернулся к рассказу: – В общем, один раз он очнулся, но на мои вопросы не отвечал, даже своего имени не вспомнил. А потом опять уснул и больше уже не просыпался. Покормить его не удалось. Я немного встряхнул беднягу – никакой реакции. И он ничего не пил. Но, милостью моего гуру, сердце его пока бьется.

– Вы правильно сделали, что принесли мальчика сюда, – заверил его Кабир. – Вероятно, я смогу найти его родителей.

– Ну, я собирался везти его в больницу, а потом на минутку прислушался к объявлениям из этих жутких репродукторов... Мол, потерявшихся детей, которых взяли на попечение гости праздника, следует держать на территории Пул Мелы, иначе установить их личность будет невозможно. Вот я и принес его сюда.

– Все правильно. Спасибо, – выдохнул Кабир.

– Что ж... Если я могу чем-то помочь, скажите... Правда, завтра утром я уезжаю. – Мужчина погладил Бхаскара по лбу. – У него нет никаких документов, поэтому не знаю, как вы сможете найти его родителей. Хотя я на своем веку и не такие чудеса видел. Ищешь человека, даже имени его не знаешь – и судьба вас сводит. Ну, всего вам доброго.

– Спасибо, – ответил Кабир, зевнув. – Вы ему очень помогли. Но кое-что еще можете сделать, если не возражаете. Отнесете эту записку по адресу, который я вам скажу? Это неподалеку от университета.

– Конечно, конечно!

Кабиру пришло в голову, что записка найдет его отца быстрее, если не удастся дозвониться до него по телефону. Он нацарапал несколько строк – из-за усталости почерк был неважный, – сложил лист бумаги вчетверо, написал сверху адрес и вручил послание толстяку:

– Отнесите как можно скорее.

Мужчина кивнул и ушел, скорбно напевая что-то себе под нос.

После смены в центре оказания первой помощи Кабир подошел к телефону и попросил оператора набрать номер доктора Дуррани. Линии оказались заняты, и его попросили позво-

нить чуть позже. Десять минут спустя он все-таки дозвонился, и отец, к счастью, был дома. Кабир сообщил ему новость и сказал, чтобы не обращал внимания на записку, которую ему принесут.

– Я узнал в нем твоего приятеля, того мини-Гаусса... Его зовут Бхаскар, так? Где он живет?

Его отец никак не мог собраться с мыслями.

– О... э-э... хм... – начал доктор Дуррани. – Трудно сказать... А какая у него фамилия, не знаешь?

– Я думал, ты знаешь, – сказал Кабир. Он прямо видел, как его отец сосредоточенно щурится и гримасничает.

– Ну, видишь ли, я не вполне уверен... Его приводят и уводят... Разные люди... Сперва кто-то приведет, мы поболтаем, а потом его забирают... Вот только на прошлой неделе...

– Знаю...

– Мы обсуждали теорему Ферма...

– Отец...

– Ах да, и еще интересный вариант леммы Перголези... В духе того, о чем говорил мой молодой коллега... Ах да! Может, нам... э-э... спросить его?

– Кого?

– Коллегу... Сунил Патвардхан его зовут, он должен знать мальчика. Мы познакомились у него в гостях, если не ошибаюсь. Бедный Бхаскар! Его родители, наверное... весьма озадачены.

Что бы это ни значило, Кабир понял, что от Сунилы наверняка сможет добиться больше, чем от своего рассеянного отца. Он позвонил Сунилу Патвардхану, а тот вспомнил, что Бхаскар – сын Кедарната Тандона и внук Махеша Капура. Кабир позвонил в Прем-Нивас.

Махеш Капур снял трубку уже на втором гудке.

– Да.

– Могу я поговорить с министром-сахибом? – спросил Кабир на хинди.

– Вы с ним и говорите.

– Министр-сахиб, я звоню вам из центра оказания первой помощи, который находится под восточной стеной форта.

– Да. – Голос министра был натянут, как струна.

– Здесь ваш внук, Бхаскар...

– Он жив?

– Да. Его только что при...

– Так везите его немедленно в Прем-Нивас, чего вы ждете?! – перебил Махеш Капур.

– Министр-сахиб, прошу прощения, но я не могу уйти с поста. Вам придется его забрать.

– Да-да, конечно, понимаю...

– И считаю необходимым сообщить...

– Да-да, продолжайте, говорите!

– Возможно, мальчика не стоит перевозить в его теперешнем состоянии. Что ж, жду вас в лагере.

– Хорошо. Как вас зовут?

– Кабир Дуррани.

– Дуррани? – В голосе Махеша Капура послышалось искреннее удивление: воистину горе объединяет всех людей, независимо от вероисповедания. – Есть же такой математик?

– Да. Я его старший сын.

– Прошу, простите меня за резкость. Мы все на взводе. Я приду немедленно. Как он? Почему его нельзя транспортировать?

– Лучше быстрее приходите, и сами все увидите, – ответил Кабир. Потом, сообразив, как пугающе звучат его слова, тут же добавил: – Он цел, никаких видимых глазу травм у него нет.

– Под восточной стеной, говорите?

– Да, под восточной стеной.

Махеш Капур положил трубку и повернулся к семье: родные ловили каждое его слово.

Пятнадцать минут спустя Вина наконец заключила Бхаскара в объятия. Она сжимала его так крепко, что со стороны они могли показаться одним целым. Мальчик по-прежнему не пришел в сознание, однако лицо у него было спокойное. Мать без конца трогала его лоб и шептала его имя, снова и снова.

Когда отец представил ей усталого молодого человека из центра оказания первой помощи – сына доктора Дуррани, – она протянула руки к его голове и благословила его.

11.26

Дипанкар, который после давки не мог думать ни о чем, кроме смерти, сказал:

– А вообще-то это важно, баба?

– Да. – Святой опустил добрый взгляд на четки, и его глазки изумленно заморгали.

Четки эти купил Дипанкар – одни для себя, а другие (по неясной даже ему самому причине) для Амита. Перед тем как покинуть Мелу, он попросил Санаки-бабу освятить их.

Санаки-баба сложил руки чашей, взял четки и спросил:

– Какая форма, какая сила особенно тебе близка? Рама? Кришна? Или Шива? Или Шакти? Или Ом?

Поначалу Дипанкар не услышал и не понял вопроса. Разум его вновь и вновь возвращался к тем ужасам, которые он видел – или, скорее, испытал. Перед глазами возникло изувеченное тело старика; наги кололи его, толпа месила ногами... Хаос и безумие. Неужели к этому сводится человеческая жизнь? Какой в этом смысл? Неужели он здесь для этого? Теперь мечта узнать все, понять все казалась Дипанкару невероятно жалкой и пустой. Он был растерян, сломлен и напуган, как никогда.

Санаки-баба положил руку ему на плечо. Хотя вопроса он не повторил, его прикосновение вернуло Дипанкара в настоящее – обратно к тривиальности великих идей и великих богов.

Санаки-баба ждал ответа.

«Ом для меня слишком абстрактен, – подумал Дипанкар, – Шакти слишком таинственна, к тому же с меня этого хватило в Калькутте; Шива слишком свиреп, а Рама слишком благочестив. Кришна, вот кто мне подходит».

– Кришна, – ответил он.

Ответ вроде бы удовлетворил Санаки-бабу, но вслух он лишь повторил названное Дипанкаром имя.

Взяв обе его ладони в свои, он сказал:

– Теперь повторяй за мной: О, Владыка, сегодня...

– О, Владыка, сегодня...

– ...на берегу Ганги, в городе Брахмпур...

– ...на берегу Ганги, в городе Брахмпур...

– ...во дни великой, приносящей удачу Пул Мелы...

– ...во дни великой Пул Мелы...

– ...во дни великой, приносящей удачу Пул Мелы... – настоял Санаки-баба.

– ...во дни великой, приносящей удачу Пул Мелы... – неохотно повторил Дипанкар.

– ...руками моего гуру...

– А вы – мой гуру? – вдруг скептически уточнил Дипанкар.

Санаки-баба засмеялся.

– Тогда так: руками Санаки-бабы́, – предложил он.
– ...руками Санаки-бабы́...
– ...я беру этот символ имен твоих...
– ...я беру этот символ имен твоих...
– ...и да утолит он мои печали.
– ...и да утолит он мои печали.
– Ом Кришна, Ом Кришна, Ом Кришна. – Тут Санаки-баба́ закашлялся. – Это из-за благовоний. Давай выйдем... Итак, Дивьякар. Сейчас я тебе объясню, как ими пользоваться. Ом – это семя, это звук. Он не имеет формы и очертаний. Но дерево может вырасти только из ростка, и потому люди выбирают Кришну или Раму. Держи четки вот так... – Он отдал одни четки Дипанкару, и тот стал повторять за Санаки-бабой. – Вторым и пятым пальцем не пользуемся. Зажми их большим и безымянным пальцами, а средним двигай бусины и приговаривай: «Ом Кришна». Да, вот так. Здесь сто восемь бусин. Когда доберешься до узелка, не переходи через него, а развернись и двигайся в обратную сторону. Как волны в океане – вперед и назад... Говори: «Ом Кришна», когда просыпаешься, когда одеваешься, когда вспоминаешь об этом... А теперь я хочу задать тебе вопрос.

– Бабаджи, я тоже хочу задать вам вопрос! – немного поморгав, сказал Дипанкар.

– Только мой вопрос поверхностный и мелкий, а твой – очень глубок, – сказал гуру. – Поэтому начнем с моего. Почему ты выбрал Кришну?

– Ну, я, конечно, восхищаюсь Рамой, но мне кажется...

– Он был слишком охоч до мирской славы, – закончил его мысль Санаки-баба́.

– И с Ситой так обращался...

– Она была раздавлена, – кивнул Санаки-баба́. – Перед ним стоял выбор: остаться царем или жить с Ситой. И он решил остаться царем. Несчастный...

– Кроме того, жизнь у него была одна, от начала до конца, – добавил Дипанкар. – А Кришна столько раз менялся. И в конце, когда он, поверженный, в Дварке...

Санаки-баба́ никак не мог справиться с кашлем, вызванным благовониями.

– У всех в жизни случаются трагедии. А Кришна умел радоваться. Секрет жизни в принятии. Мы должны принимать счастье и горе, успех и поражение, славу и позор, сомнения и уверенность, пусть это и лишь подобие уверенности. Скажи, когда ты уезжаешь?

– Сегодня.

– И каков твой вопрос? – вкрадчиво и серьезно спросил Санаки-баба́.

– Баба́, как вы объясните происшедшее? – Дипанкар указал на далекие клубы дыма от огромного погребального костра, где сейчас сжигали сотни неопознанных тел. – Все это – лила Вселенной, игра Господа? Им повезло умереть в столь благоприятное время?

– Завтра должен прийти господин Майтра, верно?

– Кажется, да.

– Он просил помочь ему обрести душевное равновесие, и я велел ему прийти позже.

– Угу. – Дипанкар не сумел скрыть своего разочарования.

И вновь он подумал о затоптанном старике, который толковал о льде и соли, о завершении паломничества по берегам Ганги и возвращении к источнику, которое он запланировал на следующий год. «Где я сам буду в следующем году? – гадал Дипанкар. – Где будут все?»

– Однако я не отказал ему в ответе, верно? – сказал Санаки-баба́.

– Нет, не отказали, – вздохнул Дипанкар.

– Устроит ли тебя промежуточный ответ?

– Да, – кивнул Дипанкар.

– Я считаю, что администрация праздника допустила ряд организационных ошибок, – вкрадчиво произнес Санаки-баба́.

11.27

Газетчики, прежде на все лады восхвалявшие «высокие организационные стандарты» и «продуманную инфраструктуру Пул Мелы», теперь дружно накинулись на устроителей и полицию. Версий происшедшего было множество. По одной из них, перегрелась и сломалась машина, тянувшая одну из платформ, что и запустило цепную реакцию.

По другой версии, машина принадлежала не шествующим, а какому-то высокопоставленному чиновнику, и ее вообще не должны были пускать на территорию Пул Мелы, тем более в день Джетх-Пурнимы. Общественное мнение было таково, что полицейским нет дела до паломников, они обслуживают лишь высоких гостей. А высоким гостям тоже плевать на народ, они только и знают, что злоупотреблять положением. Да, главный министр в тот день выступил перед прессой с трогательной речью, однако намеченный на вечер правительственный банкет никто отменять не стал. Губернатор мог хотя бы соблюсти внешние приличия – раз уж состраданием не блистал.

Авторы третьей версии винили полицию, которая должна была расчищать путь шествиям, однако не справилась со своими обязанностями. Из-за недалновидности стражей порядка на подходе к купальням образовались слишком плотные толпы, и шествия садху встали. Действия полиции были плохо скоординированы, личный состав недоукомплектован, в рядах царил полный разлад. Руководство состояло из некомпетентных молодых сотрудников с диктаторскими замашками, которые управляли нарядами, набранными из самых разных регионов страны, – эдакая сборная солянка, где никто друга друга не знал и никто никому не подчинялся. На берегах Ганга в день давки находилось менее сотни констеблей и только два начальника, а непосредственно на месте катастрофы у спуска – всего семь сотрудников полиции! Суперинтенданта и вовсе не было на территории празднества.

Согласно четвертой теории, погибших было бы куда меньше, если бы не скользкая после вчерашней бури земля – особенно по краям спуска, где множество людей погибло в канавах.

Пятая версия звучала так: администрации следовало еще на этапе планирования Пул Мелы отвести под шествия северный, гораздо более свободный берег Ганга, дабы снизить предсказуемо фатальную нагрузку на южный берег.

Авторы шестой теории во всем винили кровожадных нагов и требовали, чтобы агрессивно настроенные акхары впредь не допускались на Пул Мелу.

Седьмые считали, что дело в «неправильной и недостаточной» подготовке волонтеров, которые по неопытности запаниковали и не смогли успокоить народ, что привело к давке.

Согласно восьмой версии, во всем был виноват индийский менталитет.

Истину – если она вообще была – могло установить только тщательное расследование. «Брахмпурская хроника» требовала создать «комиссию экспертов во главе с судьей Высокого суда для установления причин чудовищной трагедии и предотвращения подобных происшествий в будущем». Ассоциация адвокатов и Адвокатская палата критиковали правительство, в особенности министра внутренних дел. Свое коллективное открытое обращение они закончили следующими категоричными словами: «Скорость – вот что сейчас превышает всего. Да поразит возмездие убийцу»⁶⁸.

Несколько дней спустя в «Газетт экстраординари» появилось объявление, что особая следственная комиссия с широким кругом полномочий и поставленных задач создана и проведет расследование в кратчайшие сроки.

---

⁶⁸ Ср.: «Пусть удар возмездья поразит убийцу». У. Шекспир. Гамлет. Акт IV, сцена 5. Перев. П. Гнедича.

11.28

Пятеро судей, слушавших дело о Законе об отмене системы заминдари, старались соблюдать строгую конфиденциальность и не высказывать никаких мнений по данному вопросу. По окончании судебного разбирательства была объявлена отсрочка вынесения решения суда, и судьи погрузились в беспрецедентное безмолвие, выходящее за рамки стандартных норм профессиональной этики. Они вращались в тех же кругах, что и люди, судьбы которых должно было решить это разбирательство, и, безусловно, понимали, какой вес будет иметь любое, даже оброненное ими невзначай слово. Меньше всего они хотели очутиться в центре водоворота всеобщих догадок и спекуляций.

Однако спекуляций – повальных, активных и до боли непоследовательных – было не избежать. Один из судей, достопочтенный господин Махешвари, не догадываясь, как низко оценивает его компетентность Г. Н. Баннерджи, в беседе с одной дамой на званом чаепитии весьма лестно отозвался о защитительной речи прославленного адвоката. Судья по секрету сообщил даме, что тот привел несколько чрезвычайно убедительных доводов. Новость мгновенно облетела всех имеющих отношение к делу, и заминдары возрадовались. С другой стороны, предварительный вариант решения почти наверняка предстояло писать главному судье, а вовсе не господину Махешвари.

Однако именно главный судья устроил генеральному адвокату отменную головомойку. Шастри посоветался с коллегами, пересмотрел свои доводы и согласился, что, если он и дальше будет придерживаться линии, которая помогла ему выиграть в Бихаре, победа в Пурва-Прадеш ему не светит. Здесь судьи явно настроены иначе. Он дал задний ход и перестроил защиту, но никто не знал, чем увенчается его вторая попытка отстоять закон. Г. Н. Баннерджи в ходе своего ответного выступления резко раскритиковал противника за «оппортунистские вихляния». Мол, «защита представляет из себя хлипкое суденышко без руля и ветрил, плывущее по велению изменчивых судейских настроений». Почти все, кто присутствовал на прениях в эти последние два дня, были убеждены, что Баннерджи в пух и прах разнес позицию защиты.

Раджа Марха был настроен не столь оптимистично: на часть его владений внезапно опустилась стая саранчи, и он счел это дурным предзнаменованием. Однако у некоторых заминдаров имелись другие, куда более основательные причины для уныния – первая поправка к Конституции, например. Сей законодательный акт, который в середине июня получил одобрение президента Индии доктора Раджендры Прасада (чей отец, кстати, в свое время работал мунши у одного заминдара), был призван защитить закон о земельной реформе от изменений по ряду статей Конституции. Одни заминдары полагали, что эта поправка забила последний гвоздь в крышку их гроба. Другие, впрочем, не сомневались, что и саму поправку можно обжаловать в суде, и законопроекты о земельной реформе, которые она защищает, все равно можно объявить неконституционными, поскольку они противоречат другим, не защищенным поправкой статьям и самому духу Конституции в целом.

Пока чаша весов колебалась – на одной сидели помещики, а на другой – авторы закона, на одной – арендаторы земель, на другой – приближенные заминдаров, – судьи продолжали работать за закрытыми дверями. Вскоре после окончания прений они собрались в кабинете главного судьи, дабы решить, что и в какой форме они собираются постановить. У них возникло немало разногласий касательно отдельных пунктов решения, общей линии аргументации и даже самого решения как такового. Однако главному судье удалось убедить остальных, что они должны выступить единым фронтом.

– Вспомните решение по бихарскому делу, – сказал он. – Трое судей, которые по существу были согласны друг с другом, настояли, чтобы каждому дали слово. Каждый выступил с речью, да какие – надеюсь, эти мои слова останутся между нами – нудные и затянутые это были

речи! Как адвокатам разобраться, что они хотели сказать? Здесь вам не палата лордов, и наше решение не должно иметь форму отдельных выступлений.

В конце концов главному судье удалось подвести коллег к тому, чтобы написать единый текст решения – если, конечно, по какому-нибудь из пунктов не возникнет серьезных разногласий. Главный судья никому не доверил составление первого черновика и взялся за это сам.

Работать старались быстро, но тщательно. Сначала всем судьям раздали предварительный текст решения, после чего каждый подал свои замечания на отдельных листах. «Не излишне ли многословен довод на странице 21 (о недопустимости апеллирования к подразумеваемым нормам в тех случаях, когда та или иная норма сформулирована в Конституции открытым текстом), если можно просто привести положение о праве государства на принудительное отчуждение собственности?» «Предлагаю на странице 16, строка 8, заменить фразу „возделывали собственные земли“ на „не являлись посредниками между земледельцами и властями штата“». «Предлагаю пока не использовать довод о праве государства на отчуждение собственности, а приберечь его в качестве второй линии обороны на случай, если Верховный суд не примет наш аргумент о недопустимости апеллирования к подразумеваемым нормам». И так далее, и тому подобное. Все пятеро судей прекрасно сознавали, какое тяжкое бремя ответственности лежит на их плечах: данное решение окажется не менее судьбоносным для миллионов их сограждан, чем любой акт законодательного или исполнительного органа.

Решение – на семидесяти пяти страницах – было составлено, исправлено, обсуждено, дополнено, снова исправлено, тщательно перепроверено и подписано. Личный секретарь главного судьи перепечатал его в единственном экземпляре. Сплетни и утечки информации были таким же обычным делом в Брахмпуре, как и по всей стране, однако на сей раз никто, кроме пятерых судей и секретаря, не знал, о чем же говорится в заветном документе – а главное, в последнем его абзаце.

11.29

Всю неделю Махеш Капур, как и многие другие политики самых разных чинов, мотался туда-сюда между Брахмпуром и Патной (до нее было несколько часов езды на поезде или машине). Политические последствия Пул Мелы и шаткое здоровье внука не позволяли министру надолго уезжать из Брахмпура. Но раз в два-три дня он отправлялся в Патну, ибо там сейчас творились дела, способные, по его мнению, полностью изменить расстановку политических сил в стране.

Однажды утром эта тема всплыла в их разговоре с женой.

Минувшим вечером, когда Махеш Капур вернулся из Патны (где, несмотря на безумный июньский зной, заседали несколько политических партий, включая Конгресс), жена сообщила ему новость, которая вынудила его задержаться в Брахмпуре по меньшей мере до середины следующего дня.

– Хорошо, – тихо сказала она. – Тогда вместе навестим Бхаскара в больнице.

– Женщина, у меня нет на это времени! – последовал раздраженный ответ Махеша Капура. – Я не могу весь день рассиживать с больными!

Госпожа Махеш Капур ничего на это не ответила, но ясно было, что она расстроена. Бхаскар пришел в сознание, однако его сильно лихорадило, и он ничего не помнил о том дне, когда случилась давка. Все остальное он тоже вспоминал с трудом и урывками.

Когда Кедарнат вернулся и узнал о случившемся, он едва мог поверить своим ушам. Вина, которая в отсутствие Кедарната ругала его на чем свет стоит, пожалела его и упрекать не стала. Они сутками напролет дежурили у больничной койки. Поначалу Бхаскар не узнал даже родителей, но постепенно память к нему возвращалась. Впрочем, математика по-прежнему его интересовала, и он заметно веселел, когда его навещал доктор Дуррани, – хотя сам

доктор Дуррани не получал удовольствия от этих визитов, поскольку математический гений его девятилетнего коллеги несколько померк. Зато Кабир очень полюбил мальчика, который раньше был для него просто очередным случайным гостем в доме. Именно Кабир раз в два-три дня уговаривал своего рассеянного отца навещать Бхаскара в больнице.

– Что же такого важного у тебя происходит на работе, что ты даже внука навестить не можешь? – через некоторое время спросила госпожа Капур (ее муж к тому времени уткнулся в газету).

– Вчера зачитывали список дел к слушанию, – лаконично ответил он.

Госпожа Капур не сдалась, и министр по налогам и сборам вынужден был объяснить ей, как идиотке, что в списке дел к слушанию Высокого суда Брахмпуре перечисляются все дела, которые будут слушаться на следующий день; так вот вчера было объявлено, что сегодня в десять часов утра главный судья вынесет вердикт коллегии по делу о Законе об отмене системы заминдари.

– А потом?

– А потом, в зависимости от вердикта, я должен решить, что делать дальше. Буду совещаться с генеральным адвокатом, Абдусом Салямом и бог его знает с кем еще. Потом поеду в Патну с главным министром... Тьфу, зачем я все это говорю? – Он демонстративно отгородился от жены газетой.

– А нельзя поехать в Патну после семи? Вечерние часы посещения в больнице – с пяти до семи.

Махеш Капур отложил газету и практически проорал:

– Неужели мне и в собственном доме не будет покоя?! Мать Прана, знаешь ли ты, что сейчас творится в нашей стране? Конгресс вот-вот расколется пополам, народ массово переходит в недавно созданную партию. – Он умолк, потом с растущим чувством продолжал: – Все порядочные люди бегут. П. Ч. Гош, Пракасам, Крипалани с женой – все ушли! Они вполне справедливо обвиняют нас в «коррупции, кумовстве и преступном злоупотреблении служебным положением». Рафи-сахиб, известный циркач, ходит теперь на заседания обеих партий и уже сумел пробиться в совет этой новой партии, этой НРКП, Народной рабоче-крестьянской партии! Сам Неру грозит покинуть Конгресс! «Мы тоже устали», говорит! – Махеш Капур досадливо фыркнул, повторив последние слова. – Твой муж испытывает схожие чувства. Не для этого я столько лет жизни просидел в тюрьме. Меня тошнит от Конгресса, и я тоже хочу уйти. Мне надо уехать в Патну сегодня же, поняла?! Все меняется ежечасно и ежеминутно, на каждом заседании случается какой-нибудь новый кризис или конфликт. Бог знает, как решится судьба страны, если меня там не будет. Даже Агарвал сейчас в Патне, да, Агарвал, Агарвал, который вообще-то должен расхлебывать последствия Пул Мелы! Он в Патне и без конца строит интриги, старается, из кожи вон лезет, чтобы угодить Тандону и насолить Неру. А ты спрашиваешь, почему я не могу отложить поездку в Патну. Бхаскар даже не заметит, что меня нет, а Вине ты все передашь – если запомнишь хотя бы десятую часть моих объяснений. Возьми машину. Я уж как-нибудь доберусь до суда. Ладно, все, хватит!.. – поднял он руку.

Госпожа Капур не стала ничего говорить. Ее не изменить, его не изменить; он это знает, и она это знает, и обоим прекрасно известно, что обоим это известно.

Она собрала корзинку с фруктами и поехала в больницу; он собрал бумаги и поехал в суд. Прежде чем выйти из дома, госпожа Капур распорядилась, чтобы мужу приготовили паратхи⁶⁹ в дорогу.

⁶⁹ *Паратха* – разновидность индийской лепешки.

11.30

Утро было жаркое, и по открытым коридорам здания Высокого суда Брахмпур дул раскаленный ветер. К девяти тридцати зал № 1 был набит под завязку. Внутри, несмотря на духоту, атмосфера стояла вполне терпимая: на окнах закрепили длинные плетеные коврики из кхаса – корней ветивера. Сбрызнутые свежей водой, они немного охлаждали летевший с улицы горячий июньский ветер.

Что же до психологической атмосферы, то она в зале суда была крайне напряженная: все с тревогой и нетерпением ждали вердикта. Из тех адвокатов, что выступали на прениях, сегодня присутствовали только местные, но отсутствие прочих с лихвой компенсировал брахмпурский суд, решивший, по-видимому, явиться на сегодняшнее мероприятие в полном составе. Репортеров тоже набилось порядочно, и все они уже что-то строчили в блокнотах. Вытягивая и выкручивая шеи, они пытались разглядеть каждого из знаменитых судящихся, каждого раджу, наваба и великого заминдара, судьбы которых лежали сегодня на чаше весов. Вернее, чаша эта уже склонилась в какую-то сторону, но сами весы пока скрывались за занавесом, который должны были поднять с минуты на минуту.

Вошел, беседуя с генеральным адвокатом штата Пурва-Прадеш, министр по налогам и сборам Махеш Капур. Когда они протискивались мимо него к своим местам, репортер «Брахмпурской хроники» сумел расслышать пару предложений:

– Быть может, триады богов достаточно для управления Вселенной, – сказал генеральный адвокат, улыбнувшись чуть шире обычного, – но для принятия этого решения понадобилось еще две головы.

Махеш Капур пробормотал:

– А, вот этот скотина Марх и его сын-педераст – как им только хватило наглости снова явиться в суд? Ну, хоть лица у них взволнованные, – и покачал головой с не менее взволнованным видом; он тоже боялся неблагоприятного исхода дела.

Часы пробили десять. Сперва потянулась пышная процессия лакеев, затем, не глядя на адвокатов ни одной из сторон, вошли сами судьи. По их лицам совершенно невозможно было понять, какое решение они приняли. Главный судья посмотрел налево и направо; по этому сигналу лакеи задвинули стулья. Судебный секретарь зачитал номера нескольких коллективных заявлений, ожидающих «вынесения вердикта». Главный судья опустил глаза на толстую стопку бумаги перед собой и рассеянно ее полистал. Никто не сводил с него глаз. Затем он снял со стакана кружевную салфетку и сделал глоток воды.

Он открыл последнюю страницу семидесятипятистраничного решения, склонил голову набок и приступил к чтению резолютивной части вердикта. На это ушло буквально полминуты, читал он быстро и четко:

– «Закон об отмене системы заминдари и земельной реформе в штате Пурва-Прадеш не противоречит никаким положениям Конституции и имеет законную силу. Основное исковое заявление и все дополнительные исковые заявления по данному делу отклонены. Согласно постановлению данного суда, каждая из сторон должна понести судебные издержки и расходы самостоятельно».

Он подписал решение и передал его коллеге по правую руку от себя, старшему рядовому судье. Тот также поставил подпись и через главного судью передал документ налево, следующему по старшинству коллеге. Так решение ходило туда-сюда, пока не добралось до судебного секретаря, который поставил на него печать: «Высокий суд Брахмпур». Тогда судьи встали, поскольку присутствия всех пятерых более не требовалось. Лакеи отодвинули стулья, и коллегия скрылась за тусклым красным занавесом в правой части зала. Следом исчезли лакеи в блистательных ливреях и тюрбанах.

Как было заведено в Высоком суде Брахмпуре, все четверо рядовых судей сопроводили в кабинет главного судью, затем следующего по старшинству и так далее – по порядку. Наконец достопочтенный судья Махешвари в одиночестве отправился к себе. Последние четыре недели все они только и делали, что обсуждали – в устной и письменной форме – свое решение, поэтому сейчас никому говорить не хотелось: молчаливое шествие судей в черных мантиях напоминало похоронную процессию. Что же до господина Махешвари, то он по-прежнему был несколько озадачен документом, под которым только что поставил свою подпись, зато частично приблизился к ответу на вопрос, какую роль в «Рамаяне» играет Сита.

Сказать, что в суде после оглашения вердикта воцарился хаос, – это ничего не сказать. Как только последний судья скрылся из виду, и пресса, и публика подняли крик, принялись обнимать друг друга или рыдать. Фироз с отцом едва успели переглянуться, как каждого по отдельности окружила толпа адвокатов, землевладельцев и журналистов. Сказать что-то связанное стало невозможно. Фироз помрачнел.

Раджа Марха, как и все остальные, вскочил с места, когда поднялись судьи. Он недоумевал: а где же само решение? Почему не зачитали? Неужели опять перенесли? У него не укладывалось в голове, что столь важную информацию можно изложить так коротко. Однако радость на лицах правительственных адвокатов и испуг, отчаянье на лицах его собственных наконец позволили ему осознать смысл скорбной мантры главного судьи. Ноги подкосились; раджа пошатнулся, упал на стоящие впереди стулья и потом на пол; тьма застила его глаза.

11.31

Два дня спустя генеральный адвокат штата Пурва-Прадеш, господин Шастри, внимательно перечитал полный текст решения, выпущенный типографией Высокого суда. Само решение, к счастью, было принято единогласно. Текст получился недвусмысленный, внятный и, по мнению генерального адвоката, вполне способный выдержать неизбежную проверку в Верховном суде (особенно теперь, когда вокруг него воздвигли прочную стену Первой поправки к Конституции).

Аргументы о неправомерном делегировании полномочий, а также о том, что принятие закона не обусловлено интересами общества, равно как и все прочие доводы истцов, были подробно рассмотрены и отвергнуты.

Что же касается главного вопроса – именно по нему, полагал Шастри, мнение судей могло разделиться, – то о нем в решении говорилось так:

И «реабилитационный» грант, и «компенсация» относятся к «компенсационным выплатам» – то есть средствам, выделяемым заминдарам для возмещения убытков, понесенных в связи с потерей земель. Следовательно, ни ту ни другую выплату нельзя считать носящей дискриминационный характер и нарушающей положения Конституции. Если бы правительство все-таки настояло на своем изначальном утверждении, что две выплаты имеют разный характер и рассматривать их следует по отдельности, то реабилитационный грант не попал бы под защиту, предусмотренную Конституцией для компенсационных выплат, и в таком случае его следовало бы отменить, так как он не обеспечивал бы гражданам страны «равную защиту закона».

В представлении генерального адвоката судьи нанесли правительству сокрушительный удар, после чего решили как можно скорее убрать жертву с пути невидимого, но стремительно приближающегося поезда. Господин Шастри улыбнулся – как все-таки причудливо устроен мир!

Что же до частных – собственности, учрежденной в общественно-благотворительных целях, вакуфов⁷⁰, земель, пожалованных Короной, и так далее, – то ни одно из этих исковых заявлений не было удовлетворено. У Шастри остался лишь один повод для сожалений, никак не связанный с исходом дела: его соперник, Г. Н. Баннерджи, не присутствовал при вынесении вердикта.

Г. Н. Баннерджи сейчас был в Калькутте – работал над еще одним весьма прибыльным, пусть и не столь судьбоносным делом. Господин Шастри подумал, что, узнав о решении суда по телефону или из телеграммы, прославленный адвокат, вероятно, лишь пожал плечами, хмыкнул да плеснул себе скотча.

11.32

На прежних Пул Мелах сразу после Джетх-Пурнимы толпы паломников начинали редеть, однако многие оставались еще на одиннадцать дней, дабы совершить омовение в ночь экадаши, а кто-то и на все четырнадцать, до следующего амаваса – «темной» луны, священной для бога Джаганнатхи. Но на сей раз все было иначе. Трагедия не только посеяла панику в рядах благочестивых, но и привела к полному административному бардаку на песках. Медицинские работники, вынужденные ухаживать за пострадавшими в давке, пренебрегали своими повседневными прямыми обязанностями. Из-за антисанитарии участились вспышки гастроэнтеритов и диареи – особенно на северном берегу. Киоски, торгующие готовой едой и продуктами, были ликвидированы, дабы у паломников не возникло соблазна подольше оставаться на берегах Ганга. Но некоторые все же остались, и им нужно было что-то есть. Торговцы начали вовсе наживаться на голодных: один сир⁷¹ лепешек пури стоил пять рупий, сир вареного картофеля – три рупии, цены на пан взлетели до небес.

В конце концов люди разъехались. Военные инженеры демонтировали столбы и линии электропередачи, настилы из стальных щитов, понтонные мосты через Ганг. Движение по реке было восстановлено.

С приходом сезона дождей вода поднялась и накрыла пески.

Рамджап-баба по-прежнему жил на своей платформе, теперь окруженной со всех сторон водами Ганга, и продолжал без конца твердить вечное имя Бога.

---

⁷⁰ *Вакуф* – в мусульманском праве имущество, переданное государством или отдельным лицом на религиозные и благотворительные цели. Вакуф был неотчуждаем и предполагал либо полную утрату учредителем прав на переданное имущество, либо закреплял за потомками учредителя право получения части дохода (такой вакуф назывался вакфалет).

⁷¹ *Сир* – традиционная индийская мера веса, примерно 2 фунта (0,93 кг); в Пакистане сир равен 1 кг.

Часть двенадцатая

12.1

Госпожа Рупа Мера и Лата вернулись из Лакхнау в Брахмпур примерно за неделю до начала учебы и «муссонного семестра» в университете. На вокзале их встречал Пран. Час был поздний, и, несмотря на теплую погоду, Пран сильно кашлял.

Госпожа Рупа Мера поругала его и сказала, что не надо было приезжать в таком состоянии.

– Да бросьте, ма, – улыбнулся Пран. – Неужели вы хотели, чтобы я прислал Мансура?

– Как Савита? – спросила госпожа Рупа Мера, опередив Лату.

– Прекрасно. Живот растет не по дням, а по часам...

– Осложнений нет?

– Все хорошо. Она ждет вас дома.

– Ей сейчас вредно засиживаться допоздна.

– Я тоже так сказал. Но мама и сестра ей явно дороже, чем муж. Она хочет вас накормить, думает, вы проголодались с дороги. Как доехали? Надеюсь, вас кто-нибудь проводил на вокзал в Лакхнау?

Лата с мамой переглянулись.

– Да, – уверенно ответила госпожа Рупа Мера. – Тот самый молодой человек, о котором я вам писала из Дели.

– Сапожник Хареш Кханна?

– Не называй его сапожником, Пран. Даст бог, он скоро станет моим вторым зятем.

Пришел черед Прана переглядываться с Латой. Та мягко покачала головой из стороны в сторону – Пран не понял, то ли она не согласна с маминым утверждением, то ли просто не одобряет ее излишнюю уверенность.

– Лата попросила Хареша ей писать. Это может означать только одно, – убежденно продолжала госпожа Рупа Мера.

– Напротив, ма, – не выдержала Лата, – это может означать все что угодно. – Она не уточнила, что вообще-то не просила Хареша писать, а лишь дала на это согласие.

– Что ж, я считаю, он достойный человек, – сказал Пран. – А вот и тонга. – Он отвлекся на кули и принялся объяснять им, куда класть багаж.

Лата не расслышала последних слов Прана, иначе ответила бы на них так же, как ее мать, то есть очень удивилась бы.

– Достойный? Откуда ты знаешь? – нахмурилась госпожа Рупа Мера.

– Все очень просто, – ответил Пран, радуясь, что сумел озадачить тещу. – Я с ним знаком, только и всего.

– Ты знаком с Харешем?! – воскликнула госпожа Рупа Мера.

Пран закашлял и закивал одновременно. Теперь уже обе родственницы в изумлении уставились на него.

Когда голос вернулся к Прану, он наконец пояснил:

– Да-да, я знаком с вашим сапожником.

– Пожалуйста, не называй его так! – вспылила госпожа Рупа Мера. – Он, между прочим, учился в Англии! И тебе давно пора заняться своим здоровьем. Как ты будешь заботиться о Савите, если сам болен?

– Он мне действительно понравился, – продолжал Пран, – но я ничего не могу с собой поделать: мысленно называю его только сапожником. Просто он пришел в гости к Сунилу Патвардхану с парой брогов, которые сам же перед этим и смастерил. Или он хотел, чтобы ему такие сделали... Что-то в этом роде, не помню точно, – закончил он.

– Что ты такое несешь, Пран? – вскричала госпожа Рупа Мера. – Хватит уже говорить загадками! Как можно принести с собой то, что тебе должны сделать? И кто такой этот Сунил Патвардхан, и что такое броги? И... – добавила она особенно горестно, – почему я первый раз об этом слышу?!

Госпожа Рупа Мера считала своим долгом знать все обо всех, и тот факт, что она ничего не слышала о знакомстве Прана с Харешем (а ведь зять, по-видимому, познакомился с Харешем даже раньше ее!), возмутил ее до глубины души.

– Ну, не злитесь, ма, я не виноват. Закрутился... А может, просто из головы вылетело. Хареш приезжал сюда по работе несколько месяцев назад, остановился у своего коллеги – там мы и познакомились. Невысокий такой, одет с иголочки, очень прямой и обстоятельный, на все имеет свое твердое мнение. Хареш Кханна, да. Я хорошо запомнил его имя, потому что еще тогда подумал, что он может быть неплохой партией для Латы.

– Ты подумал... – завелась госпожа Рупа Мера, – но ничего не предпринял?! – Какая непростительная халатность! Сыновья-то у нее в этом плане безответственные, от них и не такого можно ожидать, но чтобы любимый зять?..

– Да... – Пран ненадолго задумался. – Слушайте, я ведь не знаю, что вам о нем известно, ма. И дело было давно, я мог ослышаться или неправильно запомнить, но вроде бы Сунил Патвардхан рассказывал про какую-то девушку из семьи сикхов...

– Да-да, мы в курсе, – оборвала его госпожа Рупа Мера. – Нам обо всем доложили. Это не проблема. – Она тоном дала понять, что даже целый вооруженный до зубов полк сикхских девиц не остановит ее на пути к цели.

Пран продолжал:

– Сунил рассказал какой-то нелепый стишок про этого Хареша и его возлюбленную. Сейчас уже не вспомню, но он ясно дал понять, что сердце Хареша занято.

Госпожа Рупа Мера пропустила этот аргумент мимо ушей.

– Кто такой Сунил?

– Вы разве его не знаете, ма? – удивился Пран. – Ну да, наверное, мы его не приглашали, когда вы были здесь. Нам с Савитой он очень нравится. Живой такой, бойкий, и отличный пародист. Он будет рад с вами познакомиться, да и вы не пожалеете: через пять минут вам покажется, что вы беседуете сами с собой.

– А чем он занимается? Где работает?

– Ой, простите, ма, я не сказал? Он лектор, преподает на факультете математики. В общем, работает в той же сфере, что и доктор Дуррани.

Лата невольно вздрогнула, услышав эту фамилию. На ее лице отразились нежность и печаль. Она понимала: избегать Кабира в университете будет очень трудно, да и захочет ли она его избегать? Сможет ли себя заставить? Наверняка у Кабира не осталось к ней никаких чувств – она ведь так долго молчала. А если своим молчанием она причинила ему столько же страданий, сколько он ей? Эти мысли не вселяли ничего, кроме боли.

– Теперь расскажи мне новости про Брахмпур, – быстро сменила тему госпожа Рупа Мера. – Расскажи про эту ужасную трагедию на Пул Меле, про давку. Надеюсь, никто из наших знакомых не пострадал?

– Ма... – задумчиво протянул Пран. Сегодня ему не хотелось рассказывать теще про Бхаскара, – давайте обсудим новости завтра утром. Вам нужно многое узнать – про Пул Мелу, про отмену системы заминдари, про то, что теперь будет с моим отцом... Ах да, и с «бьюиком» вашего отца. – Тут он закашлялся. – Кстати, Рамджап-баба исцелил мою астму, вот только мои легкие еще не в курсе. Вы обе устали с дороги, да я и сам, признаться, хочу отдохнуть. Ох, дорогая... – Савита вышла встречать их к воротам. – Ты такая глупышка. – Он поцеловал жену в лоб.

Савита с Латой поцеловались. Госпожа Рупа Мера обняла старшую дочь, утерла слезы и сказала:

– Что там с машиной моего отца, говорите!

Однако беседовать было некогда. Сперва выгрузили багаж, потом путешественницам предложили горячий суп (те отказались), потом все желали друг другу доброй ночи. Госпожа Рупа Мера зевнула, подготовилась ко сну, сняла вставные зубы, поцеловала Лату, помолилась ушла спать.

Лата заснула не сразу, но думала теперь почему-то вовсе не о Кабаре или Хареше. Даже тихое ровное дыхание мамы не успокаивало ее. Стоило Лате положить голову на подушку, как она сразу вспомнила, где провела минувшую ночь, и поначалу не могла даже закрыть глаза: из-за двери как будто доносились шаги и чудился бой старинных напольных часов, стоявших в конце коридора возле комнат Пушкара и Киран.

«Я думал, ты умная девочка», – говорил гнусный, разочарованный, снисходительный голос.

В конце концов глаза ее сами собой закрылись, и разум тоже наконец сморила блаженная усталость.

12.2

Госпожа Рупа Мера и две ее дочери только закончили завтракать и не успели заговорить о серьезном, как к ним пожаловали гости из Прем-Ниваса – госпожа Капур и Вина.

Лицо госпожи Рупы Меры мгновенно озарила радость: она вспомнила их доброту и заботу.

– Входите, входите, входите! – зашебетала она на хинди. – Только я о вас подумала, как вы пришли! Непременно позавтракайте с нами. – В доме дочери она сразу принялась хозяйничать, чего не могла себе позволить в Калькутте под бдительным присмотром горгоны. – Не хотите? Тогда чаю. Как дела в Прем-Нивасе? А в Мисри-Манди? Почему Кедарнат не с вами? А его матушка? И где Бхаскар? Школа ведь еще не началась? Наверное, пускает воздушных змеев с приятелями и думать забыл о своей Рупе-нани. Министр-сахиб, конечно, занят, можно и не спрашивать, на него я не обижаюсь, а вот Кедарнат мог бы приехать! По утрам он все равно бездельничает. Ладно, рассказывайте скорее новости. Пран обещал рассказать, но утром мы не то что поговорить не успели – я его даже не видела! Убежал на собрание какой-то там комиссии. Савита, вели ему не перетруждаться. И вы тоже, – обратилась она к матери Прана, – посоветуйте ему меньше работать. Вас он послушает, мать всегда знает подход к сыну.

– Да что вы, кто меня слушает? – тихо возразила госпожа Капур. – Вам ли не знать!

– Да, – согласилась госпожа Рупа Мера, горестно качая головой. – Очень хорошо вас понимаю. Никто в наши дни не слушает родителей. Это примета времени. – Лата с Савитой переглянулись; госпожа Рупа Мера продолжала: – Зато моему отцу никто не смеет перечить – непослушных он бьет. Однажды и мне досталась оплеуха. Арун был еще маленький, и папа решил, что я неправильно его воспитываю. Он был беспокойным ребенком, много плакал без всякого повода, и это раздражало папу. Конечно, я тоже зарыдала, когда он меня ударил. И Арун, ему был всего годик, заплакал пуще прежнего. Муж тогда был в отъезде. – Взгляд ее затуманился и тут же снова прояснился: она вспомнила, о чем хотела спросить. – Папин автомобиль... «бьюик»... что с ним стряслось?

– Его реквизировали для транспортировки пострадавших в давке на Пул Меле, – ответила Вина. – Наверное, уже вернули; по крайней мере, должны были. Мы не очень-то следили за событиями, так переживали за Бхаскара...

– За Бхаскара? А в чем дело? – встрепелась госпожа Рупа Мера.

– Что случилось с Бхаскаром? – подхватила Лата.

Вина, ее мать и Савита были очень удивлены, что Пран до сих пор не рассказал им про случившееся на Пул Меле, – он должен был сделать это сразу по их приезду! Все трое принялись наперебой рассказывать, что произошло, и ко всеобщему гаму прибавились взволнованные вскрики, охи и ахи госпожи Рупы Меры.

Послушать этот шум, так Бирбал в самом деле видел под деревом настоящее чудо, подумала Лата. И тут не только ее мысли переключились с Бхаскара на Кабира, но и разговор.

Вина Тандон говорила:

– Ох, если бы не тот парень, который заметил и узнал Бхаскара в лагере для раненых, бог знает, что бы мы сейчас делали и кто бы его нашел. Он был без сознания, когда мы пришли, а потом, когда очнулся, не мог вспомнить собственное имя.

Ее всю затрясло при мысли о страшной, почти неотвратимой беде, которой им чудом удалось избежать. Даже днем, бодрствуя у кровати сына и держа его за руку, она с ужасающей ясностью вспоминала, как его пальцы выскользнули из ее ладони. И то, что эти пальчики к ней вернулись и она снова может их сжимать, нельзя объяснить ничем, кроме как вмешательством доброго и милосердного Господа.

– Да, чаю! – воскликнула госпожа Рупа Мера в порыве нежности – теперь она могла окружить материнской заботой сразу трех родственниц! – Сейчас же выпей чашечку, Вина. Нет-нет, надо попить, хоть руки и трясутся. Сразу отпустит, вот увидишь. Нет, Савита, ты сиди, в твоём положении нельзя хлопотать. Для чего еще нужна мать, согласны? – Последние слова были адресованы госпоже Капур. – Лата, милая, передай эту чашку Вине. А что за парень узнал Бхаскара? Кто-то из его друзей?

– Нет-нет! – Голос Вины уже почти не дрожал. – Молодой человек, доброволец. Мы его не знаем, но он знает Бхаскара. Его зовут Кабир Дуррани, это сын доктора Дуррани, который был так добр к Бхаскару...

Руки госпожи Рупы Меры затряслись от неожиданности, и она расплескала чай.

Лата окаменела, услышав заветное имя.

Что забыл Кабир на индуистском фестивале, почему пошел туда добровольцем?

Госпожа Рупа Мера поставила чайник и взглянула на Лату – виновницу всех ее бед. Она уже хотела воскликнуть: «Вот что я из-за тебя натворила!» – но в последний миг осеклась. В конце концов, Вина и госпожа Капур понятия не имели о том, что Кабир неравнодушен к Лате (она предпочитала смотреть на это так).

– Но он ведь... он же... судя по фамилии... что он делал на Пул Меле? Зачем...

– Университет набирал волонтеров, вот он и вызвался помогать, – пояснила Вина. – Какой отзывчивый, порядочный молодой человек! Даже по велению министра отказался уходить с дежурства в лагере для раненых – а вы ведь знаете, как баоджи сурово говорит по телефону. Нам пришлось самим ехать к Бхаскару. И хорошо, потому что его нельзя было перевозить в таком состоянии. Сын доктора Дуррани очень устал, но долго с нами беседовал, успокаивал нас, рассказывал, как принесли Бхаскара и что открытых травм у него не было... Я чуть с ума не сошла от волнения. В такие минуты понимаешь, что Бог – в каждом из нас. Теперь Кабир часто заглядывает в Прем-Нивас, навещает Бхаскара. Его отец тоже заходит, они с Бхаскаром дружат. Понятия не имею, о чем они болтают, но Бхаскар так радуется его приходу! Мы просто даем им ручку с бумагой и уходим.

– В Прем-Нивас? – уточнила Рупа Мера. – А почему не в Мисри-Манди?

– Понимаете, Рупаджи, – встала госпожа Махеш Капур, – я настояла, чтобы Вина и Бхаскар пожили у нас, пока он не поправится. Врач говорит, его сейчас не стоит лишний раз дергать. – На самом деле госпожа Капур отвела врача в сторонку и настояла, чтобы он так сказал. – Да и Вине так проще, она все время ухаживает за Бхаскаром – когда тут хозяйством заниматься? Кедарнат с матушкой, конечно, тоже живут у нас. Они сейчас с Бхаскаром. Его нельзя оставлять одного.

Госпожа Капур не стала говорить, что у нее прибавилось хлопот по хозяйству. На самом деле она и не считала, что принимать в доме четырех постоянных гостей – очень уж хлопотное дело. Она привыкла, что в любое время суток в Прем-Нивас могут нагрянуть коллеги и политические сторонники мужа. Уж если чужих людей она принимала пусть не с радостью, но с готовностью, то родную дочь приютила охотно. Ее бесконечно радовало, что в такой непростой ситуации она оказалась рядом и может помогать. В разделе страны было мало хорошего, но один плюс, несомненно, имелся: ее замужняя дочь и внук вернулись из Лахора в Брахмпур. А в результате другого трагического события они теперь жили все вместе.

– Бхаскар, конечно, скучает по друзьям, – сказала Вина. – Хочет поскорей вернуться домой. Когда начнется учеба, сложно будет его удержать... И репетиции в «Рамлиле»⁷² начинаются, он в этом году решил играть обезьяну. Для больших ролей – Ханумана, Нала, Нила и других – он еще маловат, но воином армии вполне может быть.

– Не волнуйся, он быстро наверстает упущенное, – заверила ее госпожа Капур. – И до «Рамлилы» еще далеко. Обезьяну сыграть нетрудно, что там репетировать? Здоровье превыше всего. Пран в детстве много болел и часто пропускал уроки, но ему, как видишь, это не навредило.

Упомянув Прана, госпожа Капур невольно задумалась и о своем младшем, но запретила себе волноваться о том, что изменить невозможно. Жаль, нельзя полностью выключить тревогу. Муж настоял, чтобы Ману ничего не говорили о случившемся с Бхаскаром – чего доб-

⁷² «Рамлила» – мистериальная народная драма северной Индии, связанная с культом Рамы.

рого, балбес вернется в Брахмпур навестить лягушонка и опять попадет в сети «этой». Махеш Капур был сам не свой после возвращения из Патны, куда ездил на заседание Конгресса. Забот и тревог в свете катастрофических событий в партии и стране у него было предостаточно – не хватало только Мана, этой головной боли, на которую не найти управы, этого позорного пятна на его репутации.

Госпожа Махеш Капур вдруг, ни с того ни с сего робко засмеялась и сказала:

– Мне иногда кажется, что министр-сахиб стал говорить так же заумно и непонятно, как доктор Дуррани.

Все подивились ее словам – тем более странно было слышать это из уст тихой и кроткой госпожи Капур. Вина особенно хорошо понимала, что лишь крайнее смятение и тревога могли заставить маму сказать подобное. Заботясь о сыне, она совсем забыла о матери и не замечала, как та убивается из-за астмы Прана и травм Бхаскара, не говоря уже о выходках Мана и грубом обращении мужа. Вина и сама выглядела изнуренной, но это, вероятно, волновало ее меньше всего.

Слова госпожи Махеш Капур вызвали у госпожи Рупы Меры другой вопрос:

– Как доктор Дуррани узнал о Бхаскаре?

Вина в ту минуту думала совсем о другом.

– Доктор Дуррани? – озадаченно переспросила она.

– Да, как они с Бхаскаром познакомились? Ты говорила, что этот во всех отношениях достойный юноша узнал Бхаскара, потому что тот был знаком с его отцом.

– А! Просто однажды Кедарнат пригласил на ужин Хареша Кханну, молодого человека из Канпура...

Лата прыснула со смеху. Госпожа Рупа Мера сперва побелела, затем покраснела. Нет, это возмутительно! Все в Брахмпуре, похоже, знали Хареша, а она услышала о нем в последнюю очередь! Почему Хареш ни разу не упомянул в разговоре своих брахмпурских знакомых: Кедарната, Бхаскара, доктора Дуррани? Почему она, госпожа Рупа Мера, последней получает сведения, имеющие прямое отношение к столь важному для нее делу – поиску и приобретению зятя?

Вина с госпожой Капур переглянулись, дивясь странному поведению Латы и ее матери.

– Давно это началось? – спросила госпожа Рупа Мера с упреком и даже обидой в голосе. – Почему все про все знают? Все знакомы с Харешем! Куда ни плюнь – везде Хареш, Хареш. Одна я ничего не знаю!

– Но вы уехали в Калькутту почти сразу после того, как он у нас гостил, ма! – воскликнула Вина. – Мы даже поговорить не успели. А почему это так важно?

Когда до Вины и госпожи Капур наконец дошло, что Лата с мамой имеют на Хареша «виды» (слишком уж тщательному допросу их подвергла госпожа Рупа Мера – как тут не догадаться?), они сами накинулись на родственниц с вопросами и упреками, что те до сих пор молчали.

В конце концов госпожа Рупа Мера смягчилась и была готова как принимать, так и предоставлять сведения. Она подробно описала все дипломы и сертификаты потенциального зятя, его одежду, внешность, реакцию Латы на Хареша и Хареша – на Лату, и тут, к большому облегчению и радости последней, приехала Малати Триведи.

– Здравствуйтесь, здравствуйтесь! – просияла Малати, практически врываясь в гостиную. – Как мы давно не виделись, Лата! Намасте, госпожа Мера – то есть ма. И вам тоже. – Она кивнула Савите и ее заметно округлившемуся животу. – Здравствуйтесь, Винаджи, как идут уроки музыки? Как уstad-сахиб? Я недавно включила радио и слушала, как он поет рагу «Багешри». Такая красота: озеро, холмы, музыка – все слилось в единую картину. Я чуть не умерла от удовольствия! – В последнюю очередь Малати поздоровалась с госпожой Капур (ее она не узнала,

но догадалась, что это мама Вины) и, закончив с приветствиями, села. – Я только что вернулась из Найнитала, – радостно объявила она. – А где Пран?

12.3

Лата посмотрела на Малати полным надежды взглядом, как на свое единственное спасение.

– Пойдем скорей! – воскликнула она. – Пойдем гулять. Немедленно! Мне столько нужно с тобой обсудить. Я все утро думала сбежать из дома, но поленилась. Кстати, я даже хотела наведаться в женское общежитие, но не знала, там ли ты. Мы сами ночью приехали.

Малати с готовностью встала.

– Твоя подруга только пришла, – проворчала госпожа Рупа Мера. – Это очень негостеприимно и невежливо, Лата. Дай ей хоть чаю выпить. Прогулка подождет.

– Все хорошо, ма, – улыбнулась Малати. – Чаю я пока не хочу, а как вернемся – с удовольствием выпью. И мы с вами обо всем поговорим. А пока прогуляемся с Латой на реку.

– Будьте осторожны, в такую погоду на баньяновом спуске очень скользко! – предостерегла их госпожа Рупа Мера.

Сбегав в свою комнату и прихватив кое-что, Лата наконец совершила задуманный побег.

– Ну, что стряслось? – спросила Малати, как только они вышли за дверь. – Почему тебе так не терпелось сбежать?

Лата зачем-то заговорила тише:

– Они обсуждали меня и парня, с которым мама заставила меня познакомиться в Канпуре. Причем говорили так, будто меня рядом не было. Даже Савита не возмутилась!

– Знаешь, я бы, наверное, тоже не возмутилась, – сказала Малати. – И что они говорили?

– Расскажу попозже, – ответила Лата. – Мне надоело слушать про себя, хочу сменить тему. Что нового у тебя?

– А какая сфера тебя интересует – интеллектуальная, физическая, политическая, духовная или романтическая?

Лата стала выбирать между последними двумя, а потом вспомнила слова Малати про озеро, холмы и ночную рагу.

– Романтическая!

– Ужасный выбор, – заявила Малати. – Советую тебе раз и навсегда выбросить всю романтическую дурь из головы. В общем, в Найнитале у меня было что-то вроде романа... Только...

– Что?

– Только не совсем. Я сейчас все расскажу, а ты сама решишь, что это было.

– Хорошо.

– Помнишь мою сестру, старшую, которая то и дело нас похищает?

– Да. Я с ней не знакома, но ты рассказывала, что она в пятнадцать лет вышла за молодого заминдара и живет неподалеку от Барейли.

– Да, она самая, только живет она под Агррой. В общем, они захотели отдохнуть в Найнитале, и я решила к ним присоединиться. А заодно – три мои младшие сестры, наши двоюродные сестры и так далее. Каждой давали по рупии в день на карманные расходы, и этого было вполне достаточно, чтобы постоянно куда-нибудь ездить или ходить. Семестр у меня был сложный, хотелось проветриться и забыть ненадолго о Брахмпуре. Как и тебе, полагаю. – Она обняла Лату за плечи. – В общем, по утрам я ездила верхом – лошадка стоит всего четыре анны в час, – а еще занималась греблей и ходила на каток. Иногда каталась по два раза в день, даже про обед забывала. Остальные занимались своими делами. Ну, ты уже, наверное, догадалась, что произошло.

– На катке ты упала, и какой-нибудь галантный молодой человек тебя спас?

– Нет, – ответила Малати. – У меня такой самоуверенный вид, что ни одному Галахад⁷³ не пришло бы в голову меня спасать.

Лата подумала, что это похоже на правду. Мужчины часто падали к ногам Малати, но если бы та упала сама, они, вероятно, не рискнули бы ее поднять. Большинство мужчин, считала она, были недостойны ее внимания.

Подруга продолжала:

– Вообще-то на катке я действительно пару раз упала, но вставала сама. Нет, там другое случилось. Я начала замечать, что за мной следит мужчина средних лет. Каждое утро, когда я брала лодку, он обязательно стоял на берегу и наблюдал за мной. Иногда он тоже брал лодку. Один раз даже на каток пришел.

– Ужас! – Лата невольно подумала о своем дяде из Лакхнау, господине Сахгале.

– Ну нет, Лата, меня это не напугало, скорее озадачило. Он не подходил, ничего не говорил, просто наблюдал издали. Потом, конечно, это начало меня беспокоить. Я не выдержала и сама к нему подошла.

– Сама?! – поразилась Лата. Ее подруга явно напрашивалась на неприятности. – Очень смело с твоей стороны.

– Да, сама. В общем, я ему говорю: «Вы за мной следите. Зачем? Хотите мне что-то сказать?» А он: «Я приехал сюда в отпуск, остановился в таком-то номере такого-то отеля, не согласитесь ли сегодня зайти ко мне на чай?» Я, конечно, была удивлена, но он показался мне приятным, порядочным человеком, и я согласилась.

Лата была не просто потрясена – шокирована. Малати это явно польстило.

– За чаем, – продолжала она, – этот мужчина признался, что действительно за мной следит, причем дольше, чем мне известно. Ну, не разевай так рот, Лата, ты меня сбиваешь. В общем, он увидел меня однажды на озере и от делать нечего решил за мной понаблюдать. В тот день я вернулась на берег и отправилась на конную прогулку, а потом на каток. Его заинтересовало, что я не отвлекалась ни на отдых, ни на еду и была полностью поглощена тем делом, которым занималась. Словом, я ему понравилась. Ну что ты кривишься, Лата, это чистая правда! У него пять сыновей, сообщил он мне, и я могла бы стать замечательной женой кому-нибудь из них. Живут они в Аллахабаде. Если я когда-нибудь окажусь в их краях, не соглашусь ли я встретиться с ними? Ах да, кстати, в ходе нашего разговора случайно выяснилось, что он знаком с моими родителями. Они виделись в Мируте много лет назад, когда папа еще был жив.

– Так ты согласилась? – спросила Лата.

– Да, согласилась. На встречу. Не вижу в этом ничего дурного, Лата. Целых пять братьев! Может, я выйду за всех разом – или ни за кого. Вот такие дела. Вот почему он за мной следил. – Она умолкла. – Ну что, романтично? По-моему, да. Как бы то ни было, эта история явно про романтику, а не про интеллект, политику или духовность. А у тебя что происходит?

– Разве ты бы согласилась на брак по договоренности?

– Почему нет? Думаю, сыновья у него достойные. Но до тех пор я хочу закрутить роман еще с кем-нибудь – напоследок, пока не остепенилась. Целых пять сыновей, ты подумай! Как странно.

– В вашей семье пять дочерей, разве нет?

– Да, – кивнула Малати. – Но почему-то это кажется мне менее странным. Я росла среди женщин и так к ним привыкла, что ничего странного в этом не вижу. Конечно, у тебя все иначе. Ты тоже осталась без отца, но у тебя есть братья. И все же я ощутила удивительное знакомое чувство, когда вошла в гостиную твоей сестры. Как будто вернулась в прошлое: сплошные женщины и ни единого мужчины. Кстати, в женском общении чувствуешь себя иначе. У вас очень успокаивающая атмосфера.

⁷³ Галахад (Галаад) – рыцарь Круглого стола короля Артура, один из трех искателей Святого Грааля.

– Но сейчас тебя окружают мужчины, так ведь? – сказала Лата. – На учебе...

– Ах да, в университете – разумеется, но это ерунда, в школе было раз в сто хуже. Иногда мне кажется, что всех мужчин надо поставить к стенке и расстрелять, ей-богу. Не то чтобы я их ненавижу, конечно. Ладно, рассказывай скорей про себя. Что с Кабиром? Как ты с ним поступила? Теперь ты вернулась – что планируешь делать... кроме того, что пристрелишь его и посеешь панику на крикетном поле?

12.4

Лата рассказала подруге, что происходило в ее жизни после того злополучного звонка, когда Малати сообщила ей о Кабуре и ясно дала понять (как будто Лата сама не догадалась), что вместе им не быть. Подруги как раз прогуливались неподалеку от того места, где Лата предложила Кабуре сбежать и плюнуть на постылый, закоснелый, жестокий мир вокруг. «Вот такая мелодрама», – прокомментировала Лата свой поступок.

Малати прекрасно поняла, какую боль причинила Лате отповедь Кабура.

– Очень смело с твоей стороны, – похвалила она подругу, но сама подумала, что та чудом избежала катастрофы. Как хорошо, что Кабир отказался! – Ты без конца говоришь мне, что я храбрая, но тут ты меня переплюнула.

– Разве? – ответила Лата. – С тех пор мы не виделись и я ни словечка ему не написала. Даже думать о нем не могу. Я думала, что забуду его, если не стану отвечать на письмо, но это не сработало.

– На письмо? – удивилась Малати. – Он написал тебе в Калькутту?

– Да. И в Брахмпуре я постоянно про него слышу. Вчера вечером Пран упомянул его отца, а сегодня утром мне рассказали, что Кабир вызвался добровольцем в лагерь для пострадавших на Пул Меле. Он помог Вине найти ее пропавшего без вести сына. Вдобавок мы сейчас гуляем там, где я гуляла с ним... – Лата умолкла. – Что посоветуешь?

– Ну, начнем с того, что дома ты покажешь мне его письмо. Чтобы поставить диагноз, мне надо увидеть симптомы.

– А вот оно. – Лата достала из кармана конверт. – Кроме тебя, я никому его не показывала.

– Хм-м. А когда ты успела... Поняла! Ты же сбежала в свою комнату перед выходом. – Письмо выглядело зачитанным; Малати присела на корень баньяна. – Ты точно не против? – спросила она, когда пробежала глазами уже половину письма.

Закончив, она перечитала письмо еще раз.

– Что за благоуханные воды? – спросила она.

– Это цитата из путеводителя. – Приятное воспоминание сразу подняло Лате настроение.

– Знаешь, – сказала Малати, складывая и возвращая письмо, – мне понравилось. Кабир пишет открыто, и сердце у него доброе. Но выглядит это как писанина обыкновенного подростка, который предпочел бы поговорить со своей подружкой, чем писать ей.

Лата задумалась над словами подруги. Что-то подобное приходило в голову и ей, однако это ничуть не сгладило удручающего действия, которое мало-помалу оказывало на нее письмо. Если так рассуждать, то и ее саму вполне можно упрекнуть в незрелости. Да и Малати тоже. И кто в таком случае зрелый? Ее старший брат, Арун? Младший Варун? Мама? Эксцентричный дедушка, которому дай только порыдать да помахать тростью? И зачем человеку вообще стремиться к зрелости? Потом Лата задумалась о собственном – неуравновешенном и так и не отправленном – письме.

– Дело не только в том, что он мне написал, Малати. Семья Прана теперь без конца будет о нем говорить. А через несколько месяцев начнется сезон крикета, и я всюду буду читать о нем в газетах. И слышать. Не сомневаюсь, что без труда различу его имя с пятидесяти ярдов.

– Ой, ну хватит стонать, Лата, ты же не слабачка! – заявила Малати, и раздражения в ее голосе было не меньше, чем любви.

– Что?! – сокрушенно и при этом разгневанно воскликнула Лата, воззрившись на подругу.

– Тебе надо чем-то заняться, отвлечься, – решительно сказала Малати. – Чем-то помимо учебы. К тому же до итоговых экзаменов почти год, и в первом семестре народ обычно не напрягается.

– Благодаря тебе я теперь пою.

– О нет, – отмахнулась Малати. – Я не об этом. Если уж на то пошло, прекращай петь раги – песни из кинофильмов полезнее.

Лата засмеялась, вспомнив Варуна и его граммофон.

– Жаль, здесь не Найнитал, – продолжала Малати.

– То есть мне следовало бы заняться верховой ездой, греблей и фигурным катанием?

– Да.

– Беда в том, – сказала Лата, – что в лодке я думала бы исключительно о благоуханных водах, а в седле – о том, как мы катались на велосипеде. Да и вообще, ни грести, ни ездить верхом я не умею.

– Чтобы забыть о своих страданиях, нужно чем-то активно заниматься, – говорила Малати (отчасти самой себе). – Может, вступишь в какой-нибудь клуб? Литературное общество, например?

– Нет. – Лата помотала головой и улыбнулась. Вечера у господина Навроджи и все им подобное будет только навевать ей ненужные воспоминания.

– Тогда студенческий театр. В этом году ставят «Двенадцатую ночь». Получи роль в спектакле – и будешь весело смеяться над превратностями любви и жизни.

– Мама никогда не позволит мне играть в театре, – сказала Лата.

– А ты не будь такой паинькой! Рано или поздно она согласится, вот увидишь. Пран в прошлом году играл в «Юлии Цезаре», между прочим, и там даже были женщины. Немного и не в главных ролях, положим, но самые настоящие девушки, а не переодетые парни. В то время он уже был обручен с Савитой. Разве твоя мама хоть слово ему сказала? Нет, не сказала. Сам спектакль она не видела, зато очень гордилась, что он пользовался таким успехом у публики. Значит, и на сей раз возражать не будет. Пран непременно тебя поддержит. И кстати, в студенческих театрах Патны и Дели тоже теперь смешанные актерские составы. Времена меняются!

Лата сразу представила, что ее мать скажет об этих переменах.

– Да! – воодушевилась Малати. – Спектакль ставит этот наш философ, как его? Ладно, потом вспомню. Прослушивания начинаются через неделю. Девушек слушают отдельно от парней. Все очень благопристойно. Может, и репетировать будут отдельно. Самый осторожный родитель носа не подточит! К тому же спектакль приурочен к церемонии посвящения – чем не достойный повод? Тебе жизненно необходимо что-то в этом роде, иначе ты завянешь. Активность – бурная, немедитативная деятельность в большой дружной компании. Поверь мне на слово, это тебя исцелит. Я сама именно так и забыла о своем музыканте.

Хоть Лате и казалось, что душераздирающая интрижка Малати с женатым музыкантом – отнюдь не повод для шуток, она была благодарна подруге за попытку ее развеселить. Узнав на собственном опыте о пугающей силе чувств, она стала лучше понимать то, чего раньше не понимала: как Малати позволила себе впутаться в столь рискованное и губительное для репутации дело.

– И вообще, надоел этот Кабир, расскажи про всех остальных мужчин, с которыми ты познакомилась. Кто этот канпурский ухажер? И что ты делала в Калькутте? Разве мать не хотела свозить тебя заодно в Дели и Лакхнау? В каждом из этих городов должен быть хотя бы один интересный мужчина.

Выслушав подробный рассказ Латы о путешествии – вышел не столько список мужчин, сколько живое описание событий (за исключением последней ночи в Лакхнау, не поддающейся никакому описанию), Малати сказала:

– Насколько я поняла, любитель пана и поэт идут ноздря в ноздю в этом матримониальном заезде.

– Поэт? – Лата была ошарашена.

– Да. Полагаю, его брата Дипанкара и договорника Биша в расчет не берем?

– Конечно не берем, – раздраженно ответила Лата, – и Амита тоже, я тебя уверяю! Он просто друг. Вот как ты. Единственный человек, с которым я могла поговорить в Калькутте.

– Продолжай. Это очень любопытно. Он уже подарил тебе свою книжку?

– Не подарил! – буркнула Лата.

Тут она припомнила, что Амита вроде бы обещал подарить ей экземпляр. Но если он действительно хотел это сделать, то уже давно сделал бы. Мог, к примеру, прислать книжку с Дипанкаром, который недавно приезжал в Брахмпур и встречался с Праном и Савитой. И все же ей стало совестно за не вполне честный ответ, и она добавила:

– По крайней мере пока.

– Ну, извини, – без намека на раскаяние сказала Малати. – Не знала, что это такая большая тема.

– Нисколько! – выпалила Лата. – Не большая, просто неприятная. Амита в качестве друга – это прекрасно, но во всех остальных качествах он меня не интересует. Просто ты сама однажды связалась с музыкантом, вот и хочешь, чтобы я связалась с поэтом.

– Допустим.

– Малати, умоляю, поверь мне, ты напала на ложный след. Лаешь на несуществующее дерево.

– Хорошо, хорошо. Давай проведем эксперимент. Закрой глаза и представь себе Кабира.

Лата думала отказаться, но любопытство – любопытная штука. Немного помедлив, она нахмурилась и выполнила просьбу подруги.

– Закрывать глаза-то необязательно? – проворчала она.

– Нет-нет, закрой, – настояла Малати. – И опиши, во что он одет. Заодно представь какую-нибудь особенность его внешности, нет, лучше две. Не открывай глаза, пока говоришь.

– Он в форме для крикета, на голове кепка. Он улыбается и... Малати, это бред.

– Продолжай.

– Хорошо. Вот кепка слетела, и я вижу его волнистые волосы, широкие плечи, красивую ровную улыбку... И такой... как там пишут в любовных романах?... орлиный нос, вот! Ну и зачем все это?

– Ладно, теперь вообрази Хареша.

– Я пытаюсь. Ага, картинка прояснилась: на нем шелковая сорочка – кремового цвета – и коричневые брюки. Ой, еще эти жуткие туфли-«корреспонденты», про которые я тебе рассказывала.

– Черты лица?

– Маленькие глазки, но они превращаются в такие милые щелочки, когда он улыбается, почти исчезают.

– Он жует пан?

– Нет, слава богу. Пьет холодное какао. Кажется, он называл его «Фезантс».

– А теперь представь Амита.

– Ладно, – вздохнула Лата; она попыталась его представить, но черты лица оставались размытыми. – Он упорно отказывается выходить из тумана.

– Хм, – с некоторым разочарованием в голосе произнесла Малати. – Как он одет-то?

– Не знаю, – ответила Лата. – Странно. Можно мне не вообразать, а подумать и вспомнить?

– Наверное, можно.

Увы, сколько Лата ни пыталась, вспомнить сорочки, туфли и брюки Амита ей так и не удалось.

– Где вы находитесь? Дома? На улице? В парке?

– На кладбище, – ответила Лата.

– И что вы там делаете? – засмеялась Малати.

– Разговариваем под дождем. Ах да, у него в руках зонт! Это считается?

– Ладно-ладно, – уступила Малати. – Я ошиблась. Но дерево может вырасти и на пустом месте, знаешь ли.

Лата решила не предаваться пустым размышлениям. Чуть позже, когда они вернулись домой к обещанному чаю, она сказала:

– Я не смогу вечно его избегать, Малати. Рано или поздно мы встретимся. То, что он вызвался помочь пострадавшим в катастрофе, – это уже поступок не «обыкновенного подростка», а взрослого и ответственного человека. Он сделал это не потому, что хотел передо мной выставиться.

– Тебе надо строить новую жизнь, в которой не будет его, даже если поначалу это покажется невыносимым, – сказала Малати. – Смирись, что твоя мать никогда его не примет. Это абсолютная данность. Ты права, рано или поздно вы повстречаетесь, и к тому времени ты должна сделать так, чтобы у тебя не было ни минутки свободного времени. Тогда и хандрить будет некогда. Спектакль – это то, что доктор прописал. Причем тебе нужна роль Оливии.

– Ты, наверное, считаешь меня дурой.

– Ну, скорее – глупышкой, – ответила Малати.

– Это ужасно! – воскликнула Лата. – Больше всего на свете я хочу его увидеть. Но при этом я позволила своему ко-респонденту слать корреспонденцию. Он попросил разрешения, когда мы прощались на вокзале, и я не смогла ему отказать – это было бы нехорошо и невежливо, ведь он так помог нам с мамой...

– Брось, в переписке нет ничего дурного, – успокоила ее Малати. – Пока ты не испытываешь к нему явной неприязни или любви, переписывайся сколько влезет. И потом, он ведь сам сказал вам, что его чувства к другой девушке до сих пор не угадали, так?

– Да, – задумчиво протянула Лата. – Да, так.

12.5

Два дня спустя Лата получила короткую записку от Кабира: он спрашивал, до сих пор ли она зла на него и не хочет ли повидаться на пятничной встрече Литературного общества. Он пойдет только в том случае, если пойдет она.

Поначалу Лата думала опять посоветоваться с Малати, как ей лучше поступить. Но, отчасти потому, что неудобно было взваливать на Малати ответственность за свою личную жизнь в каждом ее проявлении, а отчасти потому, что та наверняка запретила бы ей идти и даже отвечать на записку, Лата решила посоветоваться с собой – и с обезьянами.

Она отправилась на прогулку, насыпала обезьянкам на утесе немного арахиса и на некоторое время оказалась в центре их благосклонного внимания. На Пул Меле обезьяны пировали по-королевски, но теперь жизнь пошла своим чередом и мало кто из гуляющих задумывался об их благополучии.

Проявив щедрость, Лата почувствовала, что в голове немного прояснилось. Кабир как-то раз уже ходил один на встречу Литературного общества и напрасно там ее прождал – при-

шлось даже отведать кекса господина Навроджи. Лата не хотела вновь подвергать его такому испытанию. Она написала короткий ответ:

Дорогой Кабир!

Я получила твою записку, но к господину Навроджи в пятницу не пойду. Письмо в Калькутту дошло. Оно заставило меня задуматься и все вспомнить. Я совершенно на тебя не зла; пожалуйста, не думай так. Однако я не понимаю, зачем нам с тобой встречаться или переписываться, – одна боль, и никакого смысла.

Лата

Перечитав свое послание три раза, Лата задумалась, не изменить ли ей последнее предложение. В конце концов эти метания ей надоели, и она отправила записку как есть.

В тот день она поехала в Прем-Нивас и была очень рада, что не встретила там Кабира.

Через пару недель после начала муссонного семестра Малата и Лата отправились на прослушивание: студенческий театр набирал труппу актеров для постановки «Двенадцатой ночи». В этом году спектакль на ежегодную церемонию посвящения ставил молодой робкий преподаватель философии, живо интересовавшийся театром, – господин Баруа. Прослушивание (в тот день отбирали девушек) проходило не в аудитории, а в преподавательской комнате философского факультета, в пять часов дня. Там собралось около пятнадцати студенток, которые взволнованно болтали, сбившись в небольшие группы, или просто зачарованно разглядывали философа. Лата увидела даже пару своих однокурсниц с кафедры английского, но она была с ними не знакома. Малати пришла просто с ней за компанию – убедиться, что в последний момент подруга не сбежит.

– Я тоже могу пробоваться, если хочешь, – предложила она.

– Разве у тебя днем нет практики? – спросила Лата. – Если ты получишь роль, придется ходить на репетиции...

– Я не получу роль, – твердо ответила Малати.

Господин Баруа попросил девушек встать в ряд и по очереди зачитывать отрывки из пьесы. В спектакле было всего три женские роли, и к тому же господин Баруа еще не решил до конца, брать ли на роль Виолы девушку, так что битва шла нешуточная. Господин Баруа зачитывал все ответные реплики сам (и мужские, и женские), причем делал это так хорошо, без намека на обычную нервозность, что многие зрительницы и одна-две из пришедших на прослушивание невольно хихикали.

Господин Баруа сперва просил их зачитывать слова Виолы: «Добрая госпожа, позвольте мне взглянуть на ваше лицо»⁷⁴. Затем, в зависимости от того, как девушки с этим справлялись, давал следующее задание – реплику Марии либо Оливии. Одну лишь Лату он попросил зачитывать слова и той, и другой. Некоторые девушки читали нараспев или имели другие досадные особенности речи. Господин Баруа, вновь начиная нервничать, останавливал их такими словами:

– Ну хорошо, спасибо, спасибо, очень хорошо, вы молодчина, у меня появилась отличная идея, хорошо, хорошо...

Наконец до неудавшейся актрисы доходило, к чему он клонит, и она (порой в слезах) возвращалась на место.

После прослушивания господин Баруа обратился к Лате, причем его слышали еще несколько девушек:

– Вы замечательно читали, мисс Мера, я удивлен, что до сих пор не видел вас на сцене. Окончательно засмущавшись, он потупился и начал собирать бумаги.

---

⁷⁴ Здесь и далее «Двенадцатая ночь» У. Шекспира цитируется в переводе М. Лозинского.

Лате пришлось по душе его робкий комментарий. Малати посоветовала ей морально подготовить госпожу Рупу Мера к тому, что роль ей непременно дадут.

– Ничего мне не дадут, что ты! – отмахнулась Лата.

– И позаботься, чтобы Пран присутствовал при вашем разговоре, – добавила Малати.

В тот вечер Пран, Савита, госпожа Рупа Мера и Лата собрались после ужина в гостиной, и Лата решила поднять щекотливую тему:

– Пран, как тебе господин Баруа?

Тот перестал читать и задумался:

– Преподаватель философии?

– Да. В этом году он ставит спектакль на посвящение, и мне интересно, что ты о нем думаешь... Хороший он режиссер?

– Мм, да, – ответил Пран, – я слышал, что в этом году он за это взялся. «Двенадцатая ночь, или Что угодно» вроде бы... Интересный получится контраст с прошлогодним «Юлием Цезарем». Да, он хорош... и, кстати, актер он тоже превосходный, – продолжал Пран. – А вот лектор, говорят, так себе.

Помолчав немного, Лата сказала:

– Да, он ставит «Двенадцатую ночь». Я сходила на прослушивание, и мне, возможно, дадут роль, поэтому хотелось иметь некоторое представление о том, что меня ждет.

Пран, Савита и госпожа Рупа Мера разом подняли головы. Последняя перестала шить и резко втянула ротом воздух.

– Чудесно, – искренне порадовался Пран. – Ты молодец!

– А какую роль? – спросила Савита.

– Нет! – гневно воскликнула госпожа Рупа Мера, потрясая иглой. – Моя дочь никогда не будет играть ни в каких спектаклях! Нет! – Она сердито воззрилась на Лату поверх очков для чтения.

Воцарилась тишина. Через некоторое время госпожа Рупа Мера добавила:

– Ни в коем случае.

Затем, не дождавшись ответа, она пояснила свою позицию:

– Мальчики и девочки играют вместе... на сцене! – Мириться со столь аморальным, глубоко непристойным поведением она была не готова.

– Как и в прошлогоднем «Юлии Цезаре», – осмелилась вставить Лата.

– А ну тихо! – осадил ее мать. – Никто твоего мнения не спрашивал. Ты когда-нибудь слышала, чтобы Савита хотела играть? Играть на сцене, на глазах у сотен людей? И каждый вечер ходить на эти сборища с мальчиками...

– Репетиции, – подсказал Пран.

– Да-да, на репетиции, – проворчала госпожа Рупа Мера. – С языка снял. Я этого не потерплю! Какой стыд! Ты только подумай! Что сказал бы отец?!

– Ну-ну, ма, – попыталась успокоить ее Савита. – Не заводись. Это всего лишь спектакль.

Упомянув покойного мужа, госпожа Рупа Мера достигла пика эмоционального напряжения и теперь была способна услышать голос разума. Пран подметил, что репетиции – за редким исключением – проходят днем, а не вечером. Савита добавила, что читала «Двенадцатую ночь» еще в школе и ничего предосудительного там нет – совершенно невинная пьеса.

Савита, конечно, читала выхолощенную, адаптированную для школьной программы версию, но и господин Баруа наверняка выпустил бы часть реплик из оригинального текста, дабы не шокировать и не расстраивать родителей, которые придут на церемонию посвящения. Сама госпожа Рупа Мера пьесу не читала; в противном случае она, безусловно, нашла бы ее неподобающей.

– Это все дурное влияние Малати, как пить дать, – сказала она.

– Ма, но ведь Лата сама решила пробоваться на роль, – заметил Пран. – Не вешайте на Малати всех собак.

– Она бесстыдница, вот она кто, – буркнула госпожа Рупа Мера, разрываясь между нежностью, которую испытывала к подруге дочери, и осуждением ее чересчур прогрессивных взглядов на жизнь.

– Малати считает, что мне нужно чем-то занять голову, отвлечься... – сказала Лата.

Ее мать сразу поняла, что довод этот – справедливый и веский. Но, даже соглашаясь, она не могла не сказать:

– Конечно, раз Малати так считает, так оно и есть. Разве мое мнение кого-то интересует? Я всего лишь мать. Вы оцените мои советы, только когда мое тело сожгут на погребальном костре. Тогда вы поймете, как я пеклась о вашем благополучии. – Эта мысль мгновенно ее воодушевила.

– Да и вообще, ма, роль мне, скорее всего, не дадут, – сказала Лата. – Давайте малыша спросим, – предложила она, кладя ладонь на живот Савиты.

Она принялась бубнить мантру «Оливия, Мария, Виола, никто», и на четвертом повторе ребенок отметил крепким пинком последнее слово.

12.6

Два или три дня спустя, однако, Лата получила записку от философа: он предлагал ей роль Оливии и звал на первую репетицию, которая должна была состояться в четверг, в половине четвертого. Лата, воодушевившись, тут же побежала в женское общежитие, но на полпути туда встретила Малати. Ей дали роль Марии. Обе были одинаково довольны и потрясены.

На первой репетиции решили ограничиться чтением пьесы. Занимать целую аудиторию опять-таки не понадобилось, хватило обычного кабинета. Лата и Малати решили отметить этот торжественный день шариком мороженого в кафе «Голубой Дунай», после чего в приподнятом настроении отправились на репетицию. Пришли они за пять минут до начала чтения.

В кабинете собралось около дюжины парней и одна-единственная девушка – предположительно, Виола. Она сидела в стороне от всех и разглядывала пустую доску.

Подобно ей, в стороне от основной труппы и не принимая участия в возбужденной мужской болтовне, сидел Кабир.

Когда Лата только его увидела, сердце ее едва не выскочило из груди, после чего она велела Малати оставаться на месте: она, Лата, должна сама с ним поговорить.

Кабир вел себя слишком непринужденно – ей сразу стало понятно, что это напускное. Он явно ее дождался. Лата была возмущена.

– И кто же ты? – В ее тихом, ровном голосе отчетливо слышался гнев.

Кабир опешил: его смутил и тон, и вопрос.

– Мальволю, – наконец виновато ответил он и добавил: – Мадам.

При этом он даже не подумал встать.

– Ты никогда не говорил, что интересуешься любительским театром, – сказала Лата.

– Да и ты не говорила, – последовал ответ.

– А я не интересовалась, пока Малати несколько дней назад не потащила меня на прослушивание, – отчеканила она.

– Мой интерес родился примерно тогда же, – сказал Кабир, пытаясь улыбнуться. – Мне стало известно, что ты очень хорошо выступила на прослушивании.

Лата все поняла. Каким-то образом Кабир разведal, что она может получить роль, и решил попытать удачи на мужском прослушивании. А ведь она записалась в театр только для того, чтобы забыть о Кабуре!

– Как я понимаю, ты в очередной раз провел расследование, – сказала Лата.

- Нет, случайно услышал от знакомых. Я за тобой не слежу.
- И?..
- Что «и»? – невинно переспросил Кабир. – Мне просто приглянулись строки из пьесы. И он непринужденно процитировал:

Грудь женщины не может
Снести биенья столь могучей страсти,
Как в этом сердце; женские сердца
Так много не вместят и не удержат.
Нет, их любовь не боле чем позыв, —
Волнение не печени, а неба, —
Ведущий к сытости и к отвращенью;
Моя любовь, как море, голодна
И столько же поглотит; нет сравненья
Меж тем, как был бы женщиной любим я,
И тем, как я Оливию люблю.

У Латы мгновенно вспыхнуло лицо. Подумав, она сказала:

– Боюсь, ты читаешь чужие слова. Они были написаны не для тебя. – Она помедлила и добавила: – Но вызубрил ты их отменно, даже слишком хорошо.

– Я их вызубрил – как и множество других реплик – еще в ночь перед прослушиванием, – сказал Кабир. – Никак не мог уснуть. Я твердо вознамерился получить роль герцога, но пришлось удовольствоваться Мальволью. Надеюсь, это никак не отразится на моей судьбе. Я получил твою записку. Надеюсь, мы будем часто встречаться в Прем-Нивасе и здесь...

Лата, к собственному удивлению, громко рассмеялась:

– Ты сошел с ума! Это безумие, не иначе.

Она уже хотела отвернуться и уйти, но краем глаза заметила, как он помрачнел: на его лице читалась искренняя боль.

– Я же шучу, – сказала она.

– Что ж, – с напускным легкомыслием ответил Кабир, – иные рождаются безумцами, иные достигают безумия, а иным безумие жалуетя.

Лату подмывало спросить, к какой категории он себя относит, но вместо этого сказала:

– Смотрю, ты и слова Мальволью разучил.

– А, да нет, эту строчку все знают, она знаменитая. Просто бедный Мальволью куражится.

– Может, тебе лучше покуражиться на крикетном поле? – предложила Лата.

– Так муссоны на дворе. Какой сейчас крикет?

Тут господин Баруа, пришедший несколько минут назад, махнул воображаемой дирижерской палочкой студенту, игравшему герцога, и сказал:

– Что ж, начинаем. «Любовь питают музыкой...» – хорошо? Хорошо.

И чтение началось.

Слушая остальных, Лата чувствовала, как ее увлекает в другой мир. До ее первого выхода было еще далеко. А потом, когда подошел ее черед и она начала читать, шекспировский слог полностью захватил ее: она в самом деле превратилась в Оливию. Первый обмен репликами с Мальволью Лата перенесла достойно. Потом смеялась вместе со всеми над образом Марии, который создала Малати. Девушка, игравшая Виолу, тоже была чудесной актрисой, и Лата влюбилась в нее вместе со всеми остальными присутствующими. Между Виолой и парнем, игравшим ее брата, даже обнаружилось небольшое внешнее сходство: господин Баруа явно знал свое дело.

Время от времени, однако, Лата вспоминала, где находится. Она изо всех сил старалась не смотреть на Кабира и только один раз почувствовала на себе его взгляд. После репетиции он наверняка захочет с ней поговорить – как хорошо, что они с Малати обе получили роли! Одна сцена из пьесы далась ей очень непросто, и господину Баруа пришлось едва ли не клещами вытаскивать из нее нужную реплику.

Оливия. Как ты себя чувствуешь, любезный? Что это с тобой?

Мальвольо. Мысли мои не черны, хоть ноги мои желты. Оно попало к нему в руки, и повеления будут исполнены. Я надеюсь, нам знакома эта нежная римская рука?

Господин Баруа [*выжидательно глядя на Лату и удивленный ее молчанием*]. Да, да, хорошо?

Оливия. Не хочешь ли ты...

Господин Баруа. Не хочешь ли ты... Да, да, продолжайте! У вас прекрасно получается, мисс Мера.

Оливия. Не хочешь ли ты...

Господин Баруа. Не хочешь ли ты?... Да, да!

Оливия. Не хочешь ли ты лечь в постель, Мальвольо?

Господин Баруа [*поднимая руку, чтобы унять хохочущих студентов, и махая воображаемой палочкой ошалевшему Кабиру*]. В постель, Мальвольо?

Мальвольо. В постель! Да, дорогая, я приду к тебе.

Все – за исключением двух актеров и господина Баруа – покатались со смеху. Даже Малати. «Et tu!»⁷⁵ – с горечью подумала Лата.

После чего шут скорее прочел, нежели спел, свою финальную песню, и Лата, переглянувшись с Малати и избегая смотреть на Кабира, как можно быстрее покинула кабинет. На улице еще не стемнело. Впрочем, Лата напрасно боялась, что Кабир позовет ее на свидание в тот вечер, – по четвергам у него были другие неотложные дела.

12.7

Когда он добрался до дядиного дома, уже стемнело. Он оставил свой велосипед у входа и постучал. Дверь ему открыла тетя. Дом – одноэтажный и просторный, раскинувшийся во все стороны – был плохо освещен. Кабир часто вспоминал, как в детстве играл здесь со своими двоюродными сестрами на большом заднем дворе, но последние несколько лет в этих стенах, казалось, жили привидения. Он приходил сюда только по четвергам.

– Как она? – спросил Кабир тетю.

Тетя – худая женщина с суровым, но не злым лицом – наморщила лоб.

– Пару дней вроде была ничего, а потом опять за свое. Мне пойти с тобой?

– Нет... нет, мумани⁷⁶, хочу побыть с ней наедине.

Кабир вошел в комнату в дальней части дома – последние пять лет то была спальня его матери. Освещение здесь, как и в остальных комнатах, было плохое: пара тусклых лампочек под тяжелыми абажурами. Мама сидела в кресле с высокой спинкой и смотрела в окно. Она всегда была пухлой, но теперь совсем раздалась. Лицо обросло несколькими подбородками.

Мать все смотрела в окно на тени гуавы в конце сада. Кабир подошел и встал рядом. Она будто и вовсе не замечала его появления, но в конце концов произнесла:

– Закрой дверь, холодно.

– Я закрыл, амми-джан.

⁷⁵ «И ты [, Брут]» (*лат.*) – по легенде, последние слова Юлия Цезаря, обращенные к его убийце, Марку Юнию Бруту.

⁷⁶ *Мумани* – тетя, тетушка (*урду*).

Кабир не стал говорить, что на улице жара, июль и он весь вспотел, пока ехал сюда на велосипеде.

Оба молчали. Мать забыла про него. Он положил руку ей на плечо. Она вздрогнула, потом сказала:

– Значит, сейчас вечер четверга.

Четверг на урду – «джумерат», что дословно переводится как «вечер пятницы». Именно это слово использовала его мама. Кабир вдруг вспомнил, как смеялся в детстве: если джумерат – это вечер пятницы, то как тогда называть вечер пятницы? Все эти тонкости ему ласково и с любовью объясняла мама, потому что гений-отец бороздил необозримый мысли океан⁷⁷ и на детей его не хватало. Лишь когда они выросли и научились вести содержательные беседы, он начал изредка, урывками проявлять к ним интерес.

– Да, вечер четверга.

– Как Хашим? – спросила мама (она всегда начинала разговор с этого вопроса).

– Очень хорошо. Учится прекрасно. Но ему пришлось остаться дома – сложную домашку задали.

На самом деле Хашиму очень непросто давались эти встречи. Когда Кабир заходил напомнить, что сегодня вечер четверга, он обычно придумывал какой-нибудь предлог, чтобы не навещать маму. Кабир понимал брата и иногда даже не напоминал ему о четвергах (как, например, сегодня).

– А Самия?

– Все еще учится в Англии.

– Она никогда не пишет.

– Иногда пишет, амми, но редко. Нам тоже не хватает ее писем.

Никто не смел сообщить матери, что год назад ее дочь умерла от менингита. Кабир считал, что долго поддерживать этот заговор молчания не удастся. Как бы ни помутился разум человека, рано или поздно из подслушанных обрывков чужих бесед, недомолвок и оговорок должна сложиться ясная картина. И действительно, пару месяцев назад мама случайно обронила: «А, Самия! Здесь я ее больше не увижу, разве что в другом мире». Что бы это ни значило, чуть позже она вновь справилась о ее благополучии. Порой она в считанные минуты забывала о том, что говорила.

– Как твой отец? Все еще спрашивает, равняется ли дважды два четырем? – На миг Кабиру показалось, что в ее глазах вспыхнул былой смешной и смешливый огонек, но он тотчас погас.

– Да.

– Когда я была за ним замужем...

– Вы по-прежнему женаты, амми.

– Ты меня не слушаешь. Когда я... ну вот, забыла.

Кабир взял маму за руку. Та даже не стиснула в ответ его ладонь.

– Слушай, – сказала она. – Слушай каждое мое слово. Время на исходе. Меня скоро выдадут замуж. По ночам на улице дежурит охрана, несколько человек. Брат их поставил. – Ее рука напряглась.

Кабир не стал ее разубеждать и лишь порадовался, что никто не присутствует при этом разговоре.

– Где? – спросил он.

Она дернула головой в сторону деревьев за окном.

– За деревьями? – спросил Кабир.

---

⁷⁷ У. Вордсворт. Прелюдия, или Становление сознания поэта. Перев. Т. Стамовой.

– Да. Даже дети все знают. Они смотрят на меня и говорят: «Тоба! Тоба! Скоро она опять родит ребенка! Мир...»

– Да.

– Мир жесток, и люди тоже жестоки. Если человечество таково, я не хочу иметь к нему никакого отношения. Почему ты меня не слушаешь? Они играют музыку, чтобы меня выманить. Но, машалла⁷⁸, я еще не выжила из ума. Дочь офицера как-никак! Что это ты принес?

– Сладости, амми. Хотел тебя порадовать.

– Я просила медное кольцо, а ты принес конфеты?! – громко возмутилась мама.

Сегодня она совсем плоха, подумал Кабир. Прежде сладости ее успокаивали: она жадно набивала ими рот, долго жевала и затихала. Но в этот раз она наотрез отказалась от конфет и, с трудом переводя дух, заявила:

– В конфеты подмешивают лекарства. Врачи так придумали. Если б Господь хотел, чтобы я лечилась лекарствами, Он послал бы мне знак. Хашим, тебе плевать...

– Я Кабир, амми.

– Нет, Кабир приходил на прошлой неделе, в четверг. – Голос ее стал беспокойным, встревоженным, будто и здесь она углядела некий преступный заговор.

– Я... – Тут слезы подступили к его горлу, и он не договорил.

Маму разозлил этот новый поворот: ее ладонь выскользнула из его ладони, словно мертвая рыбина.

– Я Кабир.

Она не стала спорить. Это не имело значения.

– Меня все хотят показать какому-то доктору, рядом с Барсат-Махалом принимает. Но я-то знаю, что у них на уме. – Мама опустила глаза. Потом ее голова упала на грудь, и она заснула.

Кабир посидел с ней еще полчаса; она так и не проснулась. Наконец он встал и вышел из комнаты.

Тетя, увидев его расстроенное лицо, сказала:

– Кабир, сынок, поешь с нами? Тебе это пойдет на пользу. Мы все давно хотели с тобой поболтать.

Кабир хотел только одного: поскорее вскочить на велосипед и убраться отсюда. Это не мать, которую он когда-то знал и любил, а другая женщина, незнакомая. Чужая.

В их семье не было истории психических расстройств, не было и травм – ударов, падений, – которые могли привести к такому исходу. Да, мама Кабира тяжело перенесла смерть собственной матери – почти год не могла смириться с потерей, – но ведь с таким горем рано или поздно сталкиваются все люди. Поначалу она просто впала в депрессию, потом разучилась справляться с элементарными повседневными делами, тревожилась по пустякам, подозревала всех подряд: молочника, садовника, родню, мужа. Когда закрывать глаза на проблему стало невозможно, доктор Дуррани начал иногда нанимать сиделок и приглашать врачей, однако ее подозрения распространялись и на них. В конце концов она вообразила, что муж разрабатывает хитрый план, чтобы ей навредить. С целью расстроить эти планы она проникла в его кабинет и разорвала в клочья важный незаконченный математический труд. Тут доктор Дуррани не выдержал: попросил шурина забрать ее к себе. В противном случае пришлось бы положить ее в лечебницу для душевнобольных. Такая лечебница в Брахмпуре была и находилась рядом с Барсат-Махалом, – возможно, ее-то она и имела в виду.

В детстве Кабир, Хашим и Самия не без гордости рассказывали, что отец у них немного сумасшедший. Именно эксцентричность доктора Дуррани – и вытекающие из нее особенности характера – внушали окружающим людям столь глубокое уважение. Однако странная Божья кара, беспричинная и не поддающаяся исцелению, в конце концов настигла не отца, а мать:

⁷⁸ Букв. «так пожелал Аллах», восклицание, означающее изумление, радость или благодарность Богу.

любящую, веселую, яркую и практичную женщину. Хорошо хоть Самии, думал Кабир, не приходится терпеть эту бесконечную муку.

12.8

У раджкумара Марха были серьезные неприятности, и решить его судьбу предстояло Прану. Из-за разногласий с хозяином квартиры, которую они снимали, раджкумар с друзьями вынуждены были поселиться в студенческом общежитии, но подстраивать свой образ жизни под существующие нормы они отказались. Один из помощников проктора увидел их на Тарбуз-ка-Базаре: они как раз выходили из борделя. Когда он подошел к ним с вопросами, они отвели его в сторонку, и один из парней сказал:

– Отвечай, скотина, какое тебе до нас дело? Твою ж сестру! Что ты сам-то здесь делаешь? Сестрой торгуешь?

Один из них ударил ассистента по лицу.

Они отказались назвать ему свои имена и заявили, что вообще не учатся в университете: «Мы не студенты, мы их дедушки».

Несколько смягчал дело (или, напротив, усугублял) тот факт, что они были в стельку пьяны.

На обратном пути дебоширы во все горло распевали популярную песню из кинофильма – «Я не вздыхал, не плакал...» – и потревожили сон жителей нескольких кварталов. Помощник проктора следовал за ними на безопасном расстоянии. Самонадеянные хулиганы вернулись в общежитие, преспокойно вошли, несмотря на поздний час (видимо, подкупили охранника), и продолжали петь в коридорах, пока разбуженные сокурсники не упростили их замолчать.

Наутро раджкумар проснулся с жуткой головной болью и предчувствием беды. Беда не заставила себя ждать. Охранник под угрозой увольнения выдал имена нерадивых студентов, и их привели к коменданту. Та велела им немедленно покинуть стены общежития и пригрозила отчислением. Проктор в целом был настроен решительно. Дебоширство студентов стало для него серьезной головной болью. Он рассудил: раз аспирин здесь бессилён, должно помочь обезглавливание. Принять меры проктор велел Прану, входившему теперь в комиссию по социальному обеспечению студентов, которая занималась в том числе и дисциплинарными нарушениями, поскольку сам он был занят организацией предстоящих выборов в студенческий профсоюз. Проведение справедливых и мирных выборов было задачей не из простых. Юные сторонники различных политических партий (коммунистической, социалистической и реформаторской РСС⁷⁹ – правда, под другим названием) в преддверии битвы за голоса уже начинали лупить друг друга ботинками и дубинками.

Время ответственности за чужие судьбы всегда тяготило Прана, и Савита видела, как ему не по себе от происходящего. Он не мог спокойно читать газету за завтраком и вообще выглядел неважно. Савита чувствовала, что его гложет необходимость принять жесткие меры в отношении юных идиотов. Вчера вечером он не смог даже заняться лекциями по комедиям Шекспира, хотя специально выкроил под это время.

– Не понимаю, зачем тебе принимать их дома, – сказала Савита. – Пригласи их в кабинет проктора!

– Нет-нет, дорогая, это еще больше их напугает. Для начала я хочу узнать их версию событий той ночи. Они будут говорить куда охотнее в спокойной обстановке. Одно дело – посидеть со мной в гостиной, а другое – стоять и мяться перед проктором. Надеюсь, вы с ма не против? Это не займет много времени, максимум полчаса.

---

⁷⁹ РСС (Раштрия сваямсевак сангх, Союз добровольных слуг родины) – влиятельнейшая правая военизированная националистическая организация в Индии, крупнейшая некоммунистическая организация в мире.

Нарушители порядка явились в одиннадцать часов утра, и Пран предложил всем чаю.

Раджкумару Марха было очень совестно за свое поведение, и он не сводил глаз с ладоней, а вот его друзья, сочтя доброту Прана признаком слабости, решили, что им ничего не грозит, и на его просьбу объясниться только ухмыльнулись. Они знали, что Пран – брат Мана, и приняли его сочувствие как данность.

– Мы занимались своими делами, – сказал один из них. – А ему следовало заниматься своими.

– Он попросил вас представиться, а вы сказали... – Пран опустил глаза на листок, который держал в руках. – Да вы и сами знаете, нет нужды это повторять. Цитировать правила поведения в общежитии и университете я тоже не буду: вам они отлично известны. Согласно этому отчету, у входа в университет вы громко пели: «Любой студент, которого увидят в неподобающем месте, будет незамедлительно отчислен».

Два главных нарушителя с усмешкой переглянулись и даже не попытались оправдаться.

Раджкумар, боявшийся, что за отчисление из университета отец в лучшем случае его кастрирует, пробубнил:

– Я ничего плохого там не делал!

Ему просто не повезло: он всего лишь хотел составить компанию друзьям.

Один из этих друзей – с нескрываемым презрением в голосе – сказал:

– Ну да, так и есть! За него мы можем поручиться. Ему это неинтересно, в отличие от вашего братца, который...

Пран резко осадил молодого человека:

– Это к делу не относится. Не будем сейчас обсуждать поведение тех, кто не учится в университете. Вы, похоже, не сознаете, что вам грозит отчисление. Штраф тут бесполезен, поскольку вам плевать на штрафы. – Он обвел взглядом их лица и произнес: – Что ж, факты мне ясны, и подобным отношением к делу вы себе не поможете. Вашим отцам и так сейчас непросто, а вы добавили им хлопот.

Пран заметил уязвленное выражение на лицах парней – скорее не раскаяние, а страх. В самом деле, их отцы в связи с отменой системы заминдари стали куда нетерпимее к расточительности сыновей. Рано или поздно они наверняка урежут расходы на их содержание. Эти молодые люди понятия не имели, куда себя деть, и не знали ничего, кроме веселой студенческой жизни. Если у них и это отнимут, то впереди – лишь мрак и безысходность. Они смотрели на Прана, но тот молчал, делая вид, что читает разложенные на столе документы.

Им сейчас трудно, думал Пран. Они только и умеют, что кутить да буянить, но скоро их веселью придет конец. Возможно, им даже придется зарабатывать себе на жизнь. Студентам любых социальных слоев это дается непросто. Работу еще попробуй найти: страна не стоит на месте, и пример, который им всю жизнь подавали старшие, теперь ни на что не годится. На ум невольно пришли образы раджи Марха, профессора Мишры и цапающихся политиков. Он поднял голову и сказал:

– Мне необходимо решить, что посоветовать проктору. Я склонен согласиться с комендантом...

– Нет, господин! Пожалуйста! – взмолился один из студентов.

Второй молчал и лишь жалобно глядел на Прана.

Раджкумар теперь гадал, что ему сказать своей бабушке, вдовствующей рани Марха. Даже отцовский гнев проще вынести, чем разочарование в ее глазах.

Он замялся:

– Мы не хотели так себя вести... Мы были...

– Остановись. Хорошенько обдумай, что ты собираешься сказать.

– Но мы были пьяные! – сказал невезучий раджкумар. – Поэтому и вели себя так...

– Так позорно, – тихо добавил его приятель.

Пран закрыл глаза.

Все принялись наперебой заверять его, что больше такое не повторится. Они поклялись честью своих отцов и несколькими богами. Они сделали виноватые лица – и в результате этого действия, кажется, искренне раскаялись.

Наконец Прану это надоело, и он встал.

– В ближайшее время вас уведомят о решении руководства, – процедил он по дороге к выходу и невольно осекся: странно было произносить и слышать из собственных уст эти бездушные, бюрократические слова.

Не придумав, что еще сказать в свою защиту, парни немного помешкали и обреченно зашагали прочь.

12.9

Сказав Савите, что вернется к обеду, Пран отправился в Прем-Нивас. День был жаркий, хоть и пасмурный. По дороге он немного запыхался. Его мать была в саду, давала указания садовнику.

Она шагнула ему встречу и резко остановилась:

– Пран, что с тобой? Ты очень плохо выглядишь.

– Ничего, аммаджи, у меня все хорошо, – ответил он и, не удержавшись, добавил: – Молитвами Рамджапа-бабы...

– Нехорошо смеяться над добрым человеком.

– Да-да, прости, – сказал Пран. – Как дела у Бхаскара?

– Он неплохо говорит и понемногу начинает ходить. Очень хочет вернуться в Мисри-Манди. Но здесь такой целебный, свежий воздух. – Она обвела рукой сад. – Как Савита?

– Злитесь, что я провожу с ней мало времени. Я обещал ей вернуться к обеду. Вся эта возня с комиссией, конечно, мне сейчас ни к чему, но кто-то должен этим заниматься. – Он умолк. – В остальном у нее все прекрасно. Ма окружила ее такой заботой, что теперь, чего доброго, она захочет рожать каждый год.

Госпожа Капур улыбнулась каким-то своим мыслям, но потом помрачнела и обеспокоенно спросила:

– Не знаешь, куда пропал Ман? В деревне его нет, на ферме тоже, и в Варанаси его никто не видел. Просто как сквозь землю провалился. Две недели не писал. Я так волнуюсь! А твой отец говорит, что ему плевать – пусть хоть в преисподней сидит, лишь бы в Брахмпур носа не казал.

Пран нахмурился (уже второй раз при нем вспоминали Мана!) и заверил мать, что исчезновение Мана на две недели – да хоть на десять – совершенно не повод для беспокойства. Он мог отправиться на охоту, в туристический поход по предгорьям или на отдых в Байтар. Наверняка Фироз знает, где он. Сегодня Пран как раз встретится с Фирозом и спросит, не получал ли тот весточки от друга.

Мама удрученно кивнула и через некоторое время сказала:

– Почему бы вам всем не приехать в Прем-Нивас? Савите будет полезно отдохнуть перед родами.

– Нет, аммаджи, в родных стенах ей лучше. А баоджи подумывает уходить из Конгресса: скоро в дом нагрянут политики всех мастей – уговаривать его и отговаривать. Тебе и без нас хлопот достаточно. Ты, кстати, тоже выглядишь усталой. Заботишься обо всех и никому не позволяешь позаботиться о себе! Видно, что ты без сил.

– А, ерунда. Просто старость, – сказала его мать.

– Почему бы тебе не пригласить садовника в дом? Там прохладней.

– Ой, нет! – отмахнулась госпожа Капур. – Ни за что. Это подорвет боевой дух моих цветов.

12.10

Пран вернулся домой и вместо обеда прилег отдохнуть, а чуть позже встретился с Фирозом в Высоком суде Брахмпуре, где тот защищал интересы студента – любимца преподавателей, одного из наиболее талантливых молодых химиков, когда-либо учившихся в Брахмпурском университете, – подавшего в суд на свою альма-матер. В конце учебного года, во время апрельских экзаменов, он совершил удивительный и необъяснимый поступок: посреди экзамена вышел в туалет, а затем, увидев в коридоре двух друзей, остановился перекинуться с ними парой слов. Он утверждал, что обсуждали они только духоту в аудиториях, мешавшую думать, и никто не заподозрил бы его во лжи. Друзья учились на философском факультете и при всем желании не могли помочь ему со сдачей экзамена по химии; кроме того, он был лучшим студентом на потоке (как минимум).

Однако на него написали докладную. Он нарушил строжайшие правила проведения экзаменов, за что любой учащийся – исключений здесь ни для кого быть не могло – получал незачет по всем экзаменам и оставался на второй год. Студент написал заявление ректору с просьбой оставить его «на осень» – то есть дать ему возможность вместе с остальными должниками пересдать экзамены в августе. Это позволило бы ему продолжить обучение на своем потоке. Его просьбу отклонили. В отчаянии он решил прибегнуть к крайней мере и обратиться в суд. Фироз согласился его защищать.

Проктор попросил Прана – как младшего члена комиссии по социальному обеспечению студентов, с которым руководство университета изначально консультировалось по этому вопросу, – присутствовать на слушании. Он кивком поприветствовал Фироза и сказал: «Давай потом встретимся на улице, надо поговорить». Фироз, хоть и выглядел несколько нелепо в черной мантии с белыми лентами на шее, произвел на него приятное впечатление.

Фироз от имени студента направил в суд заявление, в котором утверждалось, что руководство университета нарушило конституционные права его клиента. Главный судья быстро постановил оставить жалобу без движения. Он сказал, что из решений по трудным делам получается плохой прецедент и плохие законы, а университет имеет все полномочия действовать в подобных делах по собственному усмотрению (если, конечно, процесс принятия решения не является вопиюще несправедливым, а в данном случае это не так). Если студент все же настаивает на обращении в суд (поступая, по мнению главного судьи, неразумно), то ему следует подавать иск в местный мировой суд, а не в Высокий. Подача заявлений напрямую в высокие инстанции – неприятное нововведение, появившееся в судебной практике с принятием новой Конституции. Очень часто к этой мере прибегали нетерпеливые истцы, надеясь таким образом влезть без очереди.

Главный судья склонил голову набок и, глядя на Фироза сверху вниз, сказал:

– Я не вижу никакого смысла в вашем обращении в Высокий суд, молодой человек. Вашему клиенту сперва следовало обратиться к мировому судье. Если бы тот не одобрил решения университета по данному вопросу, то заявление передали бы окружному судье, а оттуда оно пришло бы сюда. Вам следовало немного подумать и выбрать правильную инстанцию, а не тратить время суда на такого рода пустяки. Обыкновенный иск и заявление в Высокий суд – разные вещи, молодой человек, совершенно разные вещи.

На улице Фироз вышел из себя. Он посоветовал клиенту не приходить на слушание и теперь был рад, что тот внял его совету. Фироза самого трясло от несправедливости происходящего. Как главный судья мог его отчитать, упрекнуть в поспешности и необоснованном выборе инстанции? Это неприемлемо! В этом самом зале он не так давно отстаивал интересы

заминдаров; главный судья должен знать, что уж кому-кому, а Фирозу такое поведение не свойственно – он всегда тщательно подходил к выбору инстанции и умел аргументировать свою позицию. Да и само обращение «молодой человек» допустимо только в похвале, а в таком контексте прозвучало унижительно.

Пран тоже был на стороне студента и сочувственно похлопал Фироза по плечу.

– Инстанцию я выбрал правильно, – сказал Фироз, развязывая ленты на шее, – они, казалось, полностью перекрыли доступ крови к его голове. – Через несколько лет подача заявлений непосредственно в Высокий суд станет обычным делом, вот увидишь. Пока пройдешь все инстанции – уйму времени потеряешь. Пока мы дождемся первого слушания, август уже закончится. – Он умолк и запальчиво воскликнул: – Вот бы их по уши завалили такими заявлениями! – Потом он с улыбкой добавил: – Конечно, к тому времени главный судья уйдет на пенсию. И вся его братия тоже.

– Ах да, – сказал Пран. – Чуть не забыл спросить. Где Ман?

– А он вернулся? Он в Брахмпуре?

– Нет, потому я и спрашиваю. От него давно нет вестей. Я думал, может, он тебе писал.

– Разве я сторож брату твоему?⁸⁰ – спросил Фироз. – Хотя в каком-то смысле, наверное, сторож, – мягко добавил он. – Да я и не против. Но весточек от него я не получал. Вообще-то, я думал, что он уже приехал, племянника проведать и прочее. Мне он не писал. Надеюсь, повода для волнений нет?

– Нет-нет, я просто так спросил. Мама волнуется. Ох уж эти мамы!

Фироз ответил молчаливой, слегка печальной улыбкой – так улыбалась его мать. В этот миг он был очень красив.

– Что ж, – сменил тему Пран, – а своему брату ты случайно не сторож? Почему я так давно не видел Имтиаза? Вы бы хоть иногда выпускали его из клетки – ноги размять.

– Да мы и сами его почти не видим. Все по больным мотается. Единственный способ привлечь его внимание – это заболеть. – Дальше Фироз процитировал стихотворение на урду про любовь, что сама – и болезнь, и лекарство от этой болезни, она же – доктор, ради встречи с которым хочется заболеть. Услышь его главный судья, он наверняка сказал бы что-нибудь в духе: «Не понимаю, как это относится к вашему обращению», – и его можно было бы понять.

– Что ж, пожалуй, так и поступлю, – сказал Пран. – Я что-то стал быстро уставать. И иногда чувствую странное напряжение в области сердца...

Фироз засмеялся:

– Вот чем хорошо болеть по-настоящему – получаешь полное право на ипохондрию! – Затем, склонив голову набок, добавил: – Легкие и сердце – разные вещи, молодой человек, совершенно разные вещи.

12.11

На следующий день Прану стало плохо прямо во время лекции: ноги подкосились, началась одышка. В голове тоже помутилось, что было ему несвойственно. Студенты удивленно переглядывались, а Пран продолжал читать лекцию, навалившись на кафедру и оперев взгляд в дальнюю стену аудитории.

– Хотя пьесы эти изобилуют картинами сельской местности и охоты – в частности, пять слов: «Вы будете охотиться, мой герцог?» – моментально переносят нас в мир шекспировской комедии... – Пран умолк, затем продолжал: – ... тем не менее нет никаких оснований полагать, что Шекспир уехал из Стратфорда в Лондон, поскольку...

⁸⁰ Отсылка к ответу Каина: «Разве я сторож брату моему?» – на вопрос Бога: «Где Авель, брат твой?» (Быт. 4: 9).

Он опустил голову на кафедру, затем поднял ее. Почему все переглядываются? Его взгляд упал на первый ряд, в котором сидели одни девушки. Вот Малати Триведи. Что она вообще делает на его лекции? Она ведь не получала официального разрешения на посещение занятия. Причем во время переключки он ее заметил. Впрочем, он ведь не смотрит на студентов, когда называет их имена... Несколько парней вскочили с мест. Малати тоже. Вот его подвели к письменному столу. Усадили. «Господин, вам плохо?» – спрашивал кто-то. Малати считала его пульс. В дверное окошко заглянули профессор Мишра с коллегой. Когда они зашагали дальше, Пран услышал обрывки его слов: «...увлекается театром, знаете ли, играет в студенческих спектаклях... да, студенты его любят, но...»

– Пожалуйста, не толпитесь, – сказала Малати. – Господину Капуру нужен воздух.

Парни, несколько опешив от властного тона этой странной девушки, расступились.

– У меня все хорошо, – сказал Пран.

– Пойдемте-ка лучше с нами, господин Капур.

– Да я здоров, Малати! – раздраженно пробурчал он.

Однако его отвели в преподавательскую и усадили на диван. Коллеги Прана заверили студентов, что позаботятся о нем. Через некоторое время Пран окончательно пришел в себя, но случившееся не укладывалось в голове. Почему ему стало плохо? Он ведь даже не кашлял, не задыхался. Может, дело в жаре или влажности? Вряд ли... Наверное, Савита права: просто перетрудился.

Малати тем временем решила сходить к Прану домой. Лицо госпожи Рупы Меры прояснилось от радости, когда она увидела ее на пороге. Потом она вспомнила, что именно Малати, вероятно, уговорила Лату играть в спектакле, и помрачнела. Но почему у нее такое взволнованное лицо? Очень странно...

Не успела госпожа Рупа Мера заботливо спросить, что случилось, как Малати выпалила:

– Где Савита?

– Дома. Заходи. Савита, к тебе пришла Малати.

– Здравствуй, – с улыбкой сказала Савита, а потом, почуввав неладное, спросила: – Что такое? У Латы все в порядке?..

Малати села, собралась с духом, чтобы не пугать Савиту попусту, и как можно спокойней проговорила:

– Я была на лекции Прана...

– А что это ты там делала? – не удержалась госпожа Рупа Мера.

– Лекция была по шекспировским комедиям, ма, – пояснила Малати. – Я решила, что мне не помешает послушать – вдруг узнаю что-то полезное для своей роли в «Двенадцатой ночи».

Госпожа Рупа Мера молча поджала губы, и Малати продолжала:

– Так, Савита, ты только не волнуйся, ладно? Во время лекции ему стало нехорошо, он чуть не потерял сознание и вынужден был сесть. Ребята с его кафедры мне рассказали, что пару дней назад с ним уже происходило нечто подобное, но приступ длился буквально несколько секунд и Пран настоял на том, чтобы продолжить лекцию.

Госпожа Рупа Мера так разволновалась, что даже не подумала упрекнуть Малати (хотя бы мысленно) во фривольном общении с мальчиками.

– Где он? – охнула она. – С ним все в порядке?

– Он кашлял? – спросила Савита. – Задыхался?

– Нет, не кашлял, но дышал, кажется, с трудом. Надо вызвать ему врача. И если уж ему так надо работать, пусть читает лекции сидя.

– Но он ведь еще молод, Малати, – сказала Савита и прикрыла живот ладонями, словно пытаясь защитить ребенка от этого разговора. – Он меня не слушает. Я и так ему говорю, чтобы не перетруждался, не относился так серьезно к своим обязанностям.

– Кроме тебя, он вообще никого слушать не станет, – сказала Малати, вставая и кладя руку на плечо Савите. – Мне кажется, этот случай его напугал, и сейчас он может прислушаться к твоим советам. Он ведь должен помнить не только о себе и о своих обязанностях, но и о вас с малышом. Ладно, побегу обратно: проверю, чтобы его немедленно отправили домой. И не пешком, а на рикше.

Госпожа Рупа Мера отправилась бы спасти Прана сама, если бы не боялась оставить Савиту одну дома. Савита тем временем гадала, как ей поговорить с мужем – чем еще можно его пронять? Пран такой упрямый и до абсурда ответственный. Вполне вероятно, что никакие уговоры и мольбы на него не подействуют.

12.12

В этот миг Пран как раз демонстрировал свое упрямство. Он сидел в преподавательской наедине с профессором Мишрой, минуту назад выяснившим, что картина, свидетелем которой он ненароком стал в кабинете Прана, была вовсе не сценкой из Шекспира. Профессору нравилось считать себя человеком осведомленным, и он задал студентам несколько вопросов. Новость не слишком его встревожила, однако он отвел спутника в свой кабинет и направился напрямик в преподавательскую.

Только что прозвенел звонок, и коллеги Прана гадали, оставить его одного или опоздать на свои лекции. Профессор Мишра вошел, улыбнулся присутствующим, включая Прана, и сказал:

– Оставьте больного мне, я обязуюсь выполнять все его капризы и прихоти. Как вы, дорогой мой? Я послал прислужника за чаем.

Пран благодарно кивнул:

– Спасибо, профессор Мишра, не знаю, что на меня нашло. Я мог бы и закончить лекцию, но мои студенты, понимаете...

Профессор Мишра положил толстую, бледную руку на плечо Прана:

– Студенты так о вас пекутся, уж так пекутся! А ведь это одна из главных радостей преподавания – живой контакт с учениками. Вдохновлять их, менять их картину мира – какие-то сорок пять минут лекции, крошечный промежуток времени от звонка до звонка способен многое изменить в их восприятии! Вы открываете им самую суть, самое сердце поэтического произведения, и... ах! Недавно один человек сказал мне, что я – из тех преподавателей, чьи лекции запоминаются на всю жизнь... Великий учитель – как Гурудев⁸¹, или дастур⁸², или Кхалилуддин Ахмед – есть светоч науки и разума... Как раз об этом я рассказывал профессору Джайкумару из Мадрасского университета, показывая ему сегодня нашу кафедру. Я признался, что это высочайшая оценка моих трудов и похвала, которую я никогда не забуду. Но что-то я заболтался, мы ведь говорили о ваших студентах, а не о моих. Многие из них были очарованы милой и невероятно компетентной девушкой, которая взяла дело в свои руки. Кто она такая? Вы ее раньше видели?

– Малати Триведи, – ответил Пран.

– Не мое дело, конечно, – продолжал профессор Мишра, – но зачем она пришла на вашу лекцию? Она наверняка чем-то объяснила это, когда запрашивала разрешение... Отрадно, что слава нашего преподавателя гремит за пределами кафедры. Мне кажется, я где-то видел эту девицу.

---

⁸¹ *Гурудев* – прозвище Рабиндраната Тагора (1861–1941), индийского писателя, поэта, композитора, художника, общественного деятеля, чье творчество сформировало литературу и музыку Бенгалии.

⁸² *Дастур* – зороастрийский священнослужитель высокого ранга, возглавляющий религиозное сообщество провинции.

– Не представляю, где вы могли ее видеть, – сказал Пран и вдруг с ужасом вспомнил: конечно, на Холи, когда профессору устроили возмутительное купание в ванне! – Простите, профессор Мишра, я не вполне понял ваш вопрос, – сказал Пран, которому было трудно сосредоточиться: из головы не шел образ барахтающегося в розовой воде профессора.

– Ах, не волнуйтесь, не беспокойтесь. У нас еще будет время все обсудить, – сказал профессор Мишра, озадаченный выражением лица Прана; тот поглядывал на него испуганно и при этом чуть ли не насмешливо. – О, вот и чай. – Прислужник подобострастно двигал поднос туда-сюда, пытаясь угадать следующее движение профессора; Мишра продолжал: – Вы знаете, мне уже не впервые приходит в голову, что вы взвалили на себя слишком много. Конечно, от некоторых дел так просто не отмахнешься... Ваши административные обязанности, к примеру. Не далее как сегодня утром мне рассказывали, что вчера вы встречались с сыном раджи Марха – в связи с тем жутким скандалом, в который он вляпался. Разумеется, если его наказать, это взбесит раджу – он у нас человек весьма вспыльчивый, не находите? Работая в такой комиссии, невольно наживаешь себе врагов. А с другой стороны, власть всегда обходится дорогой ценой, да и долгом пренебрегать нельзя. «Суровое дитя божественных речей – о Долг»⁸³, да-да! Однако надо следить, чтобы это не мешало главной нашей обязанности – преподаванию.

Пран кивнул.

– А вот дела факультета – это уже другое, – продолжал профессор Мишра. – Я решил, если вам так будет угодно, освободить вас от обязательств, связанных с составлением программы. – Пран помотал головой; профессор Мишра продолжал: – Коллеги из ученого совета прямо сказали мне, что ваши рекомендации – то есть наши рекомендации – никуда не годятся. Джойс, вы знаете, имел весьма незаурядные наклонности... – Он взглянул в лицо Прану и понял, что топчется на одном месте: тот его и не слушал.

Пран помешал ложечкой чай и сделал глоток.

– Профессор Мишра, – сказал он. – Я как раз хотел спросить: состав отборочной комиссии уже известен?

– Отборочной комиссии? – с невинным видом переспросил профессор Мишра.

– По вакансии доцента.

Савита в последнее время часто поднимала эту тему в разговорах.

– Ах да! Тут нужно время, вы же понимаете, нужно время. Учебная часть нынче завалена работой. Но вакансию мы выставили, как вы знаете, и надеемся в ближайшее время получить все резюме. Я уже просмотрел несколько заявок, там есть очень сильные кандидатуры, очень сильные. С хорошей квалификацией и прекрасным послужным списком.

Он приумолк, давая Прану возможность что-нибудь сказать, однако тот упорно хранил молчание.

– Что ж, – сказал профессор Мишра, – не хочу расстраивать такого талантливого молодого человека, как вы, но, думаю, через годик-другой, когда вы поправите здоровье и все остальное устаканится... – Он ласково улыбнулся Прану.

Пран улыбнулся в ответ. Сделав еще глоток чая, он наконец заговорил:

– Профессор, а когда, по-вашему, должно пройти первое заседание комиссии?

– О, трудно сказать, очень трудно. У нас ведь порядки совсем не такие, как в Патне: там завкафедрой может запросто выдернуть несколько человек из бихарского комитета по государственной службе и созвать заседание. Такая система, признаю, имеет ряд преимуществ. Наша система формирования комиссий излишне сложна: двое членов должны быть из экспертного совета, одного назначает ректор и так далее. Профессор Джайкумар из Мадраса, только что ставший свидетелем вашего... – он едва не сказал «выступления», но тут же осекся, – обморока, как раз состоит в экспертном совете. Однако он не может приехать в любой день, как

⁸³ У. Вордсворт. Ода к долгу. Перев. А. Олеара.

и остальные члены комиссии... Нужно подгадать время. Кроме того, проректору в последнее время нездоровится, и он подумывает о выходе на заслуженный отдых. Бедняга, ему только отборочных комиссий не хватало! Да, на все требуется время, что поделаться. Впрочем, уверен, вы способны войти в положение и посочувствовать... – Профессор Мишра печально уставился на свои большие бледные руки.

– Кому – ему, себе или вам? – непринужденно спросил Пран.

– Метко, метко! – воскликнул профессор Мишра. – В самом деле, я об этом не подумал: мои слова можно истолковать двояко. Что ж, посочувствуйте всем. Не нужно бояться проявлять сочувствие, от нашей щедрости его запасы не иссякнут. Искреннее сочувствие так редко встретишь в современном мире! Люди зачастую говорят другим то, что те хотят услышать, не задумываясь об истинных интересах человека. К примеру, если бы я посоветовал вам отказаться от соискания должности доце...

– ...я бы ответил «нет», – закончил за него Пран.

– ...то я думал бы только о вашем здоровье, мой дорогой, только о вашем здоровье. Вы так много на себя взвалили, да еще постоянно публикуетесь... – Он сокрушенно покачал головой.

– Профессор Мишра, я принял решение, – сказал Пран. – Я подал документы на соискание и надеюсь, что комиссия все-таки выберет меня. Знаю, вы будете на моей стороне.

Лицо профессора на мгновение исказила легкая гримаса ярости, однако к Прану он обратился предельно вкрадчивым и мягким тоном.

– Конечно-конечно, – произнес он. – Еще чайку?

К счастью, профессор Мишра уже покинул Прана к тому времени, когда в преподавательскую вошла Малати. Она сообщила, что Савита ждет его дома и поедет он туда на рикше, который уже стоит у дверей.

– Да тут только кампус перейти! – возразил Пран. – Ну правда, Малати, я не калека какой-нибудь. Вчера вот преспокойно дошел до Прем-Ниваса.

– Это приказ госпожи Капур, господин, – невозмутимо ответила Малати.

Пран пожал плечами и покорился своей участи.

Когда он приехал домой, его теща была на кухне. Он велел Савите не вставать и нежно обнял ее за плечи.

– Ну почему ты такой упрямый, а? – От ласки мужа ее тревога вспыхнула с новой силой.

– Все будет хорошо, – заверил Савиту Пран. – Все будет отлично.

– Я вызову врача.

– Себе можешь вызвать, а мне не нужно.

– Пран, я настаиваю. Если я тебе безразлична, ты должен хотя бы иногда прислушиваться к моим советам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.